

FACULTY OF LAW AND ADMINISTRATION
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN
FACULTY OF LAW
IVANE JAVAKHISHVILI TBILISI STATE UNIVERSITY

POLISH — GEORGIAN

Law Review

No. 1/2015

Wydawnictwo
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego
w Olsztynie

EDITORIAL STAFF – KOMITET REDAKCYJNY

Przemysław Dąbrowski (przewodniczący – editor-in-chief),
Robert Dziembowski (z-ca przewodniczącego – vice-editor-in-chief),
Anna Korzeniewska-Lasota (sekretarz – executive secretary)

SCIENTIFIC COUNCIL – RADA NAUKOWA

Levan Alexidze (Tbilisi), Irakli Burduli (Tbilisi), Jerzy Kasprzak (Olsztyn),
Stanisław Pikulski (Olsztyn), Moris Shalikashvili (Tbilisi), Nugzar Surguladze (Tbilisi),
Dariusz Szpoper (Olsztyn), Mikołaj Tarkowski (Olsztyn)

RECENZENCI – REVIEWERS

Marek Białokur (Opole), Anna Falkowska (Toruń), Piotr Fiedorczyk (Białystok),
Ryszard Gaidis (Vilnius), Marcin Glicz (Gdańsk), Rustis Kamunatavičius (Kaunas),
Jarosław Kostrubiec (Lublin), Aleksander Salenko (Kaliningrad),
Krystyna Szczechowicz (Olsztyn), Michał Urbańczyk (Poznań),
Sergiusz Wasiuta (Kraków)

REDAKCJA WYDAWNICZA

Elżbieta Pietraszkiewicz

PROJEKT OKŁADKI

Adam Głowacki

SKŁAD I ŁAMANIE

Marian Rutkiewicz

Czasopismo „Polish-Georgian Law Review” ukazuje się w wersji papierowej i elektronicznej.
Wersja papierowa jest pierwotna

ADRES REDAKCJI

Adres Redakcji – Address
Al. Warszawska 98, 10-719 Olsztyn, Poland
e-mail: przemyslaw.dabrowski@uwm.edu.pl

PL ISSN 2451-0211

© Copyright by Wydawnictwo UWM • Olsztyn 2015

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. 89 523 36 61, fax 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Nakład: 100 egz.; ark. wyd. 14; ark. druk. 12
Druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. nr 173

Table of contents

History of State and Law and Political-Legal Thought

Igor Isaiev – Историческая традиция правотолкования (российский опыт 20-х годов)	7
Nikolai Javakhishvili – У истоков грузино-польских взаимоотношений (XV–XVII вв.)	13
Marina Garishvili – <i>Обозрение Грузии по части прав и законовещения</i> – еще один памятник древнегрузинского права	29
Przemysław Dąbrowski – The sources of national law in the Republic of Poland (1918–1939)	57
Anna Korzeniewska-Lasota – The legal status of the Poles in the Kingdom of Poland (1815–1914)	65
Rafał Kania – The Criminal Code in the Kingdom of Poland of 1818. The circumstances of implementation and fundamental assumptions of the first Polish criminal codification	73
Mariam Khoperia – The political situation in Georgia in the first half of XIV century and Royal Charter, created at the initiative of George V	83
Mikołaj Tarkowski – Statutes of Casimir the Great – the monument of medieval law culture in Poland	91
Olga Filaszkievicz – Polish academic corporations at Stefan Batory University in Vilnius – the origin, character and structure	99
Oskar Kanecki – The deeds of the regional councils of the Grand Duchy of Lithuania	113
Adam Ćwikła – Status of peasants in Poland of 19 th century	123

Public Law

Andrzej Sylwestrzak – Разделение властей в Конституции Республики Польши от 1997 г.	137
Denis Solodov, Iliia Solodov – Расследование серийных убийств: проблемы практики (на примере Андрея Чикатило)	155
Marcin Kazimierczuk – Restrictions on freedom of association on the example of trade unions in Poland	169

Reports

Przemysław Dąbrowski – <i>Doctor honoris causa</i> for Professor Dariusz Szpoper	189
Oskar Kanecki – The 6 th Polish-Georgian Colloquium: <i>History of the sources of law in Poland and Georgia</i> , Olsztyn, 30 th September 2015	191

**History of State and Law
and Political-Legal Thought**

Igor Isaiev

Московский Государственный Юридический Университет

Историческая традиция правотолкования (российский опыт 20-х годов)

Правоприменение является завершающей стадией сложного процесса правотворчества, его итогом и, в известной мере, целью. Законченная норма приобретает на этой стадии своего существования собственную среду обитания в пространстве и времени. Здесь она сталкивается с объектом своего регулирования и одновременно выходит из рациональной сферы правотворчества, чтобы войти в иррациональную среду реальной жизни.

Правоприменение осуществляется целой системой специально организованных формальных структур и институтов. Эта стадия правотворческого процесса может быть определена как этап реализации права.

С этой проблемой естественно связан вопрос о реальности права вообще и конкретной нормы в частности. Имеющийся у нас опыт отечественной юриспруденции позволяет выделить в проблеме некоторые наиболее актуальные ее аспекты.

Сама правовая реальность состоит из трех основных уровней, определяемых как: а) правосознание, б) норма, в) правоотношение. С определенной долей условности третий уровень может быть ассоциирован с областью проявления именно правоприменения. Что касается действий по правотолкованию, они могут осуществляться на всех трех этапах жизни права.

В отечественной юриспруденции, как теоретической, так и практической, в самом начале 20-х годов имели место три существенно отличных друг от друга подхода к оценке проблемы правотолкования (и соответственно, правоприменения).

Так называемая **психологическая** школа права (связанная с именами М. Рейснера и И. Ильинского) сущность права усматривала в правовой идее, то есть **правосознании**. Идею формировали разного рода психологические и социально-психологические факторы. Сама идея формулировалась особыми представителями класса, социальной группы или коллектива, то есть их идеологами. Символическая форма идей, ее заведомо расширительное понимание делали ее похожей скорее на эмоцию, чувство, чем четкую

формулу. По мнению сторонников данной теории, только в таком состоянии и могло существовать живое право. Будучи формализованным и заключенным в строгие формы, догмы и нормы, право теряет свой пафос, жизненную силу и умирает. Только спонтанный энтузиазм, волевой (часто неосознанный) порыв и интуитивное чувство справедливости подпитывают жизненную силу права.

У психологической школы права было свое особое отношение к правовым источникам. В условиях ломки старой правовой системы главным источником становилось «революционное правосознание», позволявшее судьям обходиться без набора писаных источников права. Несомненная гибкость такой системы правоприменения и правотолкования граничила с полным юридическим нигилизмом.

Процессы формирования системы правоприменительных и правоохранительных органов потребовали более определенного представления о правовой реальности и, соответственно, иной техники правоприменения. В силу конкретных исторических и идеологических обстоятельств механизм правоприменения складывался ранее, чем нормативная база, призванная регламентировать этот процесс.

Сложившаяся в этих условиях теория права как **социальной функции** (социологическая школа, связанная с именами А. Гойхбарга, П. Стучки и др.) рассматривала процесс правоприменения как в значительной мере агрегатный, автоматический и социально детерминированный. Право представлялось функцией социального организма и фактически отождествлялось с правопорядком. Реально существовавшие правоотношения сливались с общественными отношениями, собственно юридическая специфика регулирующих норм улетучивалась и, по мнению сторонников этой теории, правовые нормы неуклонно трансформировались в нормы организационнотехнические. Устаревшее понятие «законность» подменялось новым понятием «целесообразность». Внеправовые факторы (социальные и экономические) стали определяющими в процессах правоприменения и правотолкования.

Даже техника нормотворчества в форме систематизации и кодификации оказывалась под влиянием принципов целесообразности. Предполагалось (и практика шла этим путем) создание кодексов, состоявших только из одной общей части, в которой формулировались эти цели и принципы, место особенной части отводилось правоприменительной технике, то есть судебному толкованию. Главная ставка делалась на целесообразную деятельность судебных органов. Собственно правоприменение становилось основой правотворчества. Из юридического лексикона исчезли многие традиционные для него термины: понятие «наказание» заменялось термином «мера социальной защиты», социальные характеристики подменяли собой элементы субъективной стороны, мотивацию деяния и так далее. Казалось, что пришло время, когда отмирающее право будет заменено техникой и «власть над людьми» будет заменена «властью над вещами».

Конкретные жизненно важные проблемы новой экономической политики заставили вновь обратиться к вопросам нормотворчества и законодательства. Возрожденное понятие «законности» потребовало нормативного подкрепления. В короткие сроки была проведена большая кодификационная работа.

В сфере правотолкования возобладал **нормативистский подход**, нередко отождествляющий правовую реальность в целом с нормами права и законодательством в его различных формах. Законодатель стремился охватить и сформулировать все интересующие его сферы реальной жизни, сделав их областью правоприменения. Сама структура правовой нормы становится моделью и отражением подобного подхода. Особенная точность и четкость стали требоваться от языка и формулировок, которыми оперировал нормативный акт. Отрабатывались процедура создания нормативных актов, их иерархия, порядок вступления в силу, отмены и другие вопросы юридической техники.

Нормативистский подход приводил к значительной усложненности (и неизбежной внутренней противоречивости) правовой системы. Предлагая формализовать и уточнить весь процесс правоприменения, нормативизм неожиданно для себя только усугублял тенденцию судебного произвола, ведь толкование все более увеличивающегося массива правовых норм по-прежнему осуществлял суд. И судебная практика более позднего времени (конец 30-х гг.) подтвердила эти опасения.

Следует отметить, что каждый из рассмотренных теоретико-практических подходов делал акцент только на одной из сторон правовой реальности: идеологической, нормативной или социальной (базирующейся на правоотношении). Однако в чистом виде ни один из этих подходов не был реализован: идеологическая или психологическая школа учитывала принцип целесообразности и не избегала нормативных форм (чаще всего декларативного характера), понятие правопорядка в социологической школе было тесным образом связано с понятием правовой нормы, нормативистские концепции не избежали влияния социально-технических конструкций и так далее.

И все же эти подходы существенно различались между собой, когда дело касалось вопросов правоприменения. Само понятие **эффективности** применения права базировалось у них на разных критериях. Психологическая школа ставила во главу угла массовость и динамизм правовой идеи, социологическая – согласованность действия и рациональность в работе правового механизма. И только представители нормативистского подхода говорили о специальной эффективности закона.

Нормативистский подход к вопросам правотолкования и правоприменения остается господствующим в правовой жизни современного общества. Норма остается атомом, главной составляющей частью правовой системы. Ее индивидуальная эффективность определяется критериями долговечности,

размерами сферы действия (в пространстве и по кругу лиц) и тому подобное. Носители норм выстраиваются в сложную иерархию по степени значимости, широте охвата, хронологии. Законодательная техника достигла высокого уровня и представляется крайне изощренной.

И все же на стадии правоприменения норма попадает в инородную среду. Большое число факторов неправового характера оказывают на процесс правоприменения обратное и весьма заметное действие. Массовое непонимание или неприятие, социальное давление, бюрократическая рутина аппарата, принимающий все новые обличья принцип целесообразности, корпоративные интересы – все эти факторы не могут быть учтены в нормативистской парадигме, но оказывают заметное, подчас решающее влияние.

Опыт 20-х годов учит одному: правовая реальность – более сложное явление, чем это может представляться одностороннему нормативистскому взгляду. Перенос акцентов, свойственный правоведению того периода, когда оно касалось вопросов правоприменения, объяснялся не только субъективными причинами и предпочтениями теоретиков. На него влияли и изменения в источниковой правовой базе, и объем задач, стоявших перед законотворцем. Но главная причина подобного плюрализма подходов – сама объективная структура правовой реальности, с чем не может не считаться и современный законодатель. Правоприменение – элемент единства, которое представляет собой общественная жизнь. На нем отражаются господствующие на данном историческом отрезке времени идеи и стремления, особенности мировоззрения, реально существующая механика социального организма и весь накопленный и систематизированный нормативный материал. Поэтому задачей законодателя с неизбежностью остается учет и обобщение всех этих многочисленных факторов, так или иначе влияющих на применение и действие создаваемой им правовой нормы или целого закона.

Библиография

- Карнер И., *Социальные функции права*, Москва – Петроград 1923.
Пашуканис Е.Б., *Общая теория права и марксизм*, Москва 1924.
Разумовский И.П., *Социология и право*, Москва 1924.
Рейснер М.А., *Право. Наше право. Чужое право. Общее право*, Ленинград 1925.
Сталькевич А.К., *Пути развития советской правовой мысли*, Москва 1928.
Стучка П.И., *Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права*, Рига 1964.

Резюме

Ключевые слова: норма, правовая идеология, правосознание, социальная функция, юридическая техника, наказание, меры социальной защиты, кодексы, правовое регулирование, система права.

В статье рассматривается процесс смены нескольких правовых идеологий, характерных для советского правотворчества и правопонимания в первые годы советской власти 1917–1922 гг. Психологическая теория права во главу угла ставила революционное правосознание как источник права. Сменившая ее теория «социальных функций» предполагал замену систему правовых норм организационно-техническим. Наконец нормативистская теория права сделала закон главным источником права.

Nikolai Javakhishvili

Тбилисский Государственный Университет

У истоков грузино-польских взаимоотношений (XV–XVII вв.)

История грузино-польских взаимоотношений насчитывает более пяти веков. Основы этих взаимоотношений были заложены еще в конце XV века.

Несмотря на то, что отдельным вопросам грузино-польских взаимоотношений было посвящено немало исследований, еще многое предстоит выявить и изучить.

Около 20-ти лет мы занимаемся вопросами этих взаимоотношений; по теме нами опубликованы две книги как на грузинском¹, так и английском² языках, а также несколько статей, которые вышли на грузинском³, польском⁴ и русском⁵ языках.

¹ Н. Джавахишвили, *Грузины под флагом Польши (из истории польско-грузинских военно-политических взаимоотношений)*, Тбилиси 1998 (на грузинском языке).

² N. Javakhishvili, *Georgian swordsmen under the Polish banner (A Study of Polish-Georgian Military and Political Relations)*, Tbilisi 1998 (на английском языке).

³ Н. Джавахишвили, *Незабываемая страница в истории грузино-польских взаимоотношений (1918–1921 гг.)*, «Грузинская дипломатия», т. IX, Тбилиси 2002; *Грузино-польские взаимоотношения (прошлое и современность)*. Сборник материалов научной конференции «Грузия и мир. Прошлое и современность» (Батуми, 14–15.11.2008 г.), Батуми 2009; *Польша и поляки глазами выдающихся грузинских деятелей (с начала 20-ых годов XIX века – 20-ых годов XX века)*, «Грузинская дипломатия», т. XV, Тбилиси 2011; *Сведения о Польше и Прибалтике, сохраненные в грузинских источниках (XVIII в.)*, «Грузинское источниковедение», т. XIII–XIV, Тбилиси 2011–2012; *Из истории отношений к полякам грузинских государственных, политических и общественных деятелей (XIX–XX вв.)*, «Вопросы новой и новейшей истории», т. XI, Тбилиси 2012 (на грузинском языке).

⁴ N. Dżawachiszwilli, *Stanowisko gruzińskich deputowanych Dumy Państwowej wobec kwestii polskiej i fińskiej*, [в:] D. Tarasiuk, K. Łatawiec, M. Korzeniowski (red.), *Kompromis czy konfrontacja? Studia z dziejów parlamentaryzmu rosyjskiego początku XX wieku*, Wyd. UMCS, Lublin 2009; idem, *Polka – żona ostatniego gruzińskiego władcy*, [в:] A. Sylwestrzak, D. Szpoper, A. Machnikowska, P. Dąbrowski (red.), *Materiały z VII Ogólnopolskiego Zjazdu Katedr Doktryn Politycznych i Prawnych «Kultura i myśl polityczno-prawna» (Jurata, 28–31. V. 2008 r.)*, Uniwersytet Gdański, Sopot 2010 (на польском языке).

⁵ Н. Джавахишвили, *Польша и поляки глазами выдающихся грузинских деятелей (с начала XIX века – до 20-ых годов XX века)*, «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Sectio G, vol. LVIII, z. 1, Wyd. UMCS, Lublin 2011; *Сведения о Польше и странах Балтии, сохраненные в грузинских источниках XVIII века*, «Studia Prawnoustrojowe», Wyd. UWM, Olsztyn 2014; *Отражение Польши и поляков в грузинском общественном мышлении (с начала XVIII века – до 60-ых годов XX века)*, «Вопросы новой и новейшей истории», т. XV, Тбилиси 2014 (на русском языке).

В предлагаемом исследовании представлены два очерка по истории грузино-польских военно-политических и торгово-экономических взаимоотношений, хронологические рамки которых охватывают XV–XVII веков.

Из истории грузино-польских военно-политических взаимоотношений (конец XV века)

В 1453 году турки-османы взяли Константинополь, разгромили Византийскую империю и овладели черноморскими проливами, в силу чего оказались в непосредственном соседстве с южной Европой и Грузией.

Римские папы неоднократно пытались организовать крестовые походы против турок. В 1458–1460 годах на призыв папы римского Пия II (Енеа Сильвио Пиколомини) организовать антиосманскую коалицию с готовностью откликнулись и грузинские цари. Однако, поскольку в тот период европейские страны погрязли в собственных междоусобицах, благому намерению не суждено было осуществиться.

В 1494–1495 годах весть об усилении Испании вновь оживила в Грузии старый план совместного похода против турок. Определенная заслуга в этом принадлежала известному грузинскому церковному деятелю и дипломату иеромонаху Кир-Нилу, пользовавшемуся большим авторитетом при дворе царя Картли/Карталинии (Центральная Грузия), представителя царской династии Багратионов – Константина II (царствовал в 1478–1505 годах), который сразу же по возвращении иеромонаха из Египта послал его в Испанию и Рим.

Примечательно, что Константин II не только попытался установить военно-политический союз с королевой Испании Изабеллой I (царствовала в 1474–1504 годах), но и поручил своему послу начать переговоры с папой римским. Помимо прочего, посол должен был сообщить папе о решении картлийского царя и его подданных войти под покровительство Римской церкви. Грузинский и испанский послы совместно везли письмо к Изабелле I. Их путь в Испанию лежал через Литву и Польшу, и это отнюдь не было обусловлено лишь поиском выходного пути в Европу.

В конце XV века в Грузии уже знали о враждебном отношении правителей Польши и Литвы к туркам, и поэтому грузинскому послу вменялось в обязанность вести с ними тайные переговоры⁶.

Интересно, каково было положение в Прибалтике той эпохи, а также немногим более раннего периода?

На рубеже XII–XIII веков на большей части литовских земель утвердились уже по одному князю. Это была семейная власть – во главе стоял один из членов семейства. В конце XII века по всей Литве возобладали одна группа

⁶ Н. Джавахишвили, *Грузины под флагом Польши...*, с. 5–6.

князей, представителями которой были Стакис и Дангерутис. Этим «высшим» князьям повиновались другие князья. Так сложилась конфедерация литовских земель, которая начала распространять политическое влияние на соседние земли. Вскоре Литва стала гегемоном, но в начале еще не могла реализовать свою гегемонию в политическом плане. Единовластный правитель Литвы выдвинулся в то время, когда Русь поработили татары (1237–1240), основавшие в низовьях Волги и Дона мощное государство – «Золотую Орду». Около 1240 года выдвинулся Миндовг (по-литовски – Mindaugas) как первый властитель Литвы. В это время власть Великого князя Миндовга еще не была прочной – он управлял не всей литовской землей (в узком смысле), а лишь ее южной частью. Но несмотря на это, Миндовг сосредоточил в своих руках такие людские и материальные ресурсы, какими еще не располагал ни один из старейших князей. Русские стали называть Миндовга Великим князем, а немцы – королём.

В XV веке одним из самых крупных государств Европы (по территории) было Великое Литовское княжество. Его площадь составляла около 1 миллиона км². Оно владело берегами как Балтийского, так и Чёрного моря. В стране жило приблизительно 3,5 миллиона человек. Этническая Литва составляла лишь небольшую часть этой территории. В начале XVI века литовцев было не менее полумиллиона. Политический вес определялся количеством не просто жителей, а дворян (они составляли около 7 процентов населения страны). Литовское дворянство было заметно многочисленнее русского. Оно составляло почти половину правящего слоя государства⁷.

Все вышесказанное было известно тогдашней правящей элите Грузии, решившей установить союз с этим сильным северным государством.

Что же касается того, что письмо грузинского царя к правителям Литвы и Польши по сей день не обнаружено, то, по мнению профессора Ясе Цинцадзе, вполне возможно, что послу поручалось самому огласить решение царя⁸.

Подтверждением же того, что грузинский посол ознакомил правителя Польши с планом создания антитурецкой коалиции, в связи с чем при польском царском дворе было созвано чрезвычайное совещание, является тот факт, что перевод письма карталинского царя к королеве Изабелле I был внесен в «Литовскую метрику»⁹.

Полный текст этого документа прилагается к статье (см. приложение).

Известно, что в «Литовской метрике» хранились тексты документов, содержащих значительные вопросы текущей внутренней и внешней политики

⁷ Э. Гудавичюс, *История Литвы с древнейших времен до 1569 года*, Москва 2005, с. 35–48; 393 (на русском языке).

⁸ Я. Цинцадзе, *Материалы к истории польско-грузинских взаимоотношений (XV–XVII вв.)*, Тбилиси 1966, с. 34 (на грузинском языке).

⁹ *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, knyga nr 5, Lietuvos istorijos institutas, Vilnius 1993, с. 293–295.

Литвы. В эту книгу вносились лишь тексты деловой переписки, которые рассматривались на Государственном совете.

Как выясняется, с текстом письма грузинского царя Константина II к королеве Испании Изабелле I, отражающим общие для христианских стран интересы, грузинский и испанский послы словесно ознакомили правителей Литвы и Польши, которые и внесли текст письма в «Литовскую метрику»¹⁰.

Текст этого письма, который перевел на грузинский и издал профессор Ясе Цинцадзе¹¹, внесён в хрестоматию «История грузинской дипломатии»¹¹.

В «Литовской метрике» указанный документ датирован 1465 годом¹², что вызывает сомнение. Дело в том, что в то время Грузинское царство существовало как единое государство и оно распалось только в следующем – 1466 году. Кроме того, Константин II царствовал с 1478 года.

По поводу этого письма в свое время высказался выдающийся грузинский историк академик Иванэ Джавахишвили (1876–1940). Он доказал, что реально оно написано и послано в 1495 году¹³.

В рассматриваемый период королём Польши был один из представителей династии Ягеллонов, сын короля Казимира IV Ягеллончика – Ян I Олбрахт/Иоанн-Альберт (1459–1501), который царствовал в 1492–1501 годах, а Великим князем Литвы являлся его младший брат Александр (1461–1506). В 1492 году Великий князь Александр начал править Литвой как первый «согласованный» наследник династии Ягеллонов¹⁴.

В 1501 году, после смерти Яна I Олбрахта, королём Польши стал его младший брат – Александр, который параллельно остался и Великим князем Литвы. Заметим здесь же, что с этого года Польшей и Литвой правили одни и те же правители¹⁵.

Таким образом, основа грузино-польских военно-политических взаимоотношений была заложена в 1495 году, когда посол грузинского царя Константина II посетил Литву и Польшу и передал их правителям послание своего монарха¹⁶.

¹⁰ Я. Цинцадзе, ук. соч., с. 34–73.

¹¹ *Грамота Константина II к королеве Испании Изабелле о создании антиосманской коалиции (1495 г.)*, [в:] *Грузинская дипломатия (Хрестоматия)*, Тбилиси 2004, с. 253–255 (на грузинском языке).

¹² *Lietuvos Metrika...*, с. 295.

¹³ И. Джавахишвили, *История грузинского народа*, кн. 3, ч. 2: *XV век*, [в:] *Сочинения в двадцати томах*, т. 3, Тбилиси 1982, с. 452–453 (на грузинском языке).

¹⁴ Э. Гудавичюс, *История Литвы с древнейших времен до 1569 года*, Москва 2005, с. 419 (на русском языке).

¹⁵ Н. Сычев, *Книга династий*, Москва 2006, с. 160 (на русском языке).

¹⁶ Н. Джавахишвили, *Очерки истории грузино-балтийских взаимоотношений*, Рига 2015 (на русском языке).

Из истории грузино-польских торгово-экономических взаимоотношений (первая треть XVII века)

Известно, что литовско-польское сближение началось еще в 1386 году в результате брака Великого князя Литвы – Ягайло и дочери короля Польши – Ядвиги.

По оценке современных литовских историков, метафора «священного брака» часто применяется ко всему процессу последовательных уний, приведших к объединению обеих стран в одно государство. В 1569 году уния, оформленная в Люблине, официально завершила процесс объединения Польши и Литвы в одно государство – Речь Посполитую. В результате этого объединения территория нового государства включала в себя как собственно Польшу и Литву, так и большую часть Балтийского побережья, а южная граница достигала северных берегов Черного моря. Это было оригинальное государственное образование, которое иногда даже называют предшественником современного Европейского Союза. Победы в Грюнальдской битве не могло быть без сближения обеих стран и объединения их войск, а успешного окончания Ливонской войны – без упомянутой выше унии¹⁷.

Добавим здесь же, что до Люблинской унии народы Прибалтики прошли довольно сложный исторический путь развития.

С XIII до второй половины XVI века северная и центральная части Прибалтики, в частности, территория современной Латвии и Эстонии входила в состав Ливонии. Это название происходит от слова «ливвы». По-немецки страна ливов называлась «Livland».

По оценке современных латышских историков, в Ливонии образовалась типичная для средних веков федерация малых государств. Самым крупным из них было государственное образование Ливонского ордена. Вторым по величине было Рижское архиепископство. Дерптское (Тартуское), Эзельско-Викское и в особенности Курляндское епископства имели гораздо меньшую площадь. Формально высшая власть в Ливонии принадлежала римскому папе и германскому императору, однако их реальное влияние было незначительным. Кроме того, чтобы вовсе не утратить контроль над Ливонией, император и папа римский то прямо, то косвенно препятствовали сближению малых государств, поощряя сепаратистские тенденции. В большей степени взаимоотношения участников федерации определяла иерархия местного высшего духовенства. Реально наибольшим влиянием пользовался магистр Ливонского ордена, бывший одновременно и главой орденского государства. Его власть ограничивали Тевтонский орден, руководство которого назначало магистра, а формально и рижский архиепископ как высшее в Ливонии духовное лицо. В 1561

¹⁷ А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, М. Тамошайтис, *История Литвы*, перевод со 2-го литовского издания Е. Суворовой, Вильнюс 2013, с. 71 (на русском языке).

году Ливония перестала существовать. Местные властители – магистр Ордена, рижский архиепископ, ливонское рыцарство принесли присягу на верность польскому королю Сигизмунду II Августу. Подписанное в Вильнюсе соглашение предусматривало раздел территории между Польшей и Швецией. Швеция получила Северную Эстонию, образовав там Эстляндское герцогство. На территории Латвии было создано Курземско-Земгальское (Курляндское и Семигальское) герцогство. Сохранив независимость во внутренних делах, герцогство оказалось в вассальной зависимости от Польши, позднее – Польско-Литовского королевства. На территории Латвии по правому берегу реки Даугавы и в южной части Эстонии возникло Задвинское герцогство, ставшее провинцией Речи Посполитой. Рига, двадцать лет пробывшая вольным городом, лишь в 1581 вошла в состав Польско-Литовского государства. Небольшая часть бывшего Курляндского епископства перешла в руки Дании, но в 1585 году и ее под именем Пилтенского воеводства присоединило к себе Польско-Литовское королевство¹⁸.

В то время за господство на Балтийском море боролись между собой как Польша и Литва, так и Швеция и Дания. Чтобы не попасть в зависимость от России, руководство Ливонского ордена решило подчиниться Польско-Литовскому королевству, а орден ликвидировать. Последний магистр этого ордена – Готард Кетлер в 1561 году стал первым правителем вновь созданного герцогства Курляндского и Земгальского¹⁹.

Именно тогда грузины сумели наладить связи с новым сильным государством в поисках нового выхода в Европу после перекрытия турками-османами черноморских проливов. Отметим здесь же, что эти связи были обусловлены как общим желанием противостоять опасности со стороны Османской империи, так и общими торгово-экономическими интересами.

В первой трети XVII века грузинские царства и княжества довольно интенсивно общались с Польско-Литовским королевством²⁰.

В 1627 году итальянский путешественник Пьетро делла Вале в докладной записке папе Урбану VIII сообщал, что монарха Польско-Литовского королевства связывала большая дружба с владетельными князьями Западной Грузии – Гуриели (правитель княжества Гурии) и Дадияни (правитель княжества Мегрелии/ Самегрело). Между ними велась оживленная переписка, а Черное море бороздили торговые суда²¹.

¹⁸ И. Бутулис, А. Зунда, *История Латвии*, перевод Р. Добровенского, Рига 2010, с. 21–32 (на русском языке).

¹⁹ Г. Курлович, А. Томашун, *История Латвии. Учебник для основной школы*, перевод с латышского И. Шнейдере, Рига 2002, с. 86–87 (на русском языке).

²⁰ Н. Джавахишвили, *Грузины под флагом Польши...*, с. 6.

²¹ *Доклад Пьетро Дела-Вале о Грузии папе римскому Урбану Восьмому (1627 г.)*, перевод с итальянского А. Чкония, «Иверия», Тифлис 1899, № 3, с. 56–57 (на грузинском языке).

Тем временем русским послам, пребывающим в Западной Грузии в 1639–1640 годах, – Федоту Ельчину и Павлу Захарьеву стало известно, что правитель Мегрелии Даддани и другие грузинские правители были в союзе с правительством Польско-Литовского государства²². В связи с этим 30 мая 1639 года по приказу царя Михаила Федоровича Романова Федоту Ельчину был передан письменный устав, в котором были определены и готовы ответы для русского дипломата на те или иные предполагаемые вопросы грузинских властей по поводу взаимоотношений России и Польско-Литовского государства (текст оригинала приводится без изменений): «А будет спросят: как ныне Государь с польским королём? И Федоту говорити: наперед сего меж великого Государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и прежнего польского Жигимонта короля [подразумевается Сигизмунд III. – Н. Д.] и сына его королевича Владислава, а нынешнего польского короля, была недружба и война; а ныне меж великого Государя нашего его царского величества и польского короля Владислава ссужались великие послы на границе и учинили меж их великих Государей мирной договор и вечное dokonчание. И недружбы ныне у царского величества с польским королем нет»²³.

В первой трети XVII века широкое распространение в Грузии получили денежные знаки Польско-Литовского королевства²⁴. Тогда королём Польско-Литовского государства был Сигизмунд III Ваза, который царствовал в 1587–1632 годах.

Обнаруженные в разное время в Грузии клады европейских монет позволяют судить о том, что здесь имели хождение серебряные монеты малого номинала – орты и полтораки, чеканенные в Польско-Литовском королевстве (наряду с золотыми дукатами, талерами, ортами и полтораками Бранденбурга-Пруссии)²⁵.

С 1608 года монетный двор Гданьска (тот же Данциг) начал чеканить орту, которая составляла 10 грошей. Спрос был столь велик, что по постановлению Сейма с 1616 года орты стали чеканить в монетных дворах Варшавы, Кракова, Быдгоща. Согласно постановлению из 1 гривны лигированного серебра следовало срезать 28 штук орт (каждая монета весила 7,6 грошей). Вскоре орты

²² *Материалы по церковной и этнополитической истории Абхазии. Посольство Федота Елчина и Павла Захарьева в Мегрелию (1639–1640)*, к изданию подготовил, предисловием, комментариями и словарем снабдил Д. Гамахария, Тбилиси 2005, с. 136; 184; 190; 196; 266–267; 326 (на русском языке).

²³ *Материалы посольств Гавриила Гегенава, Федота Елчина и Павла Захарьева (1639–1640 годы)*, к изданию подготовил, исследованием, комментариями, словарём, указателями и календарём снабдил Д. Гамахария, Тбилиси 2014, с. 375 (на русском языке).

²⁴ Н. Джавахишвили (в соавторстве), *Деньги в Грузии*, каталог, второе переработанное издание, Тбилиси 2003 (на грузинском языке).

²⁵ Р. Кебуладзе, *Обращение европейских монет в Грузии в XV–XVIII вв.*, Тбилиси 1971, с. 111 (на грузинском языке).

стали столь популярными в Европе, что монеты подобного типа стали чеканить и монетные дворы Бранденбурга и Пруссии²⁶.

В Грузии наряду с ортами обращались и монеты меньшего номинала – полтораки. Последние, как и орты, чеканились как в Польско-Литовском королевстве, так и в Бранденбурге и Пруссии, где они назывались драй-полкерами.

До настоящего времени на территории Грузии обнаружено в виде отдельных экземпляров или кладов: ортов – 13 и полтораков – 1 клад. Отсюда в Национальном музее Грузии хранится лишь 4 клада. Во всех 14 вышеотмеченных кладах обнаружены монеты Польско-Литовского королевства (данные приводятся в хронологической последовательности):

1) В 1895 году в селе Цкордза Ахалцихского уезда (регион Самцхе-Джавахетии) было найдено 4 европейских монеты, из них одна отчеканена в Польско-Литовском королевстве;

2) В начале XX века в окрестностях села Зедаубани Озургетского уезда (регион Гурии) при вспашке земельного участка обнаружен клад монет Польско-Литовского королевства;

3) В 1942 году в Тбилиси, на территории Трамвайного парка, при ремонте трамвайных путей был найден клад, содержащий 22 серебряные монеты. Среди них – 19 полтораков, отчеканенных в Монетном дворе Быдгоща в 1621–1626 годах от имени Сигизмунда III;

4) В 1944 году недалеко от села Джагира Цаленджихского района (регион Мегрелии) на краю смытой дороги была найдена серебряная монета Польско-Литовского королевства;

5) Приблизительно в 1945–1950 годах в Западной Грузии некие люди нашли клад серебряных монет, который поделили между собой. Из них 2 монеты они отнесли для определения в Национальный музей Грузии. Оказалось, что одна из них отчеканена от имени Сигизмунда III;

6) В 1950 году в селе Ноджихеви Мартвильского района (регион Мегрелии) была найдена орта, отчеканенная от имени Сигизмунда III в 1624 году. В настоящее время монета хранится в Краеведческом музее города Мартвили;

7) В 1954 году в городе Зестафони (регион Имеретии) на территории ферросплавного завода при производстве земляных работ был обнаружен глиняный кувшин с 33 серебряными монетами, среди которых оказалось 30 орт, отчеканенных в 1621–1626 годах от имени Сигизмунда III. Из них 21 монета отчеканена в Монетном дворе Быдгоща, 9 монет – в Гданьске;

8) В 1955 году недалеко от Тбилиси, в селе Шиндиси (регион Квемо Картли) при обработке земельного участка было найдено более 25 серебряных орт, отчеканенных в Польско-Литовском королевстве. Из них только 3 монеты хра-

²⁶ M. Gumowski, *Mennica Bydgoska*, Toruń 1950, с. 112–116 (на польском языке).

няться в Национальном музее Грузии. Они отчеканены от имени Сигизмунда III – в Гданьске в 1623 и 1625 годах (2 монеты) и в Быдгоще в 1624 году (1 монета);

9) В 1958 году в селе Тисели Ахалцихского района (регион Самцхе-Джавахетии) была найдена орта, отчеканенная от имени Сигизмунда III;

10) В 1958 году в селе Чалкати Ланчхутского района (регион Гурии) при обработке земельного участка был обнаружен клад с 84 серебряными монетами. Среди них оказались 2 орты, отчеканенные в 1622–1623 годах в Быдгоще от имени Сигизмунда III;

11) Приблизительно в 1960–1963 годах в Адигенском районе (регион Самцхе-Джавахетии), в Абастуманском лесу, при рытье фундамента дома были найдены серебряные монеты, отчеканенные в 1622–1626 годах в монетных дворах Быдгоща и Гданьска от имени Сигизмунда III. Клад был приобретен Ахалцихским краеведческим музеем²⁷;

12) В 2007 году в селище Кодавети, близ села Абано Карельского района (регион Шида Картли) при осмотре развалин церкви Святого Фёдора был обнаружен клад с европейскими серебряными монетами. Среди них оказались 18 орт, отчеканенных в 1617–1624 годах в монетных дворах Быдгоща и Гданьска от имени Сигизмунда III²⁸;

13) В 2014 году в селе Цинандали Телавского района (регион Кахетии) при обработке частного земельного участка был обнаружен клад, содержащий 3 серебряные монеты, чеканенные от имени Сигизмунда III. Среди них оказались 2 орты, чеканенные в 1623–1624 годах в Монетном дворе Гданьска и 1 трехгрошовая монета, отчеканенная в 1598 году в Монетном дворе Риги²⁹.

14) В 2015 году в селище Огбани, близ села Гогнаури Душетского района (регион Мцхета-Мтианети) при обработке частного земельного участка был обнаружен клад, содержащий 12 серебряные монеты, чеканенные опять-таки от имени Сигизмунда III. Среди них оказались 8 орты, чеканенные в 1621–1624 годах в монетных дворах Быдгоща и Гданьска, 1 полторак, отчеканенная в Монетном дворе Быдгоща в 1624 году и 3 трехгрошовая монета, отчеканенная в 1592, 1595 и 1599 годах в Монетном дворе Риги.

В 1971 году нумизмат Реваз Кебуладзе писал: «Основную часть найденных в Грузии орт и полтораков составляют польские монеты, незначительная же часть приходится на монеты Брандербурга-Пруссии: из последних на территории Грузии до настоящего времени обнаружены 4 орты и 3 драйполкера»³⁰.

²⁷ Р. Кебуладзе, *Обращение европейских монет...*, с. 112–122.

²⁸ Т. Кутелия, *Клад европейских монет из Кодавети*, «Картвелология», Тбилиси 2008, № 2, с. 55–57 (на грузинском языке).

²⁹ Н. Джавахишвили, *Монеты Сигизмунда III...*, с. 28–35.

³⁰ Р. Кебуладзе, *Обращение европейских монет...*, с. 123.

По мнению специалистов, эти монеты попали в Грузию не непосредственно из Бранденбурга и Пруссии, а из Польско-Литовского королевства. Поэтому при рассмотрении вопросов обращения этих монет основной акцент перенесен на монеты Польско-Литовского государства. Если одну из причин распространения в Грузии польских монет не следует искать в политическом союзе с Польско-Литовским королевством, то уж, во всяком случае, ее следует искать хотя бы в единстве политических целей. Кроме того, значительными факторами являются также торговля с Польско-Литовским государством шелком через Черное море и Днепр и действующая в XVII веке в Грузии денежная система³¹.

Примечателен состав клада из Кодавети – 18 польских монет и 3 из Бранденбурга-Пруссии. Аналогичен состав и двух кладов, найденных в Грузии: в Тбилиси (19 польских и 3 из Бранденбурга-Пруссии) и Зестафони (30 польских и 3 из Бранденбурга-Пруссии). И польские монеты, и монеты из Бранденбурга-Пруссии принадлежат маркграфу и курфюрсту Георгу-Вильгельму и срезаны в те же годы. Известно, что монеты Георга-Вильгельма имели хождение и в самой Речи Посполитой в царствование Сигизмунда III. Все это свидетельствует о том, что названные монеты должны были попасть в Грузию непосредственно из Речи Посполитой в определенный короткий промежуток к времени и, по-видимому, польские деньги попали к нам торговым путём Черное море-Днепр, по которому персидский и ширванский шёлк перевозили в Европу по следующему маршруту: Тебриз – Шемаха – Тбилиси – Кутаиси – Анаклия – Кафу (Феодосиополь) – Днепр – Киев – Варшава. В 20-ых годах XVII века этот путь был более безопасным, чем путь через Османскую империю³².

Вышеназванный торговый путь стал актуальным для Картлийского царства после того, как персидский шахиншах Аббас I фактически стер с лица земли Кахетинское царство, в результате чего для Картли был перекрыт путь на Восток по маршруту Тбилиси – Кахети – Ширван – Дербент – Астрахань.

Отметим, что днепровский торговый путь прекратил функционирование в результате русско-польской войны 1648–1654 годов, ведущейся за владение Украиной.

Теперь, что касается пока что последних кладов серебряных монет Сигизмунда III, найденного в Грузии, в 2014-2015 годах. Примечательно, что в кладах обнаружены трехгрошовые монеты (т. е. «трояки» или «тригрошевики»), отчеканенные в Риге в 1592, 1595, 1598 и 1599 годах. Детально опишем эти монеты, подобные которым в Грузии до указанных дат не была найдена.

На аверсе этих монет изображён портрет Сигизмунда III Вазы, увенчанного королевской короной. Портрет короля очень качественный и реалистический.

³¹ Т. Кутелия, ук. соч., с. 55–57.

³² Там же, с. 58–59.

На трехгрошовике есть круговая легенда на латинском языке (с сокращениями): «SIG. III. D. G. REX. PO. D. LI.» («Сигизмунд III. Милостью Божьей Король Польский, Герцог (Великий князь) Литовский»). На реверсе этих монет изображён городской герб Риги – две остроконечные башни, между которыми видна опускающаяся решетка городских ворот, и два скрещенных городских ключа сверху и надпись на латинском языке (с сокращениями): «III. GROS. 1592 [или 1595, или 1598, или 1599 – Н.Д.]. ARG. TRIP. CIVI. RIGE» («Трехгрошовая серебряная, 1592 [или 1595 или 1598, или 1599 – Н.Д.] года, город Рига»). Там же изображён знак рижского городского монетного двора – маленькая трехлепестковая королевская лилия.

Существует разные типы рижского трояка³³.

Добавим здес же, что в тот период, в частности в 1589-1603 и 1608 годах трояки чеканились и в Вильнюсском монетном дворе³⁴.

Монеты описанного типа довольно редки, поскольку они чеканились недолго. Здесь же отметим, что с 1569 до 1795 года герцогство Курляндское и Земгальское находилось в прямой вассальной зависимости от Речи Посполитой. В 1581 году Рига также попала под правление Речи Посполитой и в этом городе началась чеканка монет согласно установлениям монетной реформы тогдашнего короля Стефана Батория (1576-1586). В состав Речи Посполитой Рига входила до 1621 года, т. е. в течение лишь сорока лет³⁵. С учетом этого обнаружение указанных монет на территории Грузии – факт исторического значения.

К середине XVII века на монетный рынок Грузии перестали поступать европейские деньги, в том числе и монеты Речи Посполитой. Следует, однако, сказать, что исчезновение польских монет в Грузии в большей степени было обусловлено событиями, имевшими место в Украине, которые поначалу затормозили, а потом и вовсе прервали политико-экономические и культурные взаимоотношения между Грузией и Речью Посполитой³⁶.

В пору царствования в Картли царя Ростом, в частности, в 1632–1658 годах, в Монетном дворе Тбилиси начали чеканить серебрянные монеты типа

³³ E. Kruggel, G. Gerbaļevskis, *Die Мyzen der Stadt Riga unter polnischer Herrschaft 1581–1621*, Riga 2002, с. 230–231 (на немецком языке).

³⁴ E. Ivanauskas, *Coins and bars of Lithuania (1236–2012)*, Kaunas 2013 (на английском языке); V. Ruzas, *Lietuvos Didiosios Kunigaikštystės monetos Lietuvos banko Pinigų muziejuje /Coins of the Grand Duchy of Lithuania at the Money Museum of the Bank of Lithuania*. Katalogas/Catalogue, Vilnius 2015 (на литовском и английском языках);

³⁵ Озолина А., *Монеты Великого княжества Литовского в кладах на территории Латвии*. Материалы международной нумизматической конференции, посвященной 150-летию Национального музея Литвы (Вильнюс, 26–28.04.2006). Организатор конференции – Национальный музей Литвы. Составитель Д. Грималаускайте, Вильнюс 2010, с. 318–319 (на русском языке).

³⁶ Р. Кебуладзе, *Европейские медные монеты, обнаруженные в Грузии*, Труды Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили. Серия «История, археология, искусствоведение, этнография». т. 338, Тбилиси 2001, с. 185 (на грузинском языке).

персидских, которые полностью объяли монетный рынок Грузии и постепенно полностью вытеснили из обращения серебряные монеты Речи Посполитой.

Таким образом, в первой трети XVII века в Грузии широкое распространение получили серебряные монеты Речи Посполитой (Польско-Литовского королевства), чеканенные в основном от имени Сигизмунда III Вазы.

Как выясняется, состав найденных на территории Грузии кладов европейских монет позволяет заключить, что здесь имели хождение серебряные монеты Речи Посполитой малого номинала – орты и полтораки, отчеканенные в основном в монетных дворах Быдгоща и Гданьска, а также трехгрошовые монеты (т. е. «тройки» или «тригрошевики»), отчеканенные в Монетном дворе Риги.

Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что между грузинскими царствами и княжествами и Речью Посполитой издавна существовали довольно тесные политические и торгово-экономические отношения³⁷.

С 30-х годов XVII века в Грузии в обращение вошли монеты персидского типа, срезанные в Монетном дворе Тбилиси, которые постепенно полностью объяли местный монетный рынок.

Библиография

- Бутулис И., Зунда А., *История Латвии*, перевод Р. Добровенского, Рига 2010.
- Грамота Константина II к королеве Испании Изабелле о создании антиосманской коалиции (1495 г.), [в:] *Грузинская дипломатия (Хрестоматия)*, Тбилиси 2004.
- Гудавичюс Э., *История Литвы с древнейших времен до 1569 года*, Москва 2005.
- Gumowski M., *Mennica Bydgoska*, Toruń 1950.
- Джавахишвили И., *История грузинского народа*, кн. 3, ч. 2: XV век, [в:] *Сочинения в двенадцати томах*, т. 3, Тбилиси 1982.
- Javakhishvili N., *Georgian swordsmen under the Polish banner (A Study of Polish-Georgian Military and Political Relations)*, Tbilisi 1998.
- Джавахишвили Н., *Грузины под флагом Польши (из истории польско-грузинских военно-политических взаимоотношений)*, Тбилиси 1998.
- Джавахишвили Н., *Незабываемая страница в истории грузино-польских взаимоотношений (1918–1921 гг.)*, «Грузинская дипломатия», т. IX, Тбилиси 2002.
- Джавахишвили Н., *Грузино-польские взаимоотношения (прошлое и современность). Сборник материалов научной конференции «Грузия и мир. Прошлое и современность» (Батуми, 14–15.11.2008 г.)*, Батуми 2009.
- Dżawachiszwili N., *Stanowisko gruzińskich deputowanych Domy Państwowej wobec kwestii polskiej i fińskiej*, [в:] D. Tarasiuk, K. Latawiec, M. Korzeniowski (red.), „Kompromis czy konfrontacja?”. *Studia z dziejów parlamentaryzmu rosyjskiego początku XX wieku*, Wyd. UMCS, Lublin 2009.
- Dżawachiszwili N., *Polka – żona ostatniego gruzińskiego władcy*, [в:] A. Sylwestrzak, D. Szpoper, A. Machnikowska, P. Dąbrowski (red.), *Materiały z VII Ogólnopolskiego Zjazdu Katedr*

³⁷ Н. Джавахишвили, *Очерки истории грузино-балтийских взаимоотношений*, с. 22–30.

- Doktryn Politycznych i Prawnych «Kultura i myśl polityczno-prawna» (Jurata, 28–31 V 2008 r.)*, Uniwersytet Gdański, Sopot 2010.
- Джавахишвили Н., *Польша и поляки глазами выдающихся грузинских деятелей (с начала XIX века – до 20-ых годов XX века)*, «Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska», Sectio G, vol. LVIII, z. 1, Wyd. UMCS, Lublin 2011.
- Джавахишвили Н., *Сведения о Польше и Прибалтике, сохраненные в грузинских источниках (XVIII в.)*, «Грузинское источниковедение», т. XIII–XIV, Тбилиси 2011–2012.
- Джавахишвили Н., *Из истории отношений к полякам грузинских государственных, политических и общественных деятелей (XIX–XX вв.)*, «Вопросы новой и новейшей истории», т. XI, Тбилиси 2012.
- Джавахишвили Н., *Монеты Сигизмунда III из Кахетии*, «Историани», Тбилиси 2014, № 8 (44).
- Джавахишвили Н., *Отражение Польши и поляков в грузинском общественном мышлении (с начала XVIII века – до 60-ых годов XX века)*, «Вопросы новой и новейшей истории», т. XV, Тбилиси 2014.
- Джавахишвили Н., *Сведения о Польше и странах Балтии, сохраненные в грузинских источниках XVIII века*, «Studia Prawnoustrojowe», Olsztyn 2014, № 26.
- Джавахишвили Н., *Очерки истории грузино-балтийских взаимоотношений*, Рига 2015.
- Доклад Пьетро Дела-Вале о Грузии папе римскому Урбану Восьмому (1627 г.), перевод с итальянского А. Чкония, «Иверия», Тифлис 1899, № 3.
- Ivanauskas E., *Coins and bars of Lithuania (1236–2012)*, Kaunas 2013.
- Кебуладзе Р., *Обращение европейских монет в Грузии в XV–XVIII вв.*, Тбилиси 1971.
- Кебуладзе Р., *Европейские медные монеты, обнаруженные в Грузии*, Труды Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили. Серия «История, археология, искусствоведение, этнография». т. 338, Тбилиси 2001.
- Kruggel E., Gerbalevskis G., *Die Münzen der Stadt Riga unter polnischer Herrschaft 1581–1621*, Riga 2002.
- Курлович Г., Томашун А., *История Латвии. Учебник для основной школы*, перевод с латышского И. Шнейдере, Рига 2002.
- Кутелия Т., *Клад европейских монет из Кодавети*, «Картвелология», Тбилиси 2008, № 2.
- Lietuvos Metrika (1427–1506)*, knyga nr 5, Lietuvos istorijos institutas, Vilnius 1993.
- Материалы посольств Гавриила Гегенава, Федота Елчина и Павла Захарьева (1639–1640 годы)*, к изданию подготовил, исследованием, комментариями, словарём, указателями и календарём снабдил Д. Гамахария, Тбилиси 2014.
- Материалы по церковной и этнополитической истории Абхазии. Посольство Федота Елчина и Павла Захарьева в Мегрелию (1639–1640)*, к изданию подготовил, предисловием, комментариями и словарем снабдил Д. Гамахария, Тбилиси 2005.
- Озолина А., *Монеты Великого княжества Литовского вкладах на территории Латвии. Материалы международной нумизматической конференции, посвященной 150-летию Национального музея Литвы (Вильнюс, 26-28.04.2006)*, организатор конференции – Национальный музей Литвы, составитель Д. Грималаускайте, Вильнюс 2010.
- Ruzas V., *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės monetos Lietuvos banko Pinigų muziejuje /Coins of the Grand Duchy of Lithuania at the Money Museum of the Bank of Lithuania*. Katalogas/ Catalogue, Vilnius 2015.
- Сычев Н., *Книга династий*, Москва 2006.
- Цинцадзе Я., *Материалы к истории польско-грузинских взаимоотношений (XV–XVII вв.)*, Тбилиси 1966.
- Эйдинтас А., Бумблаускас А., Кулакаускас А., Тамошайтис М., *История Литвы*, перевод со 2-го литовского издания Е. Суворовой, Вильнюс 2013.

Приложение

ПОСЕЛСТВО ОТ ЦАРА КОСТЕНТИНА ДО КОРОЛЕВОЕ ГИШПАНСКОЕ ГЕЛЖБЕТЫ

Вернии у Христа Б(о)га нашего цар самодержец Константин Панкратион / все Иверское земли и кхи менкгрелский, апхазский, имирейский, си/хонский, кафетский и турбанский / к славной и вышней, и светлейшей, и тихой, самодержавной г(о)с(по)жи и царицы Ели/савети Богом утверждаемого града испанейского и всимъ хрести/яномъ. Он же, м(и)л(о)с(е)рдный и многом-(и)л(о)ст(и)выи Бог, да сохранит и соблюдетъ / державу царствия с(вя)т(о)го твоего без печали и без болезни, здраво д(у)шею / и теломъ, и многолетну на утверженье и подобность всимъ / хрыстоименитымъ людемъ, яко слышахъ, по твоеи м(и)л(о)сти Божью силою / здравье царствия твоего, и где коли еси ходила на брань, там везде / враги своя победила. Велми того радуемся и слову возсылаемъ всеи/ниму Богу нашему, его же бл(а)годать да ты утверди на самодер/жавство по всему миру, и Покров, и иныхъ державствующихъ неверныхъ / Божью силою попленила еси, и того самого нечестивого сараци/на и з его советники посрамила еси, и его великии грады к себе по/брала еси, и ни от кого же тую победу имашы, токмо звышше Б(о)гъ / даровалъ ти ест и воздалъ ти ес Богъ венецъ и победы на безбожныхъ а/гаранъ, яко мудрой и достойно царствующей, и всею мудростию / и светлостью украшенной, и могущей держати царствие. И слы/шали есмы, што ж и иншии многии цари едналися с царствиемъ твоимъ, / и велми тому радовалися есмы и благодарили есмы Бога, што далъ / любовь и едноть всимъ хрестияномъ и бл(а)говернымъ г(о)с(по)даремъ. Теперъ разумеемъ / и видимъ иного на земли сияюща с(о)лнца от Востока по всему миру и вто/рого ап(о)с(то)ла и Б(о)га венчаннаго, и великаго ц(а)ря Костянтина. Онъ еллинское / безбожество и прелесть идолскую разорилъ и твое ж Б(о)гочтенное ц(а)рство, / безбожныхъ родъ агарянскихъ победы а плени, а иже перво плененный от нихъ родъ нашъ, / хр(е)стьянский, свободила еси, где тая слава, честь, что имейша / хр(е)стине, // где хвала и надежда, где с(вя)тыи и славнии, великии Костянтинградъ, где / суть, иже в немъ, бл(а)говерные кн(я)ж(а)та, где радость и веселие его, где / с(вя)тая с(вя)тыхъ мудрость Божья, яко рече Соломонъ: м(у)др(о)сть Божья и си/ла – тогда беаше радость, ныне же плачь, тогда веселие и радова/ние, нне горестъ и безмestие, тогда слава, ныне же безчестие, то/гда светлость имехомъ, ныне же тьму, тогда беседи и слава царская, / нне же плачь и рыдание, и стонание межы насъ. О коликии бл(а)г(о)д(а)ти / родъ нашъ лишень и где Трапезонское ц(а)рство, и Амореиское, Якиское, и Егрипоское, и где Сербская земля, и где суть иншии земли. И ныне же / слышахомъ и надежду твердую имеемъ, яко Г(о)с(по)дь нашъ Ис(ус) Х(рис-то)съ, и/стинный Богъ нашъ, далъ намъ победу на безбожныхъ агарянъ, и для кото/рого дела послали есмы с(вя)щ(е)нно(го)инока и духовника нашего Корнила /

ко салтану египетскому, до Кария, а он принялъ его с радостию ве/ликою. Ино мы з нечестивыми не имаем некоторое едноти. А как / возвратился он от Египета къ Ер(у)с(о)л(и)му, и нашол въ Ерусалиме и послов царствия твоего, и с тыми послы царствия твоего до нас приидеть, и от / послов тых слышали есмо победы царствия твоего и велми радо/вались есмо. Ино тогда ж скоро послали есмо духовника своего / и табиника, того ж св(я)щ(е)нноинока Кирнила з листми запечатаными / до царствия твоего. А опрочъ листовъ и иншыи речы духовныи / услышите и от него того ради, што сут на пути враги многие. Как зве/домо ц(а)рствию твоему что всегда мучими есмо от безбожных персь, / и многа зла сотвориша нам. Три прошения просят в нас: любо к на/шой вере приступите, бо сут они многие, мы же едини остави/ся от Ц(а)риграда и от Трапизонское земли, и от всех хрестиян велми есмо / умалени; н(и)не же все множество безбожного роду агарянского проси туркове, и уравляне, слышавше имя твое, смятошася. Нине же время есть намъ от Б(о)га, просим тебе: поиди на Цар/град, а не взленися, возми крестъ честныи нашего Исус(а) Христа, яко щит, / на себе, Г(о)с(под)ь Б(о)гъ да исполнить желание твое, и я з сыном своим и с вои/ском своим//ском своим колко могу, какъ пришьеть твое царство посла своего до нас, / ино мы готови не лениви есмо на то ехати за твоею м(и)л(о)стью. Ино / любви ради твоее м(и)л(о)сти послали есмо тебе невеликии поминки [...] / надцать девятеи камокъ яздинских а полчетвертадцат золотников / жемчугу великого а две девяти рысеи. Мы же, яко братья во Хры/сте ровностию и любовию / славности, твоя великою надежею / надеючыся царствию твоему, писах и молим Бога, да збудутся / сия волею Божьею, да царствуешы во всех языцех на обновление / миру. Даи Боже тебе и нам не разлучится во веки веком. Аминь.

См.: *Lietuvos Metrika (1427–1506)*, knyga nr 5, Lietuvos istorijos institutas, Vilnius 1993, с. 293–295.

Summary

At the outset of Georgian-Polish relations (XV–XVII cc.)

Key words: Georgia, Kartli (Kartalinia), Poland, Lithuanian Metrica, Constantine II, Jan I Olbracht, Rzeczpospolita, Sigismund III, orta, poltorak, trojak.

Military and political contacts between Georgia and Poland date back to 1495 when the ambassador of King of Kartli (Kartalinia) Constantine II Bagrationi (ruled in 1478–1505) visited Poland and handed over his monarch Jan I Olbracht Jagellon (ruled in 1492–1501) letter.

In the first third of the XVII century, silver coins of the Polish-Lithuanian Kingdom (Rzeczpospolita) were in circulation in Georgia.

The content of the hoards of European coins found in Georgia suggest that the silver coins of the Polish-Lithuanian Kingdom – orts, poltoraks and trojaks – were widely used.

This means that from early days the Georgian Kingdoms (Kartli, Kakheti and Imereti) and princedoms (Samegrelo/Megrelia and Guria) maintained political, trade and economic relations with the Polish-Lithuanian Kingdom (Rzeczpospolita).

Marina Garishvili

Тбилисский Государственный Университет

Обозрение Грузии по части прав и законоведения **– еще один памятник древнегрузинского права**

Введение: Краткая характеристика общественно-политической обстановки в Грузии в конце XVIII и в начале XIX века

Тема моего выступления – памятник грузинского права начала XIX века – *Обозрение Грузии по части прав и законоведения*, автором которого является известный государственный и общественный деятель Грузии, последний наследник Картли-Кахетинского престола Давид Георгиевич Багратиони (Батонисшвили).

Прежде, чем преступить к непосредственному изложению темы, целесообразно, вкратце, осветить ту политическую обстановку, которая существенно предопределяла судьбу не только Грузинского государства в конце XVIII и в начале XIX века, но и реальную политическую картину в Закавказье, на фоне усиленной экспансии Российской империи в данном регионе. Со второй половины XVIII века Российская империя активизировала свою внешнюю политику в южном направлении, с целью проникновения в Малую, Переднюю, Среднюю и Центральную Азию, дабы недопустить укрепления позиций в этих регионах могущественных европейских держав в лице Великобритании и Франции, которые, в своих же интересах, оказывали негласную поддержку слабеющей Османской империи и сохраняли дружественные отношения с кызылбашским Ираном. В создавшейся обстановке российский двор нуждался в верном союзнике, который смог бы оказать ему существенную помощь в случае войны против Блестящей Порты. Для разрешения возникшей проблемы, наиболее приемлемым кандидатом казалась маленькая христианская Грузия, три столетия подряд борющаяся с турецкой и ирано-кызылбашской агрессией и считающаяся оплотом православного христианства на Востоке. Тем более, что к середине XVIII века правители как Восточной (Картли-Кахети), так и Западной (Имеретия) Грузии, все явственнее, стремились создать антиисламскую коалицию в данном регионе и предотвратить усиливающуюся ирано-турецкую агрессию против стран

Южного Кавказа. История грузино-русских культурно-политических отношений, к этому периоду, уже насчитывала несколько столетий, что, в немалой степени, способствовало претворению в жизнь замыслов российских правящих кругов.

В середине XVIII века правители Картли-Кахетинского царства предприняли неудачную попытку восстановления грузино-русских политических отношений, целью которых предполагалось оказания помощи единоверной Восточной Грузии в борьбе с исламской экспансией, поскольку Россия, в то время, еще не была заинтересована в этих контактах и не считала для себя выгодным напряжения отношений со своими восточными соседями. Но, уже с конца 60-х годов XVIII века, обстановка на Южном Кавказе резко изменилась и интерес российского двора к обоим грузинским царствам чрезмерно возрос – он нуждался в преданном военно-политическом союзнике. А таковыми, не зря, представлялись грузинские царства – Картли-Кахетия и Имеретия. Шестилетняя русско-турецкая война, в которую Россия втянула и грузинские царства, завершилась подписанием в 1774 году Кучук-Кайнарджийского мира, условия которого существенно не влияли на обстановку в Закавказье. Кучук-Кайнарджийский мирный договор содержал отдельный пункт, касающийся Грузии: Porta брала на себя обязательство амнистировать, участвующие в войне на стороне России, грузинские царства и не требовать с имеретинцев и одишцев (мегрелов) живой дани – в виде юношей и девушек, а также претеснения православных христиан. Россия также брала на себя обязательство вывести свои войска из грузинских земель (хотя, фактически, они были выведены из грузинских царств еще в 1771 году) и, впредь, воздержаться от их отправки в этот регион¹. Турция заявляла об отказе от претензий к Восточной Грузии и своими поданными считала лишь тех грузин, которые издавна были таковыми. Но, по этому же пункту, Россия, по существу, признавала права Турции на Западную Грузию. Стороны договаривались и по поводу важнейших крепостей Имеретии – Кутаисской, Багдадской и Шорапанской. Однако, по настоянию Имеретинского царя Соломона I, Кутаисская и Шорапанская крепости уже были разрушены. Таким образом, Кучук-Кайнарджийский мир ничего нового не принес Грузии, за исключением лишения права Турции на живую дань².

Зато, резко ухудшилась политическая обстановка в Восточной Грузии: после, весьма невыгодного для себя, участия Картли-Кахети в чужой войне и поспешного вывода, по приказу Екатерины II, русских войск из Закавказья, турецкий султан, не жалея ни денег, ни личного влияния, подстрекал подвластных ему дагестанских (на Северном Кавказе) ханов и мусульманское население Ахалцихского вилайета (историческая Юго-Западная Грузия) для карательных экспедиций против Картли-Кахети. Осложнению грузино-

¹ Ив. Джавахишвили, *История грузинского народа*, часть V, Тбилиси 1953, с. 70 (на груз. яз.).

² С. Какабадзе, *Крцанисская война*, Тбилиси 1991, с. 16 (на груз. яз.).

-турецких отношений, в немалой степени, способствовала активная военная деятельность Соломона I и царя Картли-Кахетии – Ираклия II, которые постоянно беспокоили, подвластных турецкому султану, правителей Карса, Баязета и Ахалцихе. Блестящая Порта стремилась наладить превычные отношения с грузинскими царствами и даже освободила из плена подданных царя Ираклия II, одарив самого царя дорогими подарками³. Турецкие власти не гнушались и подрывных деяний против, неугодного им, грузинского правителя: по подстрекательству турок участились набеги северо-кавказских горцев (дагестинцев, аварцев); с целью свержения с престола царя Ираклия II, спровоцировали заговор и нашли «законного наследника Картлийского трона», в лице царевича Александра Бакаровича.

Весьма напряженными были и грузино-иранские отношения. Иранские правящие круги, с беспокойством, следили за укреплением связей между Картли-Кахетинским царством и Российской империей. Однако, успешная дипломатия царя Ираклия II, навремя, успокоила иранский двор и предостерегла Грузию от нависшей опасности.

На фоне сложной внешнеполитической обстановки, царь Ираклий II стремился обезопасить южные и юго-западные подступы к Восточной Грузии и наладить новые политические контакты со странами Западной Европы и, в первую очередь, – со «Священной Римской империей Германской нации». С этой целью, в 1781 году, в Австрию, ко двору императора Иосифа II, направили посольство, с просьбой предоставить Картли-Кахетинскому царству ссуду и помочь ему, как оплоту христианского мира на Востоке, в борьбе против агрессии мусульманских соседей. В свою очередь, царь Ираклий II клятвенно обещал, оказывать содействие Австро-Венгерской империи во всех ее войнах против Турции и остальных германских государств. Но, ни первое (1781 года), ни повторное (1782 года) посольства не увенчались успехом и просьба царя Ираклия II осталась безответной. В то же время, при российском императорском дворе, все чаще, стали вспоминать «преданного союзника и надежного партнера», в лице правителя Картли-Кахетинского царства, тем более, что российский двор активно приступил к осуществлению секретного плана захвата острова в Каспии, в Астрабадском заливе и основания там русской колонии – Пчелинного острова. Осуществление данного плана предоставляло России, в обход Ирану и его европейским союзникам, прямой выход к южному Каспию и через этот корридор – в восточную Индию. Но горький опыт провальной военной экспедиции начала XVIII века, заставлял российский двор задумываться над рациональным решением Каспийской проблемы и искать более выгодный для себя путь на Восток.

³ Ив. Джавахишвили, ук. соч., с. 72.

И в этот раз взор имперского двора был направлен к Восточной Грузии. Лицемерие и вероломство русской дипломатии в заблуждение ввели даже такого опытного политика, каким был царь Ираклий II. Несмотря на неоднократные случаи предательства своего союзника и оставления его на произвол судьбы, перед неминуемой угрозой со стороны разгневанных врагов, царь Ираклий II, безосновательно, поверил лживым заверениям русских чиновников и согласился на заключение договора между Восточно-Грузинским (Картли-Кахетинским) царством и Российской империей, вошедшим в историю грузино-русских отношений под названием «Георгиевского трактата», от 24 августа 1783 года. По условиям договора, Картли-Кахетинский двор признавал себя вассалом Российской империи. Каждого нового царя из грузинской династии Багратиони, на престол утверждал российский император. Грузинский царь брал обязательство присягать на верность российскому императору, что означало согласование внешнеполитического курса и основных направлений внутренней политики. В свою очередь, Российская империя обязывалась покровительствовать Восточной Грузии и, с этой целью, в Тбилиси направлялись два укомплектованных батальона русской армии, т.е. 2000 солдат с артиллерией. Содержание русских батальонов возлагалось на российскую сторону. При этом, в случае необходимости, на помощь к этим батальонам направлялись дополнительные военные силы русской армии, содержание и снабжение которых брала на себя Россия. По условиям соглашения, Россия обязана была вернуть Грузии те ее земли, которых русские отвоюют в будущем, или будут отвоеваны грузинами – при поддержке русской армии. Царь Ираклий II изъявлял согласие на ежегодную плату в пользу России, но российская сторона, «благоразумно и великодушно», отказалась от подобной платы. Создавалось впечатление, что Российская империя довольствовалась лишь верноподданничеством Восточной Грузии. Разумеется, хитроумие русской внешней политики ни в XVIII веке, ни в последующие столетия не знало границ и правящие круги тогдашней Грузии, должным образом, не смогли распознать реальную цель России. К тому-же, свою роль сыграл, апробированный в России метод, подкупа инакомыслящих дорогими подарками и денежными посулами.

Заключение «Георгиевского трактата» было роковой ошибкой внешней политики царя Ираклия II: один из выдающийся политических деятелей Грузии, прославленный полководец, побеждавший даже в безнадежных битвах, с многократно превосходящими силами противника, оказался полностью разоруженным перед коварством русской дипломатии. Губительные для Картли-Кахетинского царства последствия «Георгиевского трактата» наглядно проявились как сразу (уже через два года, в период вторжения в Восточную Грузию Хундзахского – Аварского правителя, Омар-хана), так и спустя десятилетие, когда в 1795 году Картли-Кахетинское царство подверглось опустошительному нашествию орд Иранского шаха

– Ага-Магомед-хана и, наконец – в 1801 году, когда по, совершенно необоснованному для грузин, решению российских императоров – сначала Павла I, а затем и Александра I, Российская империя аннексировала Восточную Грузию и ликвидировала ее трехтысячелетнюю государственность. На протяжении этих тысячелетий лишь дважды – в 532 году, когда Сасанидский Иран более, чем на полвека ликвидировал в Картли царскую власть и учредил в Восточной Грузии правление своего чиновника – марзпана, и в 1801 году, когда т.н. единоверная и покровительствующая Российской империя лишила Грузию своего традиционного политического устройства в виде монархической формы правления, – грузинская государственность подверглась грубому и необоснованному воздействию извне. И, как не странно, если в первом случае судьбу Грузии вершил ее исконный враг, стремящийся к мировому господству и осуществляющий, чуждую грузинскому народу, религиозную экспансию, к последствиям которых он был готов бороться, в случае с Россией – Грузии пришлось еще тяжелее: русские, вроде бы, пришли под видом покровителей и единоверцев; но, именно эту маску двуличия распознать труднее всего. Насильственная ликвидация грузинской государственности имела тяжелейшие последствия – более, чем на два столетия Грузия лишилась независимости и возможности самостоятельного развития; несколько поколений грузин выросли в условиях колониальной зависимости от Российской империи и ее видоизмененной формы – Советского Союза, что не могло не сказаться на их раболопской ментальности, о чем, в значительной степени, позаботились имперские власти, последовательно и целенаправленно жестоко карая свободомыслие; преследуя переводную часть грузинского общества, отбивала у остальной массы желание бороться за свободу и независимость.

В первые же месяцы российского господства, из Грузии, в насильственном порядке, были выдворены многочисленные представители царствующего дома Багратиони, семьи высшей аристократии – все, кто представлялся завоевателям потенциальными противниками их политики руссификации грузинского общества. Подобную участь, первым делом, уготовили последнему законному наследнику Картли-Кахетинского престола – царевичу Давиду Георгиевичу Багратиони (Батонисшвили), которого в 1803 году, в февральскую стужу, вместе с другими членами царской семьи (супругу последнего царя Картли-Кахети, вдовствующую царицу-консорт Мариам Цицишвили-Багратиони и ее малолетних детей), через Моздок (станция на Северном Кавказе), этапировали в Северную столицу – в Санкт-Петербург, а также в центральные губернии России. Но российский двор осознавал, что только жестокими репрессиями нельзя добиться покорности и благосклонности, выражающей открытое недовольство, грузинской знати и стал целенаправленно сочетать «политику кнута и пряника», в результате которой, владеющие русским языком, грузинские аристократы получили имперские чины и высокое вознаграждение.

Среди них был и Давид Георгиевич Багратиони, которому присвоили высший военный чин генерал-лейтенанта. Его назначили сенатором с месячным жалованием в 500 рублей, одарили 2000 душами крепостных крестьян и создали авторитет среди влиятельных особ русского общества. Но молодому, полному физических сил и исключительно одаренному человеку, в 34 года от роду, невыносимо терпеть, присущее русской аристократии и навязанное грузинской знати, вынужденное безделье. В Петербурге основными занятиями царевича Давида были научная и писательская деятельность. Фактически, сложно представить себе ту сферу науки, в которой не прославился бы царевич Давид: грамматика, история, философия, лирика, эстетика, богословие, правоведение, мифология, лексикография, космография, химия, метеорология, геофизика, медицина, фармакология, анатомия, фортификация и физика. Его перу принадлежат как оригинальные, так и переведенные на грузинский язык научные труды и литературные произведения. Причем, надо отметить, что любой перевод сопровождался критической оценкой ученого царевича⁴. Для нас – юристов-историков права, особый интерес вызывают памятники грузинского права – *Самартали Батонисшвилис Давитиса* – Судебник царевича Давида и *Обозрение Грузии по части прав и законовещения*.

I. Самартали Батонисшвилис Давитиса и Обозрение Грузии по части прав и законовещения

Несмотря на то, что темой моего доклада является, созданный на русском языке и для прогрессивного русского общества, судебник – *Обозрение Грузии по части прав и законовещения*, считаю целесообразным, в кратце, коснуться и *Самартали Батонисшвилис Давитиса* – Судебника царевича Давида, который был составлен задолго до *Обозрения*, по инициативе отца царевича Давида, – последнего повелителя Картли-Кахетинского царства – царя Георгия XII. Со второй половины XVIII века, после создания единого Картли-Кахетинского царства, Восточная Грузия встала перед необходимостью неотложных реформ государственного устройства. Существенное же обновление государственного механизма нуждается в правовой регламентации. С этой целью, в 1798 году царь Георгий XII инициировал составление новых законодательных актов, которые должны были отразить изменения в общественно-политической жизни Картли-Кахетинского царства. Законотворческой деятельностью занялись старшие сыновья царя Георгия XII – царевичи Давид и Иоан Багратиони. Выбор царя не был случайностью: еще в период правления царя Ираклия II, представители царствующего дома активно участвовали как в правотворческой, так и правоприменительной деятельности, сочетая теоретическое законотворчество и судебную практику.

⁴ *Грузинские науки*, под ред. Б. Паркадзе, Тбилиси 1951, с. 38 (на груз. яз.).

В ноябре 1800 года царевич Давид представил законопроект, состоящий из двух слоев: первый слой создан в 1800 году и представляет собой единый законодательный акт, который, с учетом традиций позднесредневекового права, регламентировал основные новации государственного устройства и общественного строя, правового положения отдельных категорий населения, естественного и позитивного права, канонического права и духовного (церковного) суда – дикастерии, материального уголовного и уголовно-процессуального права, военного права, гражданского права⁵. Подобной систематизации правового материала лишен второй слой проекта Судебника, составленный гораздо позже – в 1811–1813 годах, в виде фрагментов, которые сразу же нашли свое место в Кодексе или должны были его найти в будущем. Второй слой отличается от первого и в редакционном порядке и, вместо четковыраженного, законодательного стиля, в нем преобладает повествовательный стиль.

Несмотря на то, что, в законотворчестве царевича Давида (в 1800 году) встречаются русские законодательные акты XVIII века, *Самартали Батонисивилис Давитиса* – Судебник царевича Давида, по своей форме, близок к другим памятникам древнегрузинского права. При этом, он характеризуется важной особенностью, выгодно отличающей его от других законодательных актов средневековья. В частности, при систематизации правового материала, царевич Давид отказался от традиционного предметного (тематического) принципа и внедрил новый метод систематизации – алфавитный принцип разложения в Судебнике отдельных институтов права, по видимому, заимствованный из русских законодательных актов XVIII века. Хотя, при внимательном исследовании Судебника, наряду с алфавитным принципом систематизации правового материала, можно встретить случаи использования предметного принципа.

В заключении, следует указать, что *Самартали Батонисивилис Давитиса* – Судебник царевича Давида, по мнению самого автора, был источником гражданского (частного) права. Таким образом, по традиции средневекового правотворчества, царевич Давид создал законопроект, действующего в конце XVIII века в Восточной Грузии, всего светского права, в котором сложно обнаружить систематизацию институтов права по отдельным отраслям права.

Совершенно иная картина встречается во втором законодательном сборнике – в *Обозрении Грузии по части прав и законоведения*. В отличие от первого судебника, он полностью составлен в России, не ранее 1813 года, как об этом указывает первооткрыватель труда и установитель текста, профессор Апполон Рогава, по мнению которого, царевич Давид «мог воспользоваться своим прежним проектом – *Самартали Батонисивилис Давитиса* и постоянно

⁵ Д. Пурцеладзе, *Самартали Батонисивилис Давитиса*, Тбилиси 1964, с. 82 (на груз. яз.).

пользовался им...»⁶. И, действительно, *Обозрение...* – итог российского периода деятельности царевича Давида, когда будучи сенатором, он, фактически, руководил той законодательной комиссией, на которую возложили обязанность русского перевода *Сборника законов царя Вахтанга VI* и, в особенности – соответствующих русскому законодательству начала XIX века, статей частного права, дабы с их помощью, регулировать частно-правовые отношения в новой колонии Российской империи – Картли-Кахетии. Необходимость такого перевода возникла после того, как имперские чиновники и их грузинские служащие оказались бессильными преодолеть пробел в законодательстве: русские не знали местных обычаев и законов, которыми веками регулировались частно-правовые отношения. Следовательно, они нуждались в квалифицированном переводе Законов царя Вахтанга VI. А руководство комиссией надо было возлагать на человека, знающего тонкости законотворческой деятельности и имеющего авторитет в грузинском обществе. Таковым был царевич Давид Георгиевич Багратиони.

Интерес вызывает проблема, выдвинутая профессором А. Рогава, по поводу назначения *Обозрения Грузии по части прав и законоведения* и *Самартали Батонисшвилис Давитиса*. По мнению уважаемого редактора, *Обозрение...* – действующий сборник права, а *Самартали...* – всего лишь законопроект. Нам не совсем верным видется данное утверждение, хотя бы потому, что *Самартали Батонисшвилис Давитиса* царевич Давид составил, по заданию своего отца – царя Георгия XII, еще в ноябре 1800 года; по крайней мере, вышеуказанный первый слой – т.н. «А» и «В» своды. К сожалению, после тяжелой и продолжительной болезни, царь Георгий XII вскоре скончался, не успев санкционировать вступление в силу действия *Самартали...* С середины января 1801 года, до конца июня того же года, законным наследником Картли-Кахетинского престола и фактическим правителем государства был Давид Георгиевич Багратиони (Батонисшвили). Несомненно, царевич Давид позаботился бы о санкционировании своего акта. Таким образом, считаем, что *Самартали Батонисшвилис Давитиса* – не законопроект, а действующий сборник права.

Иначе обстоит дело с *Обозрением Грузии по части прав и законоведения*, в котором царевич Давид подробно описал, действующую во второй половине XVIII века, систему восточно-грузинского права. В частности, здесь рассмотрены нормы из *Сборника законов царя Вахтанга VI*, законодательные акты периода царствования Ираклия II и Георгия XII. С какой же целью создавалось *Обозрение...*? По нашему глубочайшему убеждению, царевич Давид выразил благороднейшее желание, ознакомить передовую часть русского общества с многовековой традицией грузинской цивилизации и, в особенности, с трехтысячелетней историей грузинской государственности

⁶ Д. Багратиони, ук. соч., с. 32.

и правовой культуры, чтобы русские чиновники воздержались от унижения и оскорбления грузин, что, зачастую, имели место в отношении народов Крайнего Севера, Средней Азии и Северного Кавказа. Это – во первых. И, во вторых: Давид Георгиевич Багратиони, весьма наивно думал, что, когда-нибудь, по воле божьей, Россия внемлет к просьбе царевича Давида и других грузинских патриотов и восстановит грузинскую царскую власть. Благородство царевича Давида проявилось лишь в неугасаемом желании восстановления грузинской государственности, а не в стремлении престолозамещения. Осуществить свою мечту Давид Багратиони пытался через *Обозрение Грузии по части прав и законоведения*, которое и по содержанию, и по законодательной технике схоже со вторым слоем *Самартали Батонисишвилис Давитиса*, т.е. с «С» сводом, который царевич Давид создал в Петербурге, в 1811–1813 годах.

II. Структура и основные положения *Обозрения Грузии по части прав и законоведения*

На основе *Обозрения*... предусматривалась регуляция следующих правовых отношений: Вера и присяга. Царь и царствующий дом. Духовенство. Военные силы. Непременной царской Совет. Иностранные дела. Народы, Грузию населяющие, их вероисповедание и преимущество. Казенные, дворцовые, церковные и помещичьи крестьяне. Пытка. О свидетелях. Штраф. Чины и должности. Народное просвещение. Действия против общественного и государственного порядка. Бунт. Обнажение оружия. Неуважение к судилищу. Подати и пошлины. Приписка в крепость чужестранцев. Переселенцы. Ложные доносители. Пленники. Брань и личная обида. Измена. Дезертиры. Насилие. Побег. Малоумие. Попавшие в плен. Вырубка чужого сада. Торговые люди и купцы. Опекуны и должность их – векили. Приданое – мзители. Векселя и долговые обязательства – тамасукиса. Фальшивая монета. Смертоубийство. О переселенцах. Насилие, грабеж и разбой. Клевета и клеветники – огало. Каналы. Граждане и купцы. О карточной игре. О судье, избличенного в мздоимстве. Брачной развод. Самозванцы. Архиереи армянские. Кредитор, должник и залог. Умышленное впускание чужой скотины в свой сад, чтоб убить их по управлению. Ремесленники. Бланки и т. д.

1. Царская власть и ее полномочия

При исследовании основных положений *Обозрения*..., первым долгом, надо выяснить отношение законодателя к авторитету царской власти. В 10-ой статье *Обозрения*...⁷ царевич Давид прямо заявляет, что в Грузии царская

⁷ Там же, с. 222.

власть носит самодержавный и наследственный характер. В статьях 12–22 он, недвусмысленно, заявляет, что царь – одновременно, является главой законодательной, исполнительной и судебной властей⁸. Неограниченной сферой деятельности царской власти является законотворчество. Ни один другой орган государства или должностное лицо не вправе осуществить это полномочие, без особой санкции царской власти. Царская власть уполномочена издавать законы, приговоры, инструкции, жалованные грамоты, гуджары, указы; по воле царя санкционируются некоторые обычаи, полезные политически организованному обществу.

2. Непременной Царской Совет: его структура и функции

Второй компетенцией царской власти является исполнительно-распорядительная функция, для которой, по статьям 78–106 *Обозрения...*, создается Непременной Царской Совет⁹: «78. Непременной Царской Совет или верховное правительство собирается из первейших князей всеобщей доверенностию облеченных, опытных и в государственном правлении совершенно искусных. 79. Число членов состоит по воле царского высочества. 80. В Совете председательствовал сам царь и без присутствия его Совет не собирался. 81. В Совет допускаются тифлисский мдиванбег (судья) и моурав, яко первейшие градоначальники». Каково назначение Непременного Царского Совета? С большой долей вероятности, можно утверждать, что это – совещательный орган при царе, созданный для удовлетворения его интересов и предназначенный для оказания содействия царской власти в управлении страной. Однако, совершенно ясно, что Совет не мог ограничить самодержавную власть царя как во внутренней, так и во внешней политике государства. Но, поскольку подобные учреждения характеризуют абсолютные монархии, эпохи позднего средневековья, создание данного органа было принципиальным нововведением для Грузии, в виду того, что даже в конце XVIII века абсолютизм был «заветной мечтой» правящих кругов страны. Следовательно, царевич Давид данную институцию позаимствовал у Российской империи, где с 1711 года функционировал Сенат, основанный Петром I, а в начале XIX века был учрежден Кабинет министров.

В *Обозрении...* нет прямого указания, когда, в какой день недели собирались члены Совета. Однако, весьма подробно описаны полномочия Непременного Царского Совета во внутренней и внешней политике государства: военная и гражданская администрация; вместе с царем – правотворчество; надзор над нижестоящими должностными чинами; деятельность по исполнению наказания; ходатайство перед царем о поощрении и награждении честных и добросовестных чиновников; членам Совета

⁸ Там же, с. 223–227.

⁹ Там же, с. 227.

категорически воспрещалось вмешательство в деятельность судий (мдиванбегов) и узурпация их компетенций. Они были уполномочены рассматривать апелляционный иск на судебные решения мдиванбегов; члены Совета надзирали за деятельностью правителей моуравств – местных территориальных единиц и, при обнаружении явных нарушений закона, ходатайствовали перед царем об их увольнении с занимаемой должности; члены Совета были уполномочены представить царю кандидатуру для ее назначения на государственную должность как в сфере военной, так и гражданской администрации: моуравов, нацвалов, старост и кетхудов (местных чиновников в территориальных единицах, населенных этническими и религиозными меньшинствами).

Непременной Царской Совет активно участвовал в разработке экономической политики государства: он вводил налогообложение и обеспечивал администрирование сбора налогов; занимался организацией внешней торговли и протекционизма.

Важной функцией Непременного Царского Совета была забота об обороноспособности государства: о рекрутировании войск; об их снабжении вооружением, продуктами питания и фуражом; о приведении в боеготовность т.н. «Мориге джари» – дежурных полков.

Через каждые полгода члены Совета обязывались инспектировать деятельность судий: бче (мировой судья), моуравов, нацвалов и кетхудов. Согласно 92 статьи *Обозрения...*, «За неустройство суда и беспорядки в моуравствах штрафует судей и моуравов деньгами, а в случае неисправления с доклада царю, отрешает их от должностей»¹⁰.

3. Чиновники внешнеполитического ведомства

В *Обозрении...*, по русскому образцу, вводятся специальные должности царских статских секретарей, которых царевич Давид нарек мдивантухуцеси (глава мдиванов), ведающих внешнеполитической сферой государства: «108. Один из них избирался из достойнейших и опытных князей грузинских и отправлял все сношения, какия Грузия могла иметь с христианскими державами. 109. Другой же всегда должен быть магометанской веры. На него возлагались переговоры с магометанскими государствами. 110. Они отправляли по надобностям посланников, принимали иностранных агентов и посланников и для них испрашивали царскую аудиенцию. 111. Они докладывали немедленно царю о всех получаемых ими депешах. В важных случаях, по приказу царскому, созывали чрезвычайный совет и давали ноты иностранным министрам. 112. Мдивантухуцеси в помощь себе имели двух мдиванов (секретарей), кои участвовали в отправлении должностей, но ни

¹⁰ Там же, с. 238.

в коем случае не могли выходить из их повеления»¹¹. Считаем, что учреждение данной институции было обусловлено прямым влиянием русского аналога, поскольку сведения о существовании в Грузии специального внешнеполитического ведомства не встречаются в других памятниках древнегрузинского права. В частности, в *Распорядке царского двора* – памятник государственного права Грузии середины XIV века и в *Дастурламали* – аналогичный источник Картлийского царства (после распада единого грузинского государства) начала XVIII века, данную функцию исполнял *Дарбаз* – Государственный Совет, которого, с этой целью, созывали в *Великом порядке* и официальное заседание которого заканчивалось устроением *Пуроба* – пиршества, которое представляло собой церемонию приема и отправления почетных делегаций.

4. Система местного управления

Вторым звеном системы управления были органы местной администрации, которых в *Обозрении...* царевич Давид называл Самоурао – моуравствами, во главе которых стояли моуравы. Согласно 648–651 статьям *Обозрения...*, «648. Моурави есть чины для внутреннего управления в государстве определяемые. 649. Они разделяются на разные степени по своим чиноначалиям: в Кизике, Гори, в Карталинии, в Казахах и Араксе они сравниваются в чинах с генералами... А сельских моуравов можно положить в чине земского исправника. 650. Должности моуравов распределяет сам царь. 651. В звании моуравов всегда избираются из первейших князей и дворян грузинских: фамилии же армянские, какого бы достоинства не были, в своем чиноначалии иметь места не могут, поколику нация их от самой отдаленной древности почитается в Грузии не более, как торговою... и не должна участвовать в отправлении должностей общественных»¹². Данная выдержка позволяет заключить, что должность моурава была высокопоставленной и почетной. Его назначение зависело от воли царя. Моуравы управляли местными административно-территориальными органами. В состав Картли-Кахетинского царства входили пять Самоурао – моуравств, правители которых, одновременно, были главами военной и гражданской администрации. Кроме моуравов, в систему органов местной власти входили нацвалы (заместители моурава), мамасахлиси (старосты), мелики, кетхуды (старосты мусульманских поселений) и кевхи. В *Обозрении...* законодатель подробно регламентирует компетенцию чиновников местной администрации, даже определяя размер получаемого ими жалования за отправление государственной службы. В 784 статье *Обозрения...* указывается, что «Тифлисскому нацвалу и на содержание полиции определяется 5-ая часть из всех штрафных денег, поступающих по

¹¹ Там же, с. 240.

¹² Там же, с. 330.

городу в казну и некоторая часть из городских и крепостных доходов, сверх того для него же положены твисшаури, т.н. месячные деньги, с имеющихся в городе лавок, коих полагается на каждую лавку по 5 копеек в месяц»¹³.

5. «Военная кантора» и ее компетенции

При исследовании системы управления, нельзя обойти стороной вопрос о вооруженных силах поздне-средневековой Грузии. В 63–77 статьях *Обозрения...* царевич Давид рассуждал об обороно-способности страны, о родах войск, о системе рекрутирования солдат, о возрасте лиц, подлежащих мобилизации, о руководящем составе армии, начиная с главнокомандующего и заканчивая – младшим командным составом. 77 статья *Обозрения...* касается т.н. «Военной канторы»¹⁴, создание которой диктовалось ее русским аналогом. Военная кантора учреждалась в составе Непременного Царского Совета, как особый орган, в ведение которого входили следующие вопросы: составление списков лиц, подлежащих призыву в «Мориге джари»; учет личного состава народного ополчения; забота о снабжении армии продуктами питания и фуражом, а также боеприпасами; только с согласия данного органа допускалось удовлетворение военных нужд. На данный орган возлагалось и общее руководство военными делами государства.

6. Царская власть и православная церковь

О тесных взаимоотношениях светской и церковной властей свидетельствуют те нормы *Обозрения Грузии по части прав и законоведения*, на основе которых царевич Давид подробно регламентировал правовой статус грузинской православной церкви и духовных учреждений других народов, населяющих Грузию в начале XIX века. Согласно 43 и 44 статьям *Обозрения...*, «Первенствующий архиепископ грузинский, так называемый каталикос есть глава иерархии грузинской. 44. Суду его принадлежат все дела духовные»¹⁵. Таким образом, законодатель четко определил статус главы грузинской православной церкви, юрисдикция которого распространяется на все духовные саны. Должность каталикоса, как правило, занимал представитель царствующего дома. Кандидатуру каталикоса инициировал сам глава государства, который заботился и о том, чтобы, желаемое лицо, утверждалось на должность Церковным Собором, который являлся высшим органом церковной власти. В свою очередь, каталикос назначал на должности остальных сановников грузинской православной церкви. Всего в Восточной Грузии были четыре епархии. Для управления церковными делами, по 45 статье *Обозрения...*, «он (каталикос) имеет Дикастерию, собранную из

¹³ Там же, с. 350.

¹⁴ Там же, с. 236.

¹⁵ Там же, с. 228.

нескольких архиереев и других первейших духовных особ. В Дикастерии председательствует сам каталикос»¹⁶. Данная статья *Обозрения...* не называет персональный состав должностных лиц Дикастерии. Особый интерес вызывает тот факт, что в третьей главе *Обозрения...* не упоминается другого рода Дикастерия, но в его 984 статье названы духовные лица армянского вероисповедания.

Дикастерия пользовалась широкими судебными полномочиями в отношении правонарушений, совершенных духовными лицами. Но, в случае совершения ими преступлений светского характера, они подлежали гражданскому правосудию. Дикастерии подсудны были и бракоразводные дела, особенно в тех случаях, когда тяжущие стороны принадлежали к высшим слоям общества. Однако, юрисдикция Дикастерии не распространялась на непокорных архиепископов и архимандритов, а также на вероотступников. Их преступные деяния подлежали рассмотрению только церковного собора, который созывался при участии нескольких епископов и под председательством каталикоса. Примечательно, что по 62 статье *Обозрения...*, утверждение решения церковного собора о наказании провинившихся высших духовных лиц, входило в компетенцию царской власти¹⁷. Каталикосу, епископам и другим церковным сановникам категорически воспрещалось применение физических (телесных) наказаний против непокорных духовников, поскольку последние были божьими слугами. Они вольны были применять лишь духовные санкции¹⁸.

Церковное правосудие распространялось и на женщин легкого поведения, которых светский суд наказывал духовным пакаянием. Наложение эпитимии выражалось в посте, в молитвах и в заточении в монастырях, на определенное время. Хотя, следует учесть, что духовным лицам запрещалось наложение такой эпитимии, которая подразумевала публичное порицание блудниц. Введение данной статьи диктовалось гуманными соображениями, дабы не допустить церковный произвол и необоснованное унижение женского достоинства.

Дикастерии строго воспрещалось осуществление гражданского правосудия. В той же 62 статье *Обозрения...* царевич Давид указывал, что «Предначертав для каждого состояния и народа, поселяющего Грузию, свои права, суд и управление накрепко запрещается одному правительству входить в управление другого. В особенности же архиереям вмешиваться в дела, до суда гражданского относящиеся в каком бы то роде и виде не было, не позволяется»¹⁹. Более того, законодатель категорически запретил применения наказаний светского права в церковном правосудии. Все та же 62 статья

¹⁶ Там же, с. 228.

¹⁷ Там же, с. 230.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Обозрения... гласит: «Поколику бывали примеры, что духовенство, от мнимой ревности к вере или по личным своим видам, не раз было причиною народного угнетения и, вместо кротости евангельского слова, сопровождало действия своими жестокими явлениями, ужасающими природу. Имеретия была свидетельницею, когда монахи без всякого дальнейшего осуждения, единственно властью своего, сжигали на кострах людей, приличившихся в некоторых гражданских преступлениях, по произволению своему предавали проклятию особ почтенных и даже целые семейства, по своей воле мешали погребениям умерших и насильственно разрывали супружескую чету, независимо тех причин, кои допускаются к распусчению брачного союза»²⁰.

7. Судебная власть

Характеризуя царскую власть при абсолютной монархии, надо учесть, что одной из сфер деятельности главы государства было отправление верховного правосудия. Царской власти были подсудны все дела как гражданского, так и уголовного судопроизводства, причем во всех судебных инстанциях. Как правило, царь вершил правосудие по особо важным делам, для которых в виде наказания вменялись лишение свободы, тяжкие телесные наказания, смертная казнь через виселицу, высокие штрафы и увольнение (изгнание) с государственной службы.

По всем уголовным преступлениям и гражданским искам, особой значимости, светское правосудие вершил суд мдиванбегов, которых на должности назначал сам царь. Как правило, должность мдиванбега предназначалась представителям высшей грузинской аристократии, в частности: в Кахетии, в Каргли и в Сомхити должность мдиванбега занимала знать только грузинской национальности и православной христианской веры, а в мусульманских владениях – вожди их племен. Резиденции мдиванбегов располагались в Тбилиси, в Гори, в Телави и Сигнахи. А мдиванбеги мусульманских племен – в Казахи, в Шамшадиле и в Борчало. Среди всех мдиванбегов преимуществом пользовался тбилисский мдиванбег. Главными условиями замещения должности мдиванбега были честность, добросовестность, непредвзятость к подсудному делу, бескорыстие, полное и неукоснительное соблюдение законности.

По всем уголовным делам судилище мдиванбегов было судебным органом первой инстанции. А гражданское правосудие ими вершилось только в том случае, если стоимость тяжбы превышала 25 рублей. Все остальные гражданские иски подлежали суду моуравов, нацвалов, бче и мамасахлиси (старост). При рассмотрении мдиванбегами гражданских исков, на судебных заседаниях присутствовали и городские моуравы. Каждый мдиванбег, для упрощения судопроизводства, по собственному усмотрению, учреждал канцелярию.

²⁰ Там же, с. 231–232.

Судебные приговоры и решения мдиванбегов вступали в силу и подлежали обязательному исполнению, если тяжущие стороны, свое согласие с вынесенным судебным актом, заверяли подписью. В противном случае, недовольная сторона имела право истребовать один экземпляр вынесенного решения и подавала иск в апелляционную инстанцию.

Законодатель четко определял основания отказа от пересмотра дела в апелляционном порядке. В первую очередь, это касалось тех решений, по поводу которых тяжущие стороны выразили свое согласие, заверив его своими подписями. Во вторых, если истек 4-х месячный законный срок подачи апелляции, который отсчитывался со дня вынесения решения судом первой инстанции. Апелляционная инстанция обязана была, с момента подачи апелляционного иска, в 2-месячный срок вынести решение. По уважительной причине (по болезни, или в связи с кончиной членов семьи), срок подачи апелляционного иска продливался по усмотрению судьи. В 362 статье *Обозрения...* царевич Давид строго предупреждал о необходимости исполнения, вступившего в законную силу, решения суда: «Приговор одного моурава не может переменить другой моурав, кроме царского высочества и верховного суда...».

И, последнее. В грузинской научной литературе возникла дискуссия по вопросу существования в позднесредневековой Грузии адвокатуры. Различную точку зрения по этому поводу высказали проф. А. Рогава и, один из крупнейших исследователей истории грузинского права, проф. Ив. Сургуладзе. А. Рогава, свои соображения в пользу существования института адвокатов, подкрепил данными из 753 статьи *Обозрения...*, в которой упомянуты лица, в качестве полномочных представителей, за определенную плату, заменяющие стороны в судебном процессе. Кроме этого, уважаемый ученый утверждал, что, будучи под постоянным давлением со стороны грузинской общест-венности, особенно после высылки из Грузии, царевич Давид не посмел бы подать читателю неверную информацию. По мнению А.Рогава, законодатель мог воспользоваться данными из источников, составленных законодательной комиссией царя Ираклия II (1760–1761), в которых действительно упомянут институт представительства в судебном процессе. Иначе рассуждал проф. Ив. Сургуладзе, по мнению которого, ни один другой источник древнегрузинского права не содержит достоверных сведений о наличии института адвокатов и об их представительских полномочиях в судебном процессе²¹.

8. Институты частного права

Обозрение Грузии по части прав и законовещения – сборник средневекового права, регулирует многие институты частного права. 595–596

²¹ Ив. Сургуладзе, *К истории государства и права Грузии*, Тбилиси 1952, с. 14.

статьи *Обозрения*...²² касаются необходимости совместной жизни и деятельности человека, как разумного существа и возможности получения ими взаимной выгоды при всеобщем законопослушании. Царевич Давид поучал, что неукоснительное соблюдение законности – залог внешней безопасности и внутренней стабильности общества. Поэтому, каждый член общества должен заботиться о благополучии всего социума и его политического организма. Лишь при верховенстве закона можно достичь прогресса в государстве. Закон строго наказывал злостных нарушителей гражданских сделок. В других статьях (289–294, 640–641) законодатель устанавливал ответственность в отношении как должностных лиц, так и всего общества, если имели место явное нарушение закона и неуважительное отношение к судебной власти, неповиновение его решениям, необоснованное обжалование судебных актов, несмотря на их законность. Подобное деяние, по мнению царевича Давида, непоправимый ущерб наносило авторитету государства, поражая в обществе иллюзию безнаказанности и вседозволенности. Внедрение принципа законности и правопорядка, для которых автор ввел в правовой оборот весьма оригинальное грузинское понятие – «каргиереба» (хорошее дело), свидетельствует о влиянии идей европейского Просвещения и его основных принципов на юридические взгляды Давида Багратиони.

А) Субъектами частного права, по 421–422 статьям *Обозрения*..., были: царь и его семья, все три категории тавадов (князей) и все четыре категории азнауров (дворян), достигших 20-летнего возраста и не лишенных дееспособности в виду душевного расстройства и слабоумия. Защита прав и интересов несовершеннолетних и совершеннолетних, но недееспособных лиц (в виду их душевной болезни или слабоумия) возлагалась на их векили – опекунах и попечителях, о чем будем рассуждать в последнем параграфе данной главы. В значительной степени ограничивалась правосубъектность низов грузинского общества – крестьян. Здесь же законодатель оговорил правовой статус того негрузинского – армянского и еврейского населения, которое вправе заниматься торговлей, как внутри страны, так и с другими странами. В 214–218 статьях *Обозрения*... регламентируется правосубъектность различных объединений – товариществ.

Б) В *Обозрении*... подробно упорядочено право собственности. Самой прочной формой приобретения права собственности законодатель считал купчую, на основе которой любое лицо, без ограничений, могло приобрести как движимое имущество, так и недвижимость – при соблюдении определенных условий (предварительного обращения в местные органы управления и в суд, для выяснения правового статуса недвижимой вещи). В 720 статье *Обозрения*... оговорен порядок приобретения той недвижимости грузинской знати, которая находилась на территориях, подвергшихся

²² Д. Багратиони, ук. соч., с. 319.

опустошению в результате вторжения врагов²³. Законодатель установил режим неограниченного отчуждения такой недвижимости, дабы не допустить ее превращения в целину.

Второй формой права собственности была общеродовая собственность, которой посвящены 342–351 статьи *Обозрения...* Царевич Давид указывал, что общеродовая собственность в Грузии существовала издавна и право распоряжения этим имуществом принадлежало всему роду. Поэтому, автор строго ограничил порядок отчуждения этой формы собственности, в частности: для включения этого имущества в торговый оборот, необходимо было согласие всего рода. Общеродовая собственность тормозила развитие интенсивного хозяйства. Кроме этого, в Грузии издавна существовал особый порядок раздела общеродовой собственности, предусматривающий различие в долях, старших и младших по возрасту, сородичей – т. н. «саупросо» и «саумцросо». Автор отрицательно относился к этому пережитку прошлого, как противоречащему естественному праву и требовал его искоренения. В 345 статье *Обозрения...* прямо указано, что «При разделе имений должны быть безобидно уравниемы между наследниками все выгоды и угоды, исполнение чего возлагается на благоразумие беспристрастных судей и разрешается жребием». Более того, законодатель подверг критике, укоренившийся в обществе порядок, обделения наследниц женского пола, при разделе общеродовой собственности, в случае кончины наследодателя. Согласно 933 статье *Обозрения...*, «Когда после раздела имения умрет дворянин, и после него не останется детей мужеска пола, тогда может быть допущена до наследства дочь покойного»²⁴.

При исследовании права собственности, разумно коснуться и правового режима бесхозного имущества. В 204–205 статьях *Обозрения...* законодатель оговорил условия превращения недвижимости в бесхозное имущество и указал, что если собственник, при жизни, не успел составить завещание и, тем более, скончался, не оставив прямых наследников по закону, все имущество покойного превращается в бесхозное, правом распоряжения которого обладают его сородичи. Но если и тех нет на лицо, бесхозное имущество переходит в распоряжение господ, скончавшихся крестьян. Бесхозное имущество знати зачисляется в казенное имущество. Оставшаяся в живых супруга знатного лица, после смерти мужа, получает лишь 1/8 часть имущества. Вдове казенного крестьянина полагается лишь половина движимого бесхозного имущества, а недвижимость поступает в распоряжение царя. О бесхозном имуществе епископов и других высокопоставленных чинов церкви, заботится сама церковь.

Незыблемость права собственности – главное достижение эпохи Просвещения. Любое незаконное посягательство на право собственности,

²³ Там же, с. 341.

²⁴ Там же, с. 378.

должно пресекаться жесткими мерами воздействия. Во многих статьях *Обозрения...* царевич Давид перечислил преступления, посягающие на чужую собственность: кража (ст. 190; 884–888); сокрытие краденного (ст. 714–716); нахождение потерянной скотины и неоглашение находки (ст. 746); разбой (ст. 370–377); купля-продажа чужих крепостных, без ведома их господ (ст. 638–639). За совершение данных преступлений, с учетом степени тяжести преступного деяния, законодатель установил следующие наказания: 1) общественное порицание; 2) штраф; 3) телесные наказания – порка, отсечение верхней конечности; 4) смертная казнь.

В) В *Обозрении Грузии по части прав и законоведения* несколько норм касаются брачносемейных отношений. Особый интерес вызывает 705 статья, в которой законодатель отверг, укоренившийся в древнегрузинском обществе, обычай помолвки малолетних детей, с согласия их родителей²⁵, который мешал дальнейшему утверждению нормальных отношений между супругами. Царевич Давид считал, что юридический факт – бракосочетание между мужчиной и женщиной – только в том случае приобретал обязательную силу, когда обряд происходил в церкви, по православному обычаю. Фактическое сожителство не имело обязательной силы и не приводило к возникновению правового итога между супругами в аспекте личных и имущественных отношений. Следовательно, гражданский брак был неприемлем для общества и признание его результатов вызвало бы неудовлетворительные последствия. Внебрачных детей автор называл «Побочные дети». По 721–726 статьям *Обозрения...*, их правовой статус был принижен, по сравнению с детьми, рожденными в законном браке.

Согласно 698 статьи «*Обозрения...*», бракосочетанию предшествовала помолвка²⁶. Ее заключали родители брачующихся сторон и сами брачующиеся. Жених приподносил родителям невесты заклад, объем и качество которого не были заранее установлены и зависели от вкуса и социального статуса жениха. После получения заклада невеста и ее родители не могли отказаться от заключения брака. В противном случае, они обязаны были вернуть полученный заклад и возместить причиненный ущерб в пятикратном размере. Ответственность наступала и в том случае, если жених отказывался от заключения брака, после того, как он приподносил заклад невесте и ее семье. В тех же статьях автор перечислил случаи освобождения как невесты и ее родителей, так и жениха от ответственности за причиненный ущерб: «704. Здесь, однакож допускаются причины, кои могут разрушить святость слова и не допустят совершения брачного: Они полагаются 705 распутное поведение невесты или жениха, болезни периодические проч: крайнее несходство нравов, поколику союз брачный есть главным основанием

²⁵ Там же, с. 338–339.

²⁶ Там же, с. 338–339.

и подпорою существования государств»²⁷. Кроме заклада жених приподносил невесте свадебный подарок²⁸. Подарок, как правило, невесте приподносили жених и члены его семьи, когда невеста входила в дом мужа. К числу таких подарков относились т.н. «пирис ахдиса» и «пирис санахависа» невесты. Подробная регламентация юридической природы свадебного подарка подтверждает желание законодателя определить грани экономической свободы и прав женщины, а также повысить ее традиционный статус в грузинской семье. В случае кончины женщины бездетной, свадебный подарок, «пирис ахдиса» и «пирис санахависа» невесты оставались в семье мужа и, в отличии от приданого, ее семья не могла их истребовать. Более того, названные вещи возвращались их дарителям. Экономическая свобода женщины напрямую зависела от имущества, получаемого от своей семьи, в качестве приданого. Объем приданого и его качество не были заранее установлены и полностью зависели от социального статуса и имущественного состояния семьи женщины. Законодатель также оговорил неограниченное право женщины, распоряжаться приданым по собственному усмотрению. Муж, лишь по доброй воле жены, мог распорядиться имуществом из ее приданого. После смерти матери, приданое, по наследству – равными долями, получали ее дети. Но если женщина умирала бездетной, ее семья имела право истребовать приданое, кроме той доли, которая принадлежала мужу покойной. Если в *Самартали* – Судебнике автор прямо указал эту долю супруга – 1/8 часть как движимого имущества, так и недвижимости, в *Обозрении...* такой оговорки не встречаем. В 458 статье *Обозрения...* царевич Давид назвал тот случай, когда женщина после прекращения брака по разводу, теряла право на истребование половины приданого: «Жена нарушит святость брака и по распутному поведению будет причиною распушения брачного, лишается половины из приданого, которое по установлению Вахтангову, остается в пользу детей, если оных имеет»²⁹.

В *Обозрении Грузии по части прав и законовещения* ряд статей (961–966) посвящены прекращению брака по разводу супругов, в которых законодатель выразил свое отрицательное отношение к этому институту брачно-семейного права. Развод – не допустим, за исключением супружеской неверности, причем только со стороны женщины. Однако, последующие статьи *Обозрения...* прямо называют еще четыре случая допустимости расторжения брака, но, при этом оговаривается необходимость совпадения светских и церковных законов. В частности, речь идет: 1. о пропаже безвести одного из супругов; 2. о политической смерти одного из супругов; 3. о непригодности к сожителству, которая будет доказана в медицинском порядке; 4. о неопровержимом доказательстве попытки убийства, совершенного одним из супругов.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, ст. 754–757, с. 346–347.

²⁹ Там же, с. 258.

В перечисленных случаях, согласно 963 статьи *Обозрения...*, вопрос расторжения брака должна решить Дикастерия³⁰. Если решение будет принято в пользу мужа, он в праве отпустить бывшую жену обещенной. Но, при этом, обязан вернуть ей приданое и то благоприобретенное имущество, которое было создано в период совместной жизни, кроме тех случаев, когда жена добровольно передает мужу право распоряжения ее имуществом или при разводе по причине супружеской неверности, когда жена теряет половину своего приданого.

Пожалуй, самой большой новацией для позднесредневекового грузинского брачно-семейного права были те условия расторжения брака, которые перечислены в 964 и 965 статьях *Обозрения...*³¹, а также правовые последствия этих условий. В частности, царевич Давид называет: 1. несовместимость и неуживчивость характеров, по причине которых нецелесообразно дальнейшее сохранение брака; 2. заболевание жены в период брака неизлечимой болезнью: заразной болезнью, психическим расстройством, эпилепсией или изо рта исходящим неприятным запахом, или, когда жена выпьет зелье для срыва беременности или другим даст подобное зелье; 3. бездетность жены и отказ мужа усыновить чужого ребенка; 4. если жена будет уличина в лжедоносительстве на мужа; 5. если одному из супругов инкриминируется совершение кражи, измена царю и обществу, или убийство кого-либо. При расторжении брака по вышеперечисленным причинам, законодатель обязал мужа выдать бывшей жене пособие на содержание, с учетом ее социального положения и условиями расторжения брака. Заслуживает внимания и тот факт, что автор определенную долю ответственности возлагал на церковные круги, требуя от них радения по сохранению целостности брака и незыблемости семейных устоев.

Г) Сферой регулирования брачно-семейного права являются отношения между родителями и детьми. В 863 статье *Обозрения...* указано: «Закон божий и постановления государственные повелевают детям иметь повиновение к своим родителям. За нарушение должного к власти их уважения или за нанесение оскорбления, дети подвергаются наказанию, согласно воли их родителей. Однакож при сем есть обязанностию судей прилежно вникнуть во все подробности, от чего произошло неудовольствие между родителями и детьми и когда усмотрится, что причину вражды были сами родители по каким-либо предрассудкам или произошло сия от предпочтения одних детей перед другими, тогда наказание смягчается и зависит от усмотрения судей». Данная статья позволяет сделать вывод, что законодатель подчеркивал свое почтение многовековой традиции уважительного отношения к старшим членам семьи и, в законодательном порядке, закреплял ее. Однако, просвети-

³⁰ Там же, с. 387.

³¹ Там же, с. 387–388.

тельские идеи проникли даже в прочные семейные устои, позволяя смягчать засилие принципа покорности и искореняя явные отрицательные пережитки прошлого. Имеется в виду, предвзятое отношение родителей к своим детям, проявляемое в неприкрытой симпатии к одним – «родительским любимчикам» и в преднамеренном принижении прав «непутевых деток».

Д) В 465–469 статьях *Обозрения...*³² правовому упорядочению подлежит вопрос усыновления, в случае обоюдного согласия супругов и при отсутствии генетических наследников. Законодатель устанавливает порядок и условия усыновления, взаимные права и обязанности усыновителей и усыновленных, порядок и условия лишения усыновленных наследства своих приемных родителей.

Е) 465–466 статьи *Обозрения...*³³ посвящены защите прав и интересов вдов и сирот. Следуя естественно-правовым принципам, царевич Давид требовал от родителей заботу об осиротевших детях. Если вдова повторно выходила замуж, местный чиновник, учитывая интересы сироты, обязан был назначить ему надзирателя из знатного сословия. В обязанности надзирателя входила забота о личных и имущественных правах и интересах несовершеннолетнего лица. Главными условиями действительности надзора были добросовестность надзирателя и его радивость при соблюдении возложенных обязанностей. Ежегодно надзиратель представлял царскому чиновнику подробный отчет о своей деятельности. Если надзиратель, по неуважительной причине, отказывался от выполнения своих обязанностей или недобросовестно относился к ним, его обязывали возместить ущерб, причиненный сироте.

Ж) В *Обозрении...* довольно большое количество статей (423–448 – «Опекуни и их должность – векили») регулируют еще один институт брачно-семейного права – опеку и попечительство. Законодатель не забыл, что институт опеки и попечительства не был чужд древнегрузинскому праву и в сборнике, довольно четко, определил основания возникновения опеки и попечительства, права и обязанности опекуна (попечителя) и опекаемого, возраст опекаемого лица, его личное и имущественное положение, условия прекращения опеки и попечительства и др. Царевич Давид прямо указывал, что назначение векили – опекуна вызвано осиротением лица в малолетнем возрасте, когда он еще не достиг возраста дееспособности и поэтому не мог самостоятельно осуществлять свои права и обязанности. Опека продолжалась до достижения лицом совершеннолетия, т.е. – 20-летнего возраста. Главной обязанностью векили была защита имущественных прав опекаемого лица, в том числе и на суде. Защита же личности опекаемого возлагалась на его надзирателя, если сирота не проживал в семье своего векили. Опекунство возлагалось лишь на лиц благородного происхождения – честных и бескорыстных. Законодатель четко определял каждую социальную категорию

³² Там же, с. 299.

и соответствующих ей опекунов: для благородного лица опекуном может стать только лицо благородного происхождения; для горожанина – только горожанин; для царских крестьян – только моуравы и нацвалы этих крестьян; а заботу об осиротевших господских крестьянах закон возлагал их крепостников. В *Обозрении...* допускалось осуществление полномочий опекунства и со стороны родителей малолетних сирот. Однако, при несоблюдении или недолжном соблюдении ими своих обязанностей, они изгонялись с опекунства и несли полную материальную ответственность за причиненный ущерб. Здесь же рассмотрены случаи попечительства над недееспособными лицами, которые лишались возможности осуществления своих прав и обязанностей по причине тяжелой неизлечимой болезни или психического расстройства. В данном случае, срок попечительства не был ограничен, кроме тех случаев, когда лицо выздоравливало или вступало в брак, имея свое здоровое совершеннолетнее потомство. После истечения срока векильства, опекун обязан был представить отчет о проделанной работе бывшему опекаемому, – теперь уже совершеннолетнему лицу. В случае преждевременной кончины опекуна или попечителя, опеку и попечительство малолетней сироты или совершеннолетнего недееспособного лица, продолжали наследники умершего или, при полном соблюдении вышеперечисленных условий, назначались новые векили.

9. Институты уголовного права

А) Субъекты уголовного права

В 329–332 статьях *Обозрения...* царевич Давид, при перечислении субъектов уголовного права, прямо указал, что уголовная ответственность наступает с 18-летнего возраста, при условии, что лицо в здравом уме, т.е. не страдает психическим расстройством или слабоумием³⁴. Для лиц, не достигших совершеннолетия, по грузинской правовой традиции, законодатель использовал понятие «уасако» и все правонарушения, совершенные данной категорией лиц, квалифицировал, как смягчающие вину обстоятельства. По 939 статье *Обозрения...*, в случае причинения ущерба здоровью человека, или даже наступления смерти, родители несовершеннолетнего преступника платили «саакимо» – на лечение, или – «самархо» – на похороны пострадавшего: «То есть ли от слабого смотрения родителей дети, по резвости своей, донесут вред друг-другу, тогда прямо отнесется сия к небрежению и смотрению родительскому»³⁵. Также он перечислил лиц, подлежащих ответственности, при совершении уголовно-наказуемого деяния: членов царской семьи; высшее духовенство, при совершении ими светского

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 277.

³⁵ Там же, с. 379.

преступления; представителей светской знати; городской патрициат. Если данной категории инкриминировалось преступное деяние, законодатель требовал установления возраста подозреваемого лица, его вменяемости и степени виновности, обстоятельств исключающих, смягчающих или отягчающих уголовную ответственность, а также совершение преступления непосредственно или при соучастии – с четким определением ролей соучастников. При выяснении данных обстоятельств, суд уполномочен вынести законный и справедливый приговор. С некоторым ограничением, автор к субъектам уголовного права причислил и угнетенных низов грузинского общества – крепостных крестьян. Данное обстоятельство предопределялось господством крепостнических отношений и личной зависимостью крестьянства от своих господ, в виду чего они лишались прав и не могли самостоятельно участвовать в правовых отношениях, а ответственность несли лишь перед своими господами. Просветительские взгляды отразились и на позиции законодателя по поводу недопустимости уголовной ответственности в отношении неодушевленных предметов и других живых существ, кроме человека. Лишь в том случае, если по халатности своих хозяев, животное потравит посевы и этим причинит ущерб лицу, по 813 статье *Обозрения...*, ответственность несут хозяева скотины как за умышленную вину, так и за неосторожное правонарушение («фатераки»)³⁶.

Б) Проблема вины

Исследованию взглядов царевича Давида о виновной ответственности посвящен труд проф. Ив. Сургуладзе³⁷. При изучении виновной ответственности, особый интерес вызывают 878–883 статьи *Обозрения...*, в которых автор рассмотрел проблему сопоставления неосторожной вины и случайного происшествия: «878. Несчастные случаи называются те, когда действие произойдет совершенно нечаянно, например; 879. Когда рубится лес и нечаянно деревом задавлен будет другой человек. 880. Когда кто-нибудь, бросая на дерево палку или что-нибудь другое, чтоб сшибить с одного плод, нечаянно убьет или поранит человека, когда во время конского ристалища не может удержать лошадей и причинит смертное убийство. 881. Без намерения убить, ударит другого, а тот умрет, или по шалости, желая испугать кого-либо, от страха или нечаянности будет от него застрелян, также когда беременная женщина, быть кем-нибудь испугана, выкенет прежде времени плод. 882. Все сии и при подобныя им нечаянные случаи судятся и разсматриваются по обязательствам, сопровождавшим самое действие и, по мере сего, благоразумию судей представляется налагать наказание на виновного в нечаянном смертоубийстве, и в прочем удовлетворении за кровь полагается сообразно

³⁶ Там же, с. 355.

³⁷ Ив. Сургуладзе, *Царевич Давид о вине*, «Сабчота Самартали» 1962, № 6, с. 54–57.

закону Вахтангову. 883. Но, когда в подобном смертоубийстве будет подозрение умышленности самого действия, тогда прилежно рассматривается дело и берется в соображение – не было ли ссоры, вражды, ненависти, фамильных и личных неудовольствий. В таком случае изболеченный в намеренности смертоубийства накажется как смертоубийца»³⁸. Значение данной статьи важно и в том плане, что царевич Давид в ней перечислил и те примеры несчастного случая, о которых не упоминается ни у Эквтиме (Евфимия) Мтацминдского (Святогорского) в *Малом Духовном законе* – сочинение начала XI века, ни в *Законах царя Вахтанга VI*. Однако, в отличие от *Самартали...*, *Обозрения...*, к сожалению, не содержит перечня терминов, обозначающих виновное деяние и подробное описание обстоятельств смягчающих и отягчающих вину.

В) Виды наказаний

Значительное количество статей *Обозрения...* регулируют систему наказаний, известную в Грузии еще со времен царя Вахтанга VI. Тем более, что Законы царя Вахтанга VI, в качестве своего главного источника, опирались на грузинское обычное право, которое, в равной степени, было известно и приемлемо для всех частей исторической Грузии. Среди наказаний частно-правовое воздействие, последовательно уступало место публичному началу и, вместо композиции, которую выплачивали пострадавшей стороне, как частное возмещение причиненного ущерба, все чаще использовались публичные штрафы, в которых выражался интерес государственно-организованного общества. Публичные штрафы широко практиковались при отягчении наказания, особенно – в случае рецидива преступления. Более того, в некоторых случаях сам суд штрафовал лицо, отказываясь назначать частное возмещение причиненного ущерба. Однако, среди наказаний, по прежнему, встречается т.н. «саупатио» – плата за кровь, которая всегда носила частный характер и выплачивалась в пользу пострадавшей стороны. «Саупатио» платили: при несоблюдении сторонами условий брачного договора (727–729 статьи *Обозрения...*); за письменное оскорбление благородного лица (803–810 статьи *Обозрения...*); за прелюбодеяние (896–897 статьи *Обозрения...*). Бывали случаи, когда «саупатио» назначали вместе с другим наказанием – штрафом: за лжесвидетельство (563 статья *Обозрения...*); если в драке, на стороне своего господина, участвовал его крепостной (940 статья *Обозрения...*). Особое значение имеет 241 статья *Обозрения...*, в которой законодатель перечислил остальные виды наказаний: смертную казнь через виселицу; телесные наказания – отсечение руки, языка (при выдаче тайны), побои; штраф; лишение свободы и политическую смерть – лишение всех прав. Иногда государственное штрафование, как публичное возмездие и лишение свободы

³⁸ Д. Багратиони, ук. соч., с. 368–369.

использовались при нарушении обязательственных отношений. Введение данного наказания – правовая новация законодателя, поскольку этот вид наказания за подобное деяние, не упоминается в других источниках древне-грузинского права. Скорее всего, царевич Давид, подобным воздействием, стремился к укреплению авторитета царской власти и обеспечению незыблемости частно-правовых отношений.

Уголовное преследование и наказание преступников – одна из главных задач правительства, о чем прямо указывается в 601 статье *Обозрения...*: «Правительство, ограждая право каждого из сограждан во всей целостности и неприкосновенности, бдительно наблюдает за преступлениями и наказаниями»³⁹. Законодатель требовал точного и неукоснительного приведения в исполнение наказания. Хотя, Просветительские идеи и в этом вопросе позволяют сделать определенную оговорку – мудрый царевич прекрасно понимал, что только жестокими наказаниями невозможно искоренить преступность; одиозные наказания, зачастую, только озлобляют осужденного и противопоставляют его обществу и властям. В подтверждение данной мысли законодателя, разумно привести 602 статью *Обозрения...*, в которой автор писал: «Но так, как точное наблюдение всей строгости предписанных законами наказаний не всегда бывает совершенным исправлением, но часто еще служит ожесточению сердца и к нераскаенной закоренелости в пороках, то с крайней осторожностью и осмотрительностью, так чтобы, не ослабляя важности и силы закона, не отягощалась ничья судьба выше меры. Но наказания необходимы, ибо нередко и порок имеет вид добродетели»⁴⁰.

И, наконец. Просветительство свою лепту внесло и в утверждение в уголовном праве принципа – каждое наказание должно соответствовать степени тяжести содеянного и вменяться с учетом личности преступника, а также вреда, причиненного обществу и конкретных обстоятельств дела. В двух статьях *Обозрения...*, законодатель строго предписал соблюдение этих принципов: «572. Когда кто-нибудь, зная тайну царскую или общественную, оную прежде времени обнаружит, по закону, лишается языка. 573. По обстоятельствам, закон сей смягчен: он с точностью исполняется только в то время, когда само действие соединено с вредом государственным или со злом народным; в противном случае виновный изгоняется со службы так, как неопределяющий меры болтливости своего языка»⁴¹.

³⁹ Там же, с. 320.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 314.

Библиография

- Багратиони Д., *Обозрение Грузии по части прав и законоведения*, под редакцией и с исследованием А.А. Рогава, Изд-во АН ГССР, Тбилиси 1959.
- Джавахишвили Ив., *История грузинского народа*, часть V, Тбилиси 1953.
- Гаришвили М., *Политические и юридические взгляды Давида Георгиевича Багратиони (Батонисивили)*. Тбилиси 2004 (на груз. языке).
- Грузинские науки*, под ред. Б. Паркадзе, Тбилиси 1951.
- Какабадзе С., *Крцанисская война*, Тбилиси 1991.
- Пурцеладзе Д., *Самартали Батонисивилис Давитиса*, Тбилиси 1964.
- Сургуладзе Ив., *К истории государства и права Грузии*, Тбилиси 1952.
- Сургуладзе Ив., *Царевич Давид о вине*, «Сабчота Самартали» 1962, № 6.

Резюме

Ключевые слова: источник права, памятник древнегрузинского права, структура источника права, вера и присяга, царь и царствующий дом.

В *Обозрении Грузии по части прав и законоведения*, царевич Давид подробно описал, действующую во второй половине XVIII века, систему восточно-грузинского права. В частности, здесь рассмотрены нормы из *Сборника законов царя Вахтанга VI*, законодательные акты периода царствования Ираклия II и Георгия XII.

С какой же целью создавалось *Обозрение*...? По нашему глубочайшему убеждению, царевич Давид выразил благороднейшее желание, ознакомить передовую часть русского общества с многовековой традицией грузинской цивилизации и, в особенности, с трехтысячелетней историей грузинской государственности и правовой культуры, чтобы русские чиновники воздержались от унижения и оскорбления грузин, что, зачастую, имели место в отношении народов Крайнего Севера, Средней Азии и Северного Кавказа. Это – во первых. И, во вторых: Давид Георгиевич Багратиони, весьма наивно думал, что, когда-нибудь, по воле божьей, Россия внимлет к просьбе царевича Давида и других грузинских патриотов и восстановит грузинскую царскую власть. Благородство царевича Давида проявилось лишь в неугасаемом желании восстановления грузинской государственности, а не в стремлении престолозамещения. Осуществить свою мечту Давид Багратиони пытался через *Обозрение Грузии по части прав и законоведения*, которое и по содержанию, и по законодательной технике схоже со вторым слоем *Самартали Батонисивилис Давитиса*, т.е. с «С» сводом, который царевич Давид создал в Петербурге, в 1811–1813 годах.

Przemysław Dąbrowski

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

The sources of national law in the Republic of Poland (1918–1939)

Polish regaining of independence in November of 1918 required from the new-born state the adoption of new legislation, regulating the political and social system. The main aim became to replace the legal regulations binding under the partitions (from 1795). This article is devoted to the characteristic of constitutional bills (Constitution and legal acts of constitutional nature) and resulting executive acts, which regulated the political and social system of the Polish state in the interwar times.

On 22 November 1918, Józef Piłsudski issued a decree on the highest representative authority of the Polish Republic. Its main goal was to establish the political system of the Polish state in the so called intermediary period, that is until the Legislative Sejm was summoned. The highest power was in the hands of Provisional Chief of State – Józef Piłsudski. He appointed the cabinet consisting of the Minister President (Prime Minister) and ministers. They reported to the Provisional Chief of State¹. Legislative drafts were to be approved by Józef Piłsudski, and later published in the Journal of Laws of the Polish State. On the day of issuance they became legally binding. They had to be accepted during the first session of Legislative Sejm. The cabinet also issued their own legal acts that required Prime Minister's countersignature². The cabinet was moreover bound to prepare the budget, later accepted by Provisional Chief of State. Józef Piłsudski, on the request of Prime Minister and responsible minister also appointed state officials³.

Yet another decree was issued on 28 November 1918 to conduct the Sejm election, pertaining to the electoral law. Each citizen had both types of voting rights, regardless the gender, unless entitled to vote and being at least 21 years old⁴. Provisional Chief of State called the election⁵. The Supreme Court settled the disputes in case of the protests⁶.

¹ *Dekret Naczelnika Państwa o najwyższej władzy reprezentacyjnej Republiki Polskiej z 22 listopada 1918 r.* (Dz.U. of 1918, No. 17, item 41), art. 1, 2.

² *Ibidem*, art. 3, 4.

³ *Ibidem*, art. 7, 8.

⁴ *Dekret o ordynacji wyborczej do Sejmu Ustawodawczego* (Dz.U. of 1918, No. 18, item 46), art. 1, 5, 7.

⁵ *Ibidem*, art. 11, 14.

⁶ *Ibidem*, art. 90.

The so called „Small Consitution” was another act regulating the state political system. Its full title was: *Legislative Sejm's ordinance of February 20, 1919, entrusting Józef Piłsudski with the further execution of the office of Chief of State*. The act replaced the decree of 22 November 1918. It was supposed to bind until the Legislative Sejm adopted Constitution, therefore it also was an interim regulation⁷. Under its provisions, Legislative Sejm extended the title of Chief of State to Józef Piłsudski. It is worth noting that the act formulated a new office of Chief of State in place of Provisional Chief of State. The sovereign and legislative power was not in the hands of the nation, but in hands of Legislative Sejm. Acts passed by the Legislative Sejm had to be approved by the Prime Minister and minister. Chief of State represented the Polish state, he also was responsible for the execution of civil and military acts. State acts had to be countersigned by the responsible minister⁸. In coordination with Legislative Sejm, Chief of State appointed the cabinet. „Small Constitution” did not mention the prerogatives of the Chief of State. Chief of State and the cabinet had to gain the trust of Legislative Sejm⁹.

First Constitution of the reborn Polish state referred to the solutions in the French constitutional Laws of 1875. It was adopted on the 17 March 1921. Changes and addenda to it were made by the so called „August novelization” of 2 August 1926; after Józef Piłsudski's coup d'état of May 1926¹⁰. March Constitution consisted of 126 articles and 7 chapters, preceded by a preamble, which referred to God and the tradition of the Constitution of May, 3 from the times of Polish-Lithuanian Commonwealth. Polish state was a republic, and supreme power (sovereign) was in the hands of the nation, who exercised it with the offices: legislative – a bicameral parliament: Sejm and Senate, executive – President and responsible ministers, judicial – independent courts¹¹.

Members of Sejm and Senate were elected in five-element election: universal, secret, direct, equal and proportional. Each citizen, regardless of the gender, had a right to vote if having full public rights, lived in the constituency at least one day before the elections were issued in the Journal of Laws, being 21 years old¹². Those having the voting rights, regardless the place of residence, at least 25 years old could be elected to Sejm¹³. Senate suffrage was granted to everyone having the right to

⁷ *Uchwała Sejmu z dnia 20 lutego 1919 r. o powierzeniu Józefowi Piłsudskiemu dalszego sprawowania urzędu Naczelnika Państwa* (Dz.Pr.P.P. of 1919, No. 19, item 226), par. II.

⁸ *Ibidem*, par. II, point 1.

⁹ *Ibidem*, par. II, points 2–5.

¹⁰ *Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 r. zmieniająca i uzupełniająca Konstytucję Rzeczypospolitej z dnia 17 marca 1921 r.* (Dz.U. of 1926, No. 78, item 442), art. 1–8.

¹¹ *Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej* (Dz.U. of 1921, No. 44, item 267), introduction, art. 1, 2.

¹² *Ustawa z dnia 28 lipca 1922 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu* (Dz.U. of 1922, No. 66, item 590), art. 1, 2.

¹³ *Ibidem*, art. 5; *Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej*, art. 11, 12, 13.

vote in Sejm elections, living in the constituency at least one day before the election and being at least 30 years old¹⁴. Each person granted suffrage and being at least 40 years old could be elected to the Senate. The Sejm has 444 deputies and senate 111 senators. The Supreme Court settled the disputes in case of the protests¹⁵.

Members of parliament and senators had a free mandate, therefore they were the representatives of a whole nation, not restricted by any instructions of their electorate. They received immunity: non-liability (they were not responsible for their activity in Sejm/Senate or outside, during the exercise of parliamentary office) and inviolability (without Sejm or Senate's consent they could not be persecuted and imprisoned). When they were caught red-handed, the marshal of Sejm/Senate could be summoned and release a member of parliament/Senator from custody). Members of parliament and Senate were bound by material *incompatibilitas* (incompatibility), so they could not receive the financial and personal benefits from the Treasury and formal *incompatibilitas*, meaning that they could not hold two or more official administrative positions (for example member of parliament and senator, editor-in-chief). Member of parliament and senator received compensation for exercising of their parliamentary mandate¹⁶.

The cabinet and Sejm had the Legislative initiative¹⁷. The bills could be passed only after the consent of Sejm (Senate had thirty days to file objections). According to the Constitution's primacy rule, no act could be contrary to the provisions of the Constitution. Legislative matters included the adoption of the budget, identification of the military status, consent for conscription, introduction of taxes and public fees, taking a national loan and introduction of amnesty¹⁸.

Meetings of Sejm and Senate were open. Under certain circumstances they could be confidential. As a rule, the resolutions in Sejm passed with regular majority under required quorum – one third of the total number of members of parliament. Members of parliament and senators could submit their interpellations to the government¹⁹.

Sejm and Senate joined as the National Assembly to elect the President of the Republic of Poland for a 7 year term by an absolute majority²⁰. If the President was not able to run the office, the Sejm marshal would have replaced him²¹. President summoned, opened, deferred and closed Sejm and Senate proceedings. He was entitled to dissolve the two houses under justified claim of the cabinet. He announ-

¹⁴ Ustawa z dnia 28 lipca 1922 r. – Ordynacja wyborcza do Senatu (Dz.U. of 1922, No. 66, item 591), art. 2, 3; Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, art. 36.

¹⁵ Ustawa z dnia 17 marca 1921 roku. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, art. 19.

¹⁶ Ibidem, art. 17, 20, 21, 22, 23, 24, 36.

¹⁷ Ibidem, art. 10.

¹⁸ Ibidem, art. 3, 4, 5, 6, 25, 35, 38, 47.

¹⁹ Ibidem, art. 30, 32, 33.

²⁰ Ustawa z dnia 27 lipca 1922 r. – Regulamin Zgromadzenia Narodowego dla wyboru Prezydenta Rzeczypospolitej (Dz.U. of 1922, No. 66, item 596), art. 1.

²¹ Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, art. 39, 40.

ced budget as an act, he signed the bills and had them announced in the “Journal of Laws of the Republic of Poland”. He could issue regulations, orders. Every official Presidential act would require, however, the countersignature of the Prime Minister and the responsible minister. In addition, when parliament was dissolved in case of emergency, he could issue statutory instruments (at the request of government, signed by the President, Prime Minister and all ministers)²². The President appointed and dismissed the Prime Minister at his ministers’ request. He was the supreme head of the armed forces. In case of war, at the request of the government, he appointed the Supreme Commander of the State Armed Forces. The President could grant pardon, he represented the state abroad, appointed diplomats, and concluded agreements with other countries²³. With the approval of parliament he could declare war and peace. He appointed judges²⁴.

The President could not hold another office. He was not responsible parliamentary, because his each act was countersigned. He was, however, constitutionally responsible for treason, breach of the Constitution, or criminal offense. Sejm held him liable, and the State Tribunal judged and gave judgment²⁵. It should be noted that the State Tribunal constituted of the chairman – the first President of the Supreme Court and twelve members appointed externally: eight by the Sejm and four by the Senate. At least six members of the Tribunal, must have had a law degree. A person who was 40 years old, benefited from full public rights and had not held any public office could become a Member of the State Tribunal²⁶.

The Council of Ministers (government) consisted of ministers and the President – Chairman of the Council of Ministers (Prime Minister). The government was jointly and severally responsible (constitutionally and parliamentary), the individual ministers within their ministries, but they were also responsible for presidential official acts. State Tribunal with constitutional responsibility, judged and gave judgment²⁷.

The state system based on broad autonomy, also territorial one, under the March Constitution. It existed at the municipal and county level, and was carried out by the legislative and executive authorities. It failed to be established at the level of the *voyvodeship*²⁸.

The March Constitution guaranteed a wide spectrum of civil rights and also defined the responsibilities of citizenship. As part of the former, all were equal before the law, had the same right to court, profited from the protection of life,

²² Ibidem, art. 25, 26, 44.

²³ Ibidem, art. 45, 46, 47, 48, 49.

²⁴ Ibidem, art. 76.

²⁵ Ibidem, art. 51, 53.

²⁶ Ibidem, art. 64; see to: *Ustawa z dnia 27 kwietnia 1923 r. o Trybunale Stanu* (Dz.U. of 1923, No. 59, item 415), art. 11.

²⁷ *Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej*, art. 55, 56, 57, 59.

²⁸ Ibidem, art. 3, 65, 67.

liberty or property regardless of the origin, nationality or religion. Ownership of land was subject to legal protection. They had a right to the inviolability of domicile and correspondence, freedom to choose their residence and freedom of movement, labor protection, care from the state, the freedom to express their thoughts and beliefs, conscience and religion. The Constitution also guaranteed the freedom of the press, research, citizens' right to associate and assemble²⁹. Every nationality could preserve their language, national symbols and establish schools and associations³⁰. Their obligations, though, included: allegiance to the state, respect for the Constitution and the applicable law, military service, paying local taxes and fees, respecting the state authorities, educating their children as the rightful citizens and providing them with basic education³¹.

The Constitution could have been amended upon the request of one quarter of the statutory number of MPs, and the change was to be approved by two-thirds majority in the presence of at least half of the statutory number of MPs or senators³².

Elections for Sejm were held on November 5, and for the Senate on 12 November 1922³³, and the first President of the reborn Polish state, after being elected by the National Assembly, took office on 14 November 1922³⁴.

New Constitution of the Polish state was adopted on 23 April 1935. It consisted of 81 articles and 14 chapters. It had changed the previous parliamentary system to the system strengthening the the President, who was the head of state. The first ten articles setting out the general state rules are called the “Ten Commandments”. The principle of solidarity meant that the state was the common good of all citizens. They exercised their freedom of conscience, expression and association, but freedom was limited by the common good. Work was under the care of the state, and was the basis for the “development and power” of the Republic³⁵.

The President was responsible only before God and history. He had to take care of the state welfare and be ready to defend it. The government, the Sejm and Senate, the armed forces, courts and state control were under his authority³⁶. Official acts of the President required the countersignature of the Prime Minister and the responsi-

²⁹ Ibidem, art. 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 111, 117, 118.

³⁰ Ibidem, art. 109, 110; see: P. Dąbrowski, *Legal Status of Private Schools, Associations and Other Lithuanian Organizations in the Republic of Poland in 1930s: Outline of Issues*, „Zeszyty Naukowe Gdańskiej Szkoły Wyższej”, vol. 14, Gdańsk 2014, pp. 27–34.

³¹ Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej, art. 89, 90, 91, 92, 93, 94.

³² Ibidem, art. 125.

³³ Uchwała z dnia 28 lipca 1922 r. o terminie pierwszych wyborów do Sejmu i Senatu na zasadzie nowej ordynacji wyborczej (Dz.U. of 1922, No. 66, item 592).

³⁴ See to: P. Dąbrowski, *Zabójstwo Prezydenta Gabriela Narutowicza – proces Eligiusza Niewiadomskiego*, „Imponderabilia. Biuletyn Piłsudczykowski”, vol. 2, Gdańsk 2011, pp. 144–165.

³⁵ Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r. (Dz.U. of 1935, No. 30, item 227), art. 1, 4, 5, 7.

³⁶ Ibidem, art. 2, 3, 15.

ble minister. There were also the so-called prerogatives, which did not require any additional approval. A catalogue of these powers was limited. It included, among other things: suffrage; indicating the Presidential candidate and during the war his own successor; appointing and dismissing the Prime Minister, first President of the Supreme Court, President of the Supreme Audit Office, Inspector General Inspector of the Armed Forces and the Commander in Chief. The prerogatives did not comprise: conclusion and ratification of international agreements; determination of war and peace; representing the state in international relations; summoning and dismissing the Sejm and Senate; the supremacy of the armed forces or manning state offices³⁷.

The President was elected for a seven year term by the Assembly of Electors, consisting of: the Marshal of the Senate, Marshal of Sejm, Prime Minister, first President of the Supreme Court, Supreme Head of the Armed Forces and 75 electors, chosen from among the “worthiest citizens” by Sejm and Senate. If the retiring President and the Assembly of Electors pointed their candidate, the general vote was held. In case of death, the Speaker of the Senate replaced the President³⁸.

The big change in comparison to the March Constitution was the extension of ministerial responsibilities. In addition to individual, solidary, parliamentary and constitutional responsibility for the official acts of the President, ministers were also politically accountable to the President. Thus, they could be dismissed “at any time”³⁹. With constitutional responsibility, the State Tribunal settled the disputes and gave judgment. It consisted of the First President of the Supreme Court, six judges and six deputy judges, all appointed by the President. Only the Judge of a general court could become a judge of the Tribunal. Members of the Tribunal held their office honourably⁴⁰.

Parliament consisted of Sejm and Senate. Sejm counted 208 members of parliament and Senate – 96 senators. MPs were elected for five years, in four element elections: universal, secret, direct and equal. Sejm suffrage was granted to every citizen regardless of the gender, who was benefiting from full civil and civic rights, at least 24 years old⁴¹. Anyone having the right to vote in Sejm election, being at least 30 years old could be elected to Sejm⁴². Senate in turn, consisted of Senators – one third indicated by the President and two-thirds elected through elections⁴³. Right to elect depended on few factors: personal merit, education and citizens’

³⁷ Ibidem, art. 12, 13, 14.

³⁸ Ibidem, art. 16, 17, 20, 23; see to: *Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. o wyborze Prezydenta Rzeczypospolitej* (Dz.U. of 1935, No. 47, item 321).

³⁹ *Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r.*, art. 28.

⁴⁰ *Ustawa z dnia 14 lipca 1936 r. o Trybunale Stanu* (Dz.U. of 1936, No. 56, item 403), art. 1, 2, 4, 5.

⁴¹ *Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r.*, art. 32, 33; see to: *Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu* (Dz.U. of 1935, No. 47, item 319), art. 2, 3.

⁴² *Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu*, art. 4.

⁴³ *Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r.*, art. 47.

confidence. Everyone who had the right to be elected to Sejm and was 40 years old could be elected to Senate⁴⁴.

Government and Sejm had the legislative initiative. The Constitution classified laws and decrees issued by the President as legislative acts⁴⁵. The Constitution also included provisions relating to the armed forces. They were to uphold the security and sovereign state. In addition, every citizen was required to perform military service. Once a year the President defined conscription, decided on the use of the armed forces and appointed Commander in Chief, who answered before him⁴⁶.

The state administration was supposed to be a “public service”. It encompassed the government administration, local government and economic self-government. The Supreme Audit Office controlled the state finance. The President appointed and dismissed the president of the office⁴⁷.

The Constitution could have been amended on the initiative of the President, government or one quarter of the statutory number of members of parliament⁴⁸.

Bibliography

- Dąbrowski P., *Zabójstwo Prezydenta Gabriela Narutowicza – proces Eligiusza Niewiadomskiego*, „Imponderabilia. Biuletyn Piśmicykowski”, vol. 2, Gdańsk 2011.
- Dąbrowski P., *Legal Status of Private Schools, Associations and Other Lithuanian Organizations in the Republic of Poland in 1930s: Outline of Issues*, „Zeszyty Naukowe Gdańskiej Szkoły Wyższej”, vol. 14, Gdańsk 2014.
- Dekret Naczelnika Państwa o najwyższej władzy reprezentacyjnej Republiki Polskiej z 22 listopada 1918 r.* (Dz.U. of 1918, No. 17, item 41).
- Dekret o ordynacji wyborczej do Sejmu Ustawodawczego* (Dz.U. of 1918, No. 18, item 46).
- Uchwała Sejmu z dnia 20 lutego 1919 r. o powierzeniu Józefowi Piłsudskiemu dalszego sprawowania urzędu Naczelnika Państwa* (Dz.Pr.P.P. of 1919, No. 19, item 226).
- Uchwała z dnia 28 lipca 1922 r. o terminie pierwszych wyborów do Sejmu i Senatu na zasadzie nowej ordynacji wyborczej* (Dz.U. of 1922, No. 66, item 592).
- Ustawa z dnia 17 marca 1921 r. – Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej* (Dz.U. of 1921, No. 44, item 267).
- Ustawa z dnia 28 lipca 1922 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu* (Dz.U. of 1922, No. 66, item 590).
- Ustawa z dnia 28 lipca 1922 r. – Ordynacja wyborcza do Senatu* (Dz.U. of 1922, No. 66, item 591).
- Ustawa z dnia 27 lipca 1922 r. – Regulamin Zgromadzenia Narodowego dla wyboru Prezydenta Rzeczypospolitej* (Dz.U. of 1922, No. 66, item 596).
- Ustawa z dnia 27 kwietnia 1923 r. o Trybunale Stanu* (Dz.U. of 1923, No. 59, item 415).
- Ustawa z dnia 2 sierpnia 1926 r. zmieniająca i uzupełniająca Konstytucję Rzeczypospolitej z dnia 17 marca 1921 r.* (Dz.U. of 1926, No. 78, item 442).

⁴⁴ Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. Ordynacja wyborcza do Senatu (Dz.U. of 1935, No. 47, item 320), art. 2, 4.

⁴⁵ Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r., art. 49, 50, 57.

⁴⁶ Ibidem, art. 61, 62, 63.

⁴⁷ Ibidem, art. 72, 77.

⁴⁸ Ibidem, art. 80.

Ustawa konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r. (Dz.U. of 1935, No. 30, item 227).

Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu (Dz.U. of 1935, No. 47, item 319).

Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. Ordynacja wyborcza do Senatu (Dz.U. of 1935, No. 47, item 320).

Ustawa z dnia 8 lipca 1935 r. o wyborze Prezydenta Rzeczypospolitej (Dz.U. of 1935, No. 47, item 321).

Ustawa z dnia 14 lipca 1936 r. o Trybunale Stanu (Dz.U. of 1936, No. 56, item 403).

Summary

Key words: March Constitution, Józef Piłsudski, system of parliamentary government, April Constitution.

The state system of the reborn in 1918 Republic had been evolving. Initially, adopted legislation defined the system as transitional – temporary. It was not until the March Constitution, modelled on the French constitutional Laws of 1875, which introduced a system of parliamentary government. It was amended in August 1926 after a coup d'état carried out by Józef Piłsudski. In 1935, a new Constitution came into force. The system herewith introduced, strengthened the powers of the President, who gained authoritarian entitlements.

Anna Korzeniewska-Lasota

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

The legal status of the Poles in the Kingdom of Poland (1815–1914)

Established on the legal grounds of the Treaty of Vienna and proclaimed on the 20th of June 1815 the Kingdom of Poland, according to the treaties signed on the 3th of May 1815 between Russia, Austria and Prussia, was supposed to be “necessarily” joined with the Tsardom of Russia through “its constitution”¹.

The Constitutional Act of the Kingdom of Poland from the 27th of November, next to strictly institutional provisions related to the appointment and competences of the particular authorities guaranteed civil liberty. In the reality of that time, from the normative point of view, the Constitution was considered as one of the most ground-breaking on the continent². Unfortunately, Emperor Alexander I from the very beginning left for himself the possibility to change and interpret the text of the constitution, which practically led to the violation of the liberty accorded.

On account of the frames of the article I will not refer to the legal status of the Kingdom itself, my aim is to depict the rights and obligations of the Poles from the moment of the establishment of the Kingdom to year 1914 when the First World War broke out.

Constitutional period

During the first stage of the existence of the Kingdom of Poland the basic legal act specifying its structure and competences of the particular authorities together with the legal status of the Poles was the constitutional act of the Kingdom of

¹ See article 5 of the Treaty of Mutual Friendship, entered in Vienna on the 21st of April/3rd of May 1815 between The Emperor of All Russia and The Emperor of Austria, The King of Hungary and Czech in: *Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do cesarstwa Rosyjskiego*, published by M. Radziwiłł and B. Winiarski, Warszawa – Lublin – Łódź 1915, p. 39.

² See the opinions about the Constitution 1815, e.g. B. Winiarski, *Ustrój polityczny ziem polskich w XIX w.*, Poznań 1923, p. 116; H. Izdebski, *Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego z 1815 r.*, [in:] M. Kallas (ed.), *Konstytucje Polski*, Warszawa 1990, p. 220.

Poland signed by Alexander I on the 27th of November 1815 and announced to the Poles on the 24th of December the same year³. The Constitution was supplemented by the organic statute and the book of law, the publication of which was a common competence for the king, Council of State and national representatives.

From the formal point of view the Constitution was very progressive. It gave, as for that time, adequate guarantees of personal inviolability, also it defined the rules of imprisonment and serving a sentence⁴. This liberal constitution was, unfortunately, violated from the very beginning. Alexander I, just before the endorsement of the project of the Constitution, implemented editorial changes to it, enabling for later violation of the Poles' personal freedom.

The Emperor avoided the adjuration of the Constitution and used imprecise formulations to introduce changes and interpretations of the text favourable for him. In his secret correspondence he clearly pointed out that "the benefaction of the constitution he does not consider as not revoked" and that the act is binding for the nation, not for him, also that he is a judge, not a party of the constitution⁵. Moreover, the Emperor credited himself to be the only interpreter of the Constitution. The cabinet rescript of Alexander I from the 13th/25th of May 1821 claimed that "if the main body of the text needed an explanation, then I myself have the only right to utter how it is supposed to be understood; as the author of each work knows best what was his intention"⁶. The appointment of offices was also meaningful. Appointing gen. Józef Zajączek for a deputy of the Kingdom of Poland and choosing the Grand Duke Constantine for the head of the army resulted in most of the rights specified in the Constitution not being realized and such a state exacerbated each year.

The Constitution of the Kingdom of Poland distinguished civil rights, civic rights and political rights, however those rights may not be always strictly differentiated, because they remained reciprocally dependent. Civic rights essentially included liberties and entitlements of an individual, which stemmed from the Declaration of the Rights of Man and of the Citizen, to which all the people were entitled (the subjects of the Kingdom). The constitution considered such rights as personal inviolability (article 19) and material inviolability (article 24), freedom of relocation

³ The text of the constitution see: S. Kieniewicz, *Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815–1830). Wybór tekstów źródłowych*, Warszawa 1951, pp. 56–84.

⁴ See: W. Tokarz, *Dwie karty historii ustroju Królestwa Polskiego (1815–1855)*, Lwów 1920, p. 519.

⁵ In the letter written by the Secretary of State to the deputy from 16th of August 1817 the attitude of the Emperor Aleksander I to the Constitution of the Kingdom of Poland we can read: "The Emperor does not consider the benefactions (of the constitution) which he gave to the country as irrevocable, he thinks that the institutions and rights are binding for the nation, not for him; in the pact which he gave to the nation he considers himself a judge, not a party and will fulfil his obligations up to the point when he considers them useful for the sake of the nation" – quotation from W. Tokarz, op. cit., p. 531. Translator's note: the quotation was written in the archaic Polish language, which was translated into a modern English version for the sake of understanding the text.

⁶ See: S. Kieniewicz, op. cit., p. 85.

(article 24) and the equality in the eyes of law regardless of the class and vocation (article 17). Furthermore, it guaranteed freedom and equality of all the beliefs, making provisions for the special governmental care for Roman Catholicism (article 11).

Neminem Captivabimus rule⁷ formulated in the constitution specified that no one could be punished without legal grounds and the penalty could be imposed only by the proper court and served within the territory of the Kingdom⁸. In practice, placing the rule in the formula *neminem captivari permittemus, nisi jure victum* (as in the original AKL) caused interpretation unfavourable for the subjects, becoming the ground for issuing by the king and his deputy the decision about arresting without the need to present any legal explanation⁹.

In article 16 the Constitution declared freedom of the press. In reality on the 22th of May 1819 preventive censorship was introduced on all the newspapers and periodicals, next on all types of written works. Also ecclesiastical and theatrical censorship was in force¹⁰.

In comparison with the Constitution of the Duchy of Warsaw, the constitutional act of the Kingdom of Poland expanded political rights which were understood as the following: an operating voting right to the Sejm and to voivodeship commissions. Political rights were available to the citizens¹¹ of the Kingdom of Poland, whose names were placed in the proper civic book (the books of the citizens of the poviats district or gmina region [translator's note: the Polish equivalent of borough])¹², which constituted approximately 100 000 of the entitled people.

This normatively liberal specified range of rights which the citizens of the Kingdom bore was, as mentioned, becoming more and more limited each year. The deputy introduced in 1819 preventive censorship against the Constitution and Constantine with Novosiltsev created their own secret police. Investigations came into force against law and constitution, together with keeping the suspects under arrest for an indefinite period. On the 10th of May 1820 freedom of assembly was suspended and all the Masonry activity was banned. The Philomaths and The Filaret Association were persecuted. Despite the fact that the Constitution claimed that "organic statutes and the books of law cannot be limited or altered, only by the ruler

⁷ The former Polish rule *neminem captivabimus nisi iure victum* was replaced in the constitution with the rule *neminem captivari permittemus, nisi jure victum* – see article 18 of the constitutional act, p. 79.

⁸ See articles 18–25 of the Constitution, pp. 79–80.

⁹ See K. Bartoszewicz, *Utworzenie Królestwa Kongresowego*, Kraków 1916, pp. 222–223; cf. *Królestwo Polskie Kongresowe Powstanie Listopadowe*, Piotrków 1915, p. 7.

¹⁰ See: doc. No. 81: Ustanowienie cenzury (22 maja 1819), [in:] S. Kieniewicz, op. cit., p. 438.

¹¹ The Constitution from 1815 did not regulate the issue of citizenship, however the organic statute about national representation from 1st of January 1815 did.

¹² The former inhabitants of the Duchy of Warsaw submitting the application to be placed in the civic book had to prove that they took an oath of faithfulness, completed 21 years old and had lived in a specified poviats or gmina region for a year, also that there are no circumstances leading to the loss or suspension of civic rights.

and both chambers of the Sejm”¹³ and in February 1825 Aleksander I unilaterally revoked the openness of the Sejm sessions, except from the opening address and the end of the session¹⁴.

The period between the uprisings

The failure of the November Uprising became a pretext to replace the liberal Constitution from 1815 with the Organic Statute from the 14th/26th February 1832¹⁵ which not only modified the previous political system of the Kingdom of Poland, but also changed the legal status of the Poles.

The Organic Statute, even though it did not expressly abolish the Constitution, in practice revoked it and implemented plenty of limitations for the society¹⁶. The sphere of liberties and rights was tangential, constraining many liberties or formulating them in the way allowing for its violation. The Statute, similarly to the Constitution from 1815, guaranteed using the Polish language in administration and judiciary¹⁷, it was frequently restricted in public life. Since the 20th of August/ 1st of September 1837 the nominations for all the offices could be given only to the candidates familiar with the Russian language. Even further step was taken in eliminating civic and political rights. For misdemeanours from the state of the first order the Organic Statute appointed the penalty of the confiscation of the possessions¹⁸. Formulated in article 12 of the Statute the rule of the equal “extension of legal custody on all the inhabitants of the country, regardless of the class difference and the meaning” remained only a declaration, whereas the previously formulated rule of the freedom of the press, was restricted in article 13 by censorship. Orders issued on the basis of this provision introduced more frequent limitations. Censorship encompassed medals, drawings, prints, lithographs, sculptures, castings, sections and all the emblematic images produced in the country or imported from abroad¹⁹. The act on censorship in the Warsaw Scientific Region from 1843 on publishing in the Kingdom of Poland printed works, also those made using the lithography technique or carving, importing book from the outside, engravings, maps and plans, sheet music required a special agreement from the constituted for the purpose the Warsaw Censorship Committee²⁰.

¹³ Article 163 of the Constitution of the Kingdom.

¹⁴ See: Artykuł dodatkowy to the constitution, which revoked the openness of the sessions from the 1st/13th of February 1825, [in:] S. Kieniewicz, op. cit., pp. 92–93.

¹⁵ The text of the Statute see *Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne...*, pp. 122–136.

¹⁶ Cf. W. Tokarz, op. cit., p. 541.

¹⁷ See article 34 of the Statute.

¹⁸ See article 12 of the Statute.

¹⁹ See T. Demidowicz, *Statut Organiczny Królestwa Polskiego w latach 1832–1856*, „Czasopismo Prawno-Historyczne” 2010, vol. 1, p. 150.

²⁰ More about censorship see: F. Ramotowska, *Warszawskie Komitety Cenzury w latach 1832–1915*, „Studia Warszawskie” 1971, vol. VI, pp. 265–294.

Military service was imposed on the Poles – the citizens of the Kingdom, served in the empire army. The Emperor's ukase from the 3th/15th of December 1834 annual military conscription from the Kingdom of Poland determined in the proportion of 2 and 1/2 of a conscript for every one thousand of men – the inhabitants of the Kingdom of Poland, excluding Jews²¹.

With the Emperor's ukase from the 11th/23rd of April 1833 with the date of the 26th of June 1833 martial law was announced in the Kingdom of Poland, which in fact had lasted since September 1831²². Especially unhampered attitude of the administration in the Kingdom of Poland stemmed from the provisions on the state of emergency, giving especially wide possibilities of repression²³.

The period after the January Uprising until the First World War

After 1864 the protection of personal liberty was almost non-existent. Even though in accordance with article 1 of the act of criminal proceedings from 1864 a detention could take place only on the basis of an injunction, and a detainee was supposed to be interrogated by a judiciary authority within 24 hours from the detention. Concurrently binding provisions constituting that the temporary detention, police supervision and compulsory displacement from the previous place of residence were not considered punishments made the guarantee of personal liberty formulated in the provisions only illusory²⁴.

In accordance with the ukase from the 30th of April/12th of May 1867 normal police supervision could be used not only towards people "politically suspected", but to all not deserving the government's trust. The supervision included the restriction of civil and civic rights²⁵ and gave the police plenty of entitlements in relation to the supervised, e.g. the right to conduct a revision anytime during the day or at night²⁶.

Pursuant to the ukase from the 8th/20th of July 1868 the limitation of the liberty to choose a place of residence was heightened. The Poles inhabiting the Kingdom could not relocate themselves to 9 western governorates, to Bessarabia and to the

²¹ See more in T. Demidowicz, *Obowiązek służby wojskowej w Królestwie Polskim i jego realizacja (1832–1862)*, „Studia Historyczne” R. XI, 1997, vol. 2(157), pp. 167–190.

²² See T. Demidowicz, *Statut Organiczny Królestwa Polskiego...*, p. 148.

²³ See more E. Grabowski, *Z dziedziny teorii i praktyki stanów wyjątkowych*, Warszawa 1911; cf. K. Grzybowski, *Historia państwa i prawa Polski*, t. IV: *Od uwłaszczenia do odrodzenia państwa*, under the general edition of J. Bardach, Warszawa 1982, pp. 148–157.

²⁴ Cf. K. Grzybowski, op. cit., pp. 120–121.

²⁵ The supervised could not without a proper permission wander off the place of residence, also could not run a publishing house, restaurant, be a member of an association or to remain in governmental service.

²⁶ See: A. Okolski, *Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskim*, t. II, Warszawa 1882, pp. 336–337.

governorates neighbouring the excluded ones. A temporary entry to Petersburg or Moscow required a passport and since 1871 men between 14–20 could not relocate themselves to native Russia. Going abroad also required a special permission²⁷.

It was a legal obligation to be obedient towards the government and accept internally the Emperor's will. The government collected data about the Poles' viewpoints, even about those not expressed directly, but manifested with clothing or a specific attitude. Thus it was punishable to wear mourning without permission, wearing national clothes, not holding a service or doing it improperly on the so-called formal days²⁸.

The system of preventive censorship remained a rule. The press, publishing houses and printing offices were subject to licensing, whereas all the matters related to censorship since 1863 were the obligation of the Ministry of Internal Affairs. A censor examined the publishing materials twice, just before printing and right after. Even the publishing houses released from preventive censorship, such as those established by the universities or scientific circles, had to be submitted to the local Censorship Committee, which could impose detention on the publishing and forbid its dissemination. An impediment was also the requirement to obtain the Minister of the Internal Affairs' agreement to change a publisher for a periodical, which was introduced by the ukase from 28th of March/9th of April 1890. It is worth to pinpoint, on a different note, that year 1905 brought a mitigation of the censorship provisions. Preventive censorship was replaced by a coercive one and a year later licensing of the publishing houses²⁹ was abolished.

In the Kingdom it was banned to organise assemblies. The regulation from 2th/14th of October 1867 prohibited the "assemblies on the streets and squares which gather more than three people". The prohibition included also meetings in private homes. A party organised at home demanded a permission and next a notification. Only the approved associations were legal, and the approval was, until 1905, the act of free will, often of the monarch. The limited freedom of assembly and associations was declared only in the basic law from 1906³⁰.

Russification proceeded in schools and bureaus. In 1864 starts the period of the preparation and realization of the fundamental reform of the judiciary system of the Kingdom of Poland, the main political aim of which was Russification. The process escalated since 1888, when it became a rule to entrust the judiciary vacancies to the people of Russian nationality³¹. To the sphere of general administration the Russian language as an official one was introduced by a circular note [*okólnik*] from the head of the administrative office of the Arranging Committee [*Komitet Urządzający*]

²⁷ See: K. Grzybowski, op. cit., p. 123.

²⁸ Ibidem, pp. 123–124.

²⁹ Ibidem, pp. 124–127.

³⁰ Ibidem, pp. 137–140.

³¹ A. Korobowicz, *Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1815*, Lublin 1995, pp. 88 and 96.

from the 18th/30th of May 1868, a year later to revenue administration³² and to governmental cities administration – since 1870³³.

The restriction depicted above were intensified by the state of emergency binding in the Kingdom, with short breaks, from 1863 to 1915³⁴.

Bibliography

- Bartoszewicz K., *Utworzenie Królestwa Kongresowego*, Kraków 1916.
- Demidowicz T., *Obowiązek służby wojskowej w Królestwie Polskim i jego realizacja (1832– 1862)*, „Studia Historyczne” 1997, vol. 2(157).
- Demidowicz T., *Statut Organiczny Królestwa Polskiego w latach 1832–1856*, „Czasopismo Prawno-Historyczne” 2010, vol. 1.
- Grabowski E., *Z dziedziny teorii i praktyki stanów wyjątkowych*, Warszawa 1911.
- Grzybowski K., *Historia państwa i prawa Polski*, t. IV: *Od uwłaszczenia do odrodzenia państwa*, under the general edition of J. Bardach, Warszawa 1982.
- Izdebski H., *Ustawa konstytucyjna Królestwa Polskiego z 1815 r.*, [in:] M. Kallas (ed.), *Konstytucje Polski*, Warszawa 1990.
- Kieniewicz S., *Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815–1830). Wybór tekstów źródłowych*, Warszawa 1951.
- Korobowicz A., *Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1815*, Lublin 1995.
- Królestwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Królestwa Polskiego do cesarstwa Rosyjskiego*, published by M. Radziwiłł and B. Winiarski, Warszawa – Lublin – Łódź 1915.
- Królestwo Polskie Kongresowe Powstanie Listopadowe*, Piotrków 1915.
- Okolski A., *Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskim*, t. II, Warszawa 1882.
- Ramotowska F., *Warszawskie Komitety Cenzury w latach 1832–1915*, „Studia Warszawskie” 1971, vol. VI.
- Tokarz W., *Dwie karty historii ustroju Królestwa Polskiego (1815–1855)*, Lwów 1920.
- Winiarski B., *Ustrój polityczny ziem polskich w XIX w.*, Poznań 1923.

Summary

Key words: Kingdom of Poland, Constitution from 1815, Organic Statute.

The legal situation of the Poles in the Kingdom of Poland resulted both from the content of the provisions and its practical use. The initial period, so-called constitutional, was for the situation of the Poles the most favourable. The guarantees of liberties and rights specified in the constitution were satisfying. Unfortunately,

³² The ukase on the revenue chambers from the 23th of March/7th of April 1869.

³³ The Resolution of the Kingdom of Poland Affairs Committee from the 7th/19th of July 1870.

³⁴ The state of emergency in the form of martial law was announced in the Kingdom by the decision of the deputy from the 15th/27th of December 1863. In 1881 it was replaced with the state of strengthened protection – see more E. Grabowski, op. cit., pp. 13–17.

practice very quickly started to vary from the theory, heading towards the implementation of a national repression system, which became the main reason for the Polish uprisings. Both fighting for equality in the eyes of law and independence whetted the repression system and caused the introduction of another restrictions of the basic liberties, such as freedom of relocation, organizing and belonging to associations, confessing the faith, freedom of expression or using a native language. A small “thaw” came only with the revolution in 1905.

Rafał Kania

Paweł Włodkowiec University College in Płock

The Criminal Code in the Kingdom of Poland of 1818.

The circumstances of implementation and fundamental assumptions of the first Polish criminal codification

Introduction

The beginning of the 19th century constituted a turning point in terms of dynamic political, legal, social and economic transformations that took place on the central lands of Poland. After the Third Partition of Poland in 1795 the territory of this country was ruled by Prussia, Austria and Russia. In 1807 Napoleon's expansion led to creation of the new state, the Duchy of Warsaw, which subjected to France. Its ephemeral period of existence came to an end along with Napoleon's ultimate defeat and the termination of his rule. On the basis of the Congress of Vienna in 1815 settlements another new state was established on the central lands of Poland, namely The Kingdom of Poland. The state was influenced by the Russian Empire. The intense organizational works began. One of the key points of these actions concerned the arrangement of legal system, particularly the criminal law.

The Criminal law in the territories of Poland before 1818

After the occupation of the Duchy of Warsaw by Russian army, the Civil Organizing Committee was established in July 1814. Due to the fact that the lands of the Duchy of Warsaw covered also a part of Galicia, in 1809 two codifications of law came in force. Those were *The General state laws for the Prussian states (Landrecht)* from 1794 and *The Austrian Enactment of the crime and the serious police offences* from 1803. Furthermore, the Polish old law was used in a subsidiary way. It was necessary to promulgate a new criminal codification that would be adapted both to the present situation and the national traditions. The above-mentioned law regulations were to remain in force until their implementation. It was decided that the preparation of the project had to be consigned to the deputation, whose members,

however, had various visions of the new law, the discrepancies in relation to this matter ultimately resulted in a rather concise content of the whole act¹.

When the Constitution of the Kingdom of Poland was signed on November 27, 1815 and the new authorities were constituted, the Council of the State was granted the supremacy of Alexander I on September 5, 1817. The ruler expressed his disapproval of sustaining two obligatory criminal legal regulations in one country. The tsar perceived a new codification as a synthesis of the best Austrian, Prussian and French components of the criminal law that ought to be adjusted to the "moral state of the country"².

In compliance with Alexander I guidelines on 4 October 1817 Józef Zajączek who was the viceroy (Namiestnik) of the Kingdom of Poland established the legal commission, whose representatives in the same year managed to prepare not only the preliminary part of the codification but they also presented an outline of more elaborate section of it. Nevertheless, because of the lack of time and due to the viceroy's expectations the Committee decided to forsake the idea to create an original codification and began to imitate the Austrian penal code of 1803³.

The content of the codification was firstly thoroughly considered and then finalized on March 13, 1818, by the Council of State, subsequently the project was debated by the Polish Parliament (Sejm). The modifications introduced by the Council referred mainly to its more detailed part and were directed to better prevention of the landed gentry affairs⁴.

Numerous amendments were introduced during the proceeding of the parliamentary committees. The considerable part of them was approved by the Council of State, considering that stylistic and editorial remarks prevailed among them. The tendency to provide better legal protection for the privileged part of the society, particularly the nobility was also noticeable at that time. A number of three sessions dedicated to the project were taken in the Chamber of Envoys (Izba Poselska), whereas in the Senate only one took place. The Government Bill became the subject of the ardent discussion to the members of the parliament (Envoys) and deputies.

Its supporters highlighted the disadvantages connected with the presence of two criminal codifications remaining in force. They referred to the universal law of nature that constituted an indispensable part of the French, Austrian and Prussian codes that became the foundation of the legal regulation. Thereby, the cohesion of the whole project was tried to be presented from the axiological standpoint. The authors of the project were stated as those who enabled to merge the best elements of the various

¹ J. Bojański, *Rządy tymczasowe w Królestwie Polskim. Maj – grudzień 1815*, Warszawa 1902, p. 17; J. Śliwowski, *Kodeks karzący Królestwa Polskiego (1818 r.). Historia jego powstania i próba krytycznej analizy*, Warszawa 1958, p. 9.

² J. Bardach, M. Senkowska-Gluck (eds.), *Historia państwa i prawa Polski*, vol. III: *Od rozbiórów do uwłaszczenia*, Warszawa 1981, pp. 523–524.

³ J. Śliwowski, op. cit., p. 40.

⁴ Ibidem, p. 63.

codifications. The political aspect was also emphasized. Moreover, the expectations of Alexander I that were directed to the local authorities were reminded as well. They concerned the urgent necessity to enact the criminal law codification⁵.

The opponents of the regulation acceptance castigated the project for its inconsistency with the Constitution and the local law tradition. Furthermore, they claimed that its content was full of contradictions that could not be adapted to the present situation in country. The authors were excoriated for their haste and lack of more sophisticated reflection on the consequences of its implementation. Therefore, it was suggested that the voting for the ratification of the codification ought to be postponed to the next session of the parliament (Sejm) which was predicted to be held in 1820. Such delay could contribute to the verification of the practitioners' opinion. It was also stated that together with the introduction of the substantive criminal law simultaneously, a new penal procedure should be also brought about⁶. The members of Parliament, Dominik Krysiński⁷ and Rajmund Rembieliński⁸ delivered the most sensible criticism of the project.

Eventually, the project was put to the vote on 26 April 1818. 66 parliamentarians, including 36 envoys and 30 deputies stood for the codification acceptance. 49 members of the Chamber of Deputies, including 32 envoys and 17 deputies stood against. The voting in Senate showed a different score, namely 19 senators espoused the idea, while 12 opposed to it. Nonetheless, the code was published in the volume fifth of *The Journal of the Kingdom of Poland Acts*⁹.

The systematics, assumptions and the content of the Criminal code

The penal code of the Kingdom of Poland consisted of 588 articles¹⁰. It was divided into the *General Introduction* that comprised 15 articles and three books, *The first book. About the crimes*, *The second book. About the misdemeanour*. *The Third book. About the police offences*. Each book was separated into sections. Moreover, the codification contained preamble and the resolutions on Alexander I acknowledgement, as well as the ministers' signatures that countersigned the legal act. It dated back to 14/26 April 1818. 20 July 1818 was announced as the day of the proclamation.

⁵ *Diariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818 w Warszawie*, Warszawa 1818, vol. II, p. 60, 107.

⁶ J. Śliwowski, op. cit., p. 175.

⁷ D. Krysiński, *Przemówienie deputowanego Krysińskiego w dniu 20 kwietnia 1818 r.*, [in:] J. Śliwowski, op. cit., p. 482.

⁸ R. Rembieliński, *Drugie wystąpienie w dyskusji nad projektem Kodeksu Karnego*, [in:] A. Barszczewska-Krupa (ed.), *Rajmund Rembieliński. Jego czasy i jego współcześni*, Warszawa 1989, pp. 216–217.

⁹ J. Śliwowski, op. cit., pp. 264–266.

¹⁰ *Kodeks karzący Królestwa Polskiego* [in:] J. Migdał, *Prawo Kodexu Karzącego dla Królestwa polskiego z 1818 roku*, Gdańsk 2006, p. 27.

The creators of the codification formally defined the crime as an act of man's volition, which was officially prohibited by the Code regulations. Its commitment was possible by taking action or by criminal negligence (art. 2). The rule *nullum crimen sine lege* was treated as valid (art. 6). However, it was not applied constantly, because the Code allowed to the use the analogy to a certain extent, it also included blanket rules, with the reference to the further modifications.

The Criminal Code the same as the French *Code Pénal* differentiated crimes, misdeeds and police offences. The offence of the division was determined by the upper limit of the punishment (art. 4). The crimes were exposed to the major punishment, misdeeds associated with the correctional penalty and the petty offences that were named also the police offences implicated the police penalty. The code enforced the rule *nulla poena sine lege* in relation to the committed crimes and other offences. However, there was a possibility left to exacerbate or mitigate the punishment.

The Criminal Code implied that the perpetrator was the one who committed the prohibited act. However, it clearly defined those who took part in its engagement. Instigators and aiders (art. 21) were treated as criminals too. The accomplice was also specified as the one who benefited from the crime and whose cooperation with the culprit was proven before committing the crime (art. 22). The special issue was concerned with the chieftain who acted as the leader of the criminal group that was involved in committing a felony (art. 24). The code defined separately the perpetrators of the criminal negligence who did not counteract to prevent the crime (art. 72) and who kept the authorities unaware of the fact that the crime had been committed (art. 73).

The codification provided a severe penalty for the inchoate offence, namely an attempt. Such behaviour was concerned with the same sort of punishment as the actual transgression of the law, although some exceptions could be made, for example a withdrawal from attempted murder or a situation when the arsonist who set fire tried to extinguish it and regretted his action (art. 121). Such kind of conduct resulted in mitigation of punishment.

Although the creators of the codification did not directly classify the wilful and the unintentional misconduct, such division *de facto* was implemented. It must be stated that certain circumstances of the wilful misconduct could be abrogated. They encompassed mental incompetence, or mental illness, insobriety as long as the perpetrator of the prohibited act did not commit it deliberately, the physical compulsion, a legal error or an accident. There were also some justifying circumstances that freed from both criminal and civil liability. They included self-defence in order to protect such values as: fighting for own or other man's life in case of the attack and the will to keep liberty or property. The incidents when the bounds of self-defence were exceeded were classified as the misdemeanour (art. 127–128)¹¹.

¹¹ J. Bardach, M. Senkowska-Gluck (eds.), op. cit., p. 528.

The issue of minors' criminal liability was treated separately. Children under age 12 did not bear the responsibility for crime actions. The penalties in *home setting* were only imposed on them. When a juvenile who did not turn 15 years old violated the law and was adjourned until aged 18 he or she was treated as the perpetrator of misdeeds. The less severe punishments were also provided for this age group in case of misdemeanour or other offences¹².

The Criminal code presented a comprehensive list of sanctions. In accordance with the art. 5 major punishments comprised death penalty, life imprisonment, incarceration (from 10 to 20 years) high security prison (from 3 to 10 years). The correctional penalties included: reformatory (from 8 days to 3 years) public arrest (from 8 days to 3 years) penalty payment that ranged from 40 to 200 zloty, a corporal punishment, namely birching, usually from 16 to 20 whips. The police penalties encompassed: the financial penalty (to 40 zloty), police custody or house arrest (to 8 days), corporal punishment – about 16 whips with a birch¹³.

The death penalty was delivered when seven different kinds of felony were committed or in case of recidivism (art. 53–54). They included: crime against the state (art. 68), murder (art. 115) attempt to commit a murder, especially when additional incriminating circumstances were present (art. 120) predatory homicide (art. 125) arson that caused wide damage (art. 143) being in charge of the hold-up during which the victim was hurt (art. 180) perjury that led the wrongfully convicted to death penalty (art. 184). The execution of the capital punishment involved decapitation or hanging, in case of women only beheading was practiced (art. 27, 29).

The imprisonment took place in fortified prisons or in high security ones. In the first one the prisoners' hair was shaven, they were also forced to wear heavy shackles and humiliating attire. Moreover, they had to sleep without bed clothing only on the wooden bunks. The sustenance, resembled the fast and was restricted to the bread and water served once for three days. When a prisoner served a sentence in high security penitentiaries he or she could count on less severe conditions. In both prison compounds the convict had to face the additional element of the punishment, which was the duty of the compulsory works adjusted to the one's stamina¹⁴. The inmates often constituted the subject of abuse and were treated as the cheap labour at public works¹⁵.

A prison sentence was sometimes used as one of the correctional punishments. In case of being located in the reformatory the prisoners wore light shackles and slept on the straw mattresses (art. 216). Convicts were also assigned to a whole range of different work duties. The penalty of serving the sentence in the public

¹² Ibidem.

¹³ J. Migdał, *Wprowadzenie*, [in:] *Prawo Kodexu Karzącego dla Królestwa Polskiego z 1818 roku*, Gdańsk 2006, p. 19.

¹⁴ J. Bardach, M. Senkowska-Gluck (eds.), op. cit., p. 529.

¹⁵ R. Rembieniński, *Pierwszy raport z objazdu obwodu łączycznego w 1820 r.*, [in:] A. Barszczewska-Krupa (ed.), op. cit., p. 220.

arrest (art. 217) did not involve wearing any shackles. If the prisoners got the court approval and were wealthy enough they could count on the improvement of the prison conditions and could be assisted by the service or the family. Moreover, they were obligated to work, but only in jail. More wealthy detainees who were the representatives of the more privileged part of the society, indeed could opt for the kind of the assignment they wanted to complete. Furthermore, there was a possibility to change the arrest punishment into the financial penalty (art. 227). Another form of the temporary freedom deprivation was detention or the house arrest (to 8 days). Both of them were the police punishments.

The code specified the issue of the penalties restriction. Such punishments as pillory, chains or solitary confinement were practiced in the fortified prisons. On the other hand, in the high security prisons a penalty could be severed in the form of fast or by prohibition to stay at specified places after spending time in the solitary confinement. The death penalty or the life imprisonment associated with the additional sanction, namely the civil death, which was defined in the Napoleonic code¹⁶. It involved the deprivation of the legal capacity and the possibility to undertake legal actions. The one who served the sentence of the temporary deprivation of freedom was penalized with the lifelong disenfranchise. Moreover, the convict was divested of the civil rights, job and granted honors¹⁷.

In spite of the fact that the code contained some elements that stemmed from the humanitarian school of the penal law, in compliance with the Cesare Beccaria's¹⁸ conception, the codification did not abolish, but only limited the use of flogging as a punishment. This penalty could be chosen exclusively by the convict in order to shorten or modify the prison sentence (art. 219). It could be executed in the penitentiary, but never in public. Another curtailment derived from the feudal vestiges and social inequalities that were still visible, therefore it could not be applied to people, who had the civil rights, the exception constituted the perpetrators of theft and arsonists (art. 219). Eventually, this kind of punishment was actually not practiced to people who either had the voting rights or who held offices of high rank. The institution itself aroused much controversy and induced various opinions. It could be illustrated with the example of President of Masovian Voivodeship Commission Rajmund Rembieliński who rejected the possibility to implement it because of its derogatory character¹⁹. In other way Romulad Hube, the later prominent expert of the criminal law, however, supported its application, as it was a real benefit for the members of the lower class in his opinion²⁰.

¹⁶ Art. 22 i n. *Kodexu Napoleona*, tłum. F.K. Szaniawski, [in:] K. Sójka-Zielińska, *Kodeks Napoleona. Historia i współczesność*, ed. 2, Warszawa 2008.

¹⁷ J. Bardach, M. Senkowska-Gluck (eds.), op. cit., p. 530.

¹⁸ C. Beccaria, *O przestępstwach i karach*, trans. E.S. Rappaport, Warszawa 1959, p. 68.

¹⁹ R. Rembieliński, *Głos w dyskusji sejmowej nad projektem ustawy o kodeksie karnym*, [in:] A. Barszczewska-Krupa (ed.), op. cit., p. 214.

²⁰ R. Hube, *Czy chłostę podług przepisów art. 219 i 226 kod. kar. uważać należy za obostrzenie czyli za podstawienie kary więzienia na podpalaczy i złodziei*, „Themis Polska” 1828, vol. I, p. 177.

A financial punishment was categorized as the correctional or police penalty. The legislator granted permission to change it into the arrest or flogging and *vice versa*. In reality the punishment had insignificant meaning and played a small role in law policy of justice system²¹.

In codification, both the range of circumstances mitigating or heightening the liability and the kind of penalty were specified. The first group comprised: premeditation, the seriousness of the damage, the negative aftermath caused to the victim, an amount of crimes, and being in charge of the organized crime group. Mitigating circumstances included: crime of passion, poverty, illness, the juvenile delinquency, small damage²².

Recidivism was particularly concerned with the penalty aggravation. The issue was set on the basis of casuistry procedure. The perpetrators who recommitted the same crime were treated severely. The intensification of the liability concerned the crimes, offences and misdemeanour²³.

Due to the fact, that the Criminal Law Code from 1818 constituted a temporary, modern edited legal act and was on its way to be codified, its content covered many vestiges of feudalism. They included not only the burdensome convicts' duties but also the implementation of the regulations on the basis of talion principle, which concerned two kinds of crimes. People who accused falsely or who gave fictitious testimony that incriminated the defendant risked being subjected to the analogue penalty, as the one that was to be imposed on the wrongfully convicted (art. 184, 419). Other relics comprised: the sort of penalty for insult to religious feelings, perjury, sacrilege and the administration of punishments at home²⁴.

The use and the amendment of the Criminal Code

The time when the Penal Code was in force can be divided into two distinct periods, the first one lasted from its implementation till the onset of the November Uprising in 1830, the second ranged from the time when the insurrection was crushed to the introduction of *the Russian Major and Correctional Punishments Code in 1848*. The first one can be characterized by the codification stability. However, because of the changing social-political situation in the Kingdom some modifications had to be enforced. The escalation of the antagonistic feelings towards Russia as well as the inclinations to regain independence, particularly contributed to it.

In 1821 the viceroy Zajączek issued a decree whereby an application of the Code art. 277 and 278 was extended, it dealt with the functioning of the prohibited

²¹ J. Bardach, M. Senkowska-Gluck (eds.), op. cit., p. 531.

²² Ibidem.

²³ Ibidem.

²⁴ Ibidem, p. 532.

clandestine organizations. The officials' liability was aggravated in situations when despite being knowledgeable about the existence of such organizations they did not notify the law enforcement agencies. In 1825 another change took place, it concerned the intensification of the law responsibility for the voluntary arson. It was a reaction against the escalation of arsons by the peasants at the manor houses. Furthermore, the development of the securities market and loans induced the amendment of the regulations that penalized the process of falsifying documents of this kind²⁵.

The reports of The Kingdom of Poland's Council of State that were submitted to the Parliament (Sejm) in 1818–1830 show the results of the codification application. In 1818–1819 the courts analysed and settled in total 47 879 of the criminal cases. In 1820–1823 the overall number of the legal proceeding equaled to 120 022. In 1824–1828 188 567 cases were settled in courts²⁶. These statistics show the significance of the Criminal Code. In terms of lawfully dogmatic point of view the most scrupulous analysis of the criminal law was conducted at that time by Romuald Hube²⁷ and Damazy Dzierżyński²⁸.

During the *paskiewicz epoch* that started after the end of the November Uprising, a gradual limitation of the Kingdom of Poland's autonomy made the national law look similar to the one that was in force in Russia. This tendency led *de facto* to the regress in the Polish law culture. Furthermore, a plethora of new regulations were introduced to intensify the sanctions that were administered against the participants of the November Uprising²⁹.

The unification of the Polish and Russian law after 1838 was conducted in different ways, for example by the implementation of the sanctions that were unknown before in Poland. The forfeiture law was submitted. The private property might have been granted to the public treasure in certain situations. Such resolution was dependent on Administrative Council. That kind of punishment also resulted in the civil death. Another issue was concerned with the sequestration, which was comparable to the confiscation. This procedure was, however, based on the temporary forfeiture with the aim of the public disposal³⁰.

The scope of the penalizing by public works was developed. Following the Empire procedure, in 1834 the creation of two *correctional companies* and the third detention facility in 1836. The petty offenders who committed some minor financial crimes were incarcerated there. The duration of the imprisonment lasted at least

²⁵ Ibidem, p. 533.

²⁶ *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym, tom I, Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828*, oprac. J. Leskiewiczowa, F. Ramotowska, Warszawa 1984, pp. 112, 200, 280.

²⁷ R. Hube, *Ogólne zasady nauki prawa karnego*, Warszawa 1830.

²⁸ D. Dzierżyński, *Uwagi nad prawem karnem*, „Themis Polska” 1830, vol. VIII, p. 1.

²⁹ J. Bardach, M. Senkowska-Gluck, op. cit., p. 535.

³⁰ Ibidem, p. 537.

3 years, although the upper limit of freedom deprivation and the mode of releasing from prisons was not established. Convicts who were placed in those detention facilities were completely dependent on arbitrary authorities' decision³¹.

The punishment of exile was connected with the serious repression. It was a new regulation that was never found in the code of 1818. It dealt with the deportation into Siberia in Russia. Initially, that punishment concerned mostly political prisoners. However, with the lapse of time its application encompassed also the convicts who were sentenced to life imprisonment and the ones from high security prisons³².

In 1847 *the Russian Code of the Major and Correctional Punishments* was finalized. Simultaneously, the imperial authorities determined to implement the codification in Kingdom of Poland from the beginning of January 1848. According to the new codification the regulations that were in force back then were repealed. Thereby, at the end of 1847 the Penal Code from 1818 stopped to be in operation.

Summation

The Criminal Code in The Kingdom of Poland was the first Polish codification that underwent the whole legislative procedure. It was the result of the era determinants. The content of this legal act presented the interim period between the feudal codifications and modern codes that began to emerge in 19th and 20th century. Moreover, the codification was conditioned not only by the momentary urge, the influences of the foreign cultures were also meaningful. Nevertheless, the political situation had an impact on its relatively short period of application. It was in force only for 30 years. In spite of having many shortcomings and inadequacies the Criminal Code can be recognized as the crucial part of the Polish law tradition.

Bibliography

- Bardach J., Senkowska-Gluck M. (eds.), *Historia państwa i prawa Polski*, vol. III: *Od rozbiorów do uwłaszczenia*, Warszawa 1981.
- Barszczewska-Krupa A. (ed.), *Rajmund Rembieliński. Jego czasy i jego współcześni*, Warszawa 1989.
- Beccaria C., *O przestępstwach i karach*, trans. E.S. Rappaport, Warszawa 1959.
- Bojasiński J., *Rządy tymczasowe w Królestwie Polskim. Maj – grudzień 1815*, Warszawa 1902.
- Diariusz Sejmu Królestwa Polskiego 1818 w Warszawie*, vol. II, Warszawa 1818.
- Dzierożyński D., *Uwagi nad prawem karnem*, „Themis Polska” 1830, vol. VIII
- Hube R., *Czy chłostę podług przepisów art. 219 i 226 kod. kar. uważać należy za obostrzenie czyli za podstawienie kary więzienia na podpalaczy i złodziei*, „Themis Polska” 1828, vol. I.

³¹ Ibidem, pp. 537–538.

³² Ibidem.

Hube R., *Ogólne zasady nauki prawa karnego*, Warszawa 1830.

Migdał J., *Prawo Kodexu Karzącego dla Królestwa polskiego z 1818 roku*, Gdańsk 2006.

Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym, tom I, Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828, oprac. J. Leskiewiczowa, F. Ramotowska, Warszawa 1984.

Sójka-Zielińska K., *Kodeks Napoleona. Historia i współczesność*, ed. 2, Warszawa 2008.

Śliwowski J., *Kodeks karzący Królestwa Polskiego (1818 r.). Historia jego powstania i próba krytycznej analizy*, Warszawa 1958.

Summary

Key words: criminal code, the Kingdom of Poland, jurisprudence, law.

The beginning of the 19th century constituted a turning point in terms of dynamic transformations on the central lands of Poland. In 1815 a new state was established. It was the Kingdom of Poland. An intense organizational works began. Part of them was the arrangement of the legal system, particularly the criminal law. This article includes main information about the circumstances of implementation and fundamental assumptions of the Criminal Code in the Kingdom of Poland of 1818.

Mariam Khoperia

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

The political situation in Georgia in the first half of XIV century and Royal Charter, created at the initiative of George V

Introduction

The level of Legal thinking clearly indicates the culture of any state of ancient nations, including the Georgian nation. This fact is confirmed by the historical sources of law. The Royal Charter or Laws, created at the initiative of King George V the Brilliant is one of the best examples of high legal thinking in Georgia of late feudal period.

Historical situation

King George V (1286–1346) was a son of the Georgian King Demetrius II the Self-sacrificing and the daughter of Beka I Usher, a Prince of Meskheta, a southern principdom of Georgia. In 1289 by the order of the Mongolian Khan, the father of George V, King Demetrius II the Self-sacrificing was beheaded, and young George's education took his grandfather Beka I.

George V was enthroned in 1318. The young king had to take up the governance of the country in most severe conditions: in that period Georgia was politically fragmented, disintegrated into principalities country, which had long lost its independence, there was no unity of spirit in the country among the people, and the economy was ruined.

Energetic and insightful King George V became well aware of the country's internal and external situation. He understood that the country's internal unity was the most important condition for the success. Accordingly, shortly after his enthronement he took important measures in order to improve the internal situation; In particular, after three years of fighting he destroyed Ossetians' raids in the eastern part of Georgia- Kartli, took Gori and freed it from Ossetians' violence; after expulsion of Ossetians he extinguished the fight arising on the basis of vengeance between Ksani and Aragvi principalities and united Georgia as a state.

King George was well aware of fields of agriculture and the economics. He carried out effective measures to restore the country's shattered economy; he launched the money reform in order to improve the economic situation: replaced Mongolian currency (Kazan Tetri) by the Georgian Tetri, which was named George's Tetri or Giorgauli. The country's economy revived due to wisely led strategy.

George V was waiting for the suitable moment for getting rid of Mongol yoke, and finally the time came. In the first quarter of XIV century the Mongol dominance seriously weakened. The unrest began in Khanate. George V the Brilliant took an advantage of this, defeated the Mongol army, disposed in Georgia and expelled it from the territory of Georgia. The country was liberated from the Mongolian domination and regained its state independence. Due to the correctly judged and led in favor of the country policy, the people fairly named a wise ruler King George V the Brilliant. He is referred to by this name in the history of Georgia.

The reasons for drawing up the monument

After agricultural and economic reforms George V carried out a legal reform as well. The fact is that during that period the government in East Georgia Mtiuleti was ruined, local residents refused to obey king's officials and military service; local officials were often attacked and murdered in the region, in which sometimes participated the entire village, community and Khevi. Not only individuals, but also the whole village and even the armed women were involved in increasing cases of theft and robbery. Also it was common for no reason to leave a wife, kidnap someone else's wife, revenge, vendetta, etc.

With the purpose of proper assessment of the situation, King George V with the accompanying delegation toured Mtiuleti, became acquainted with the situation, and was convinced that a great injustice and violence reigned in Mtiuleti. Then the King came to the following conclusion: 1. the old customs were no longer enough for regulation of complicated relations between people; 2. one of the reasons that contributed to the frequent cases of above crimes was a lack of laws. Therefore, in order to correct the problem, it was necessary to launch new laws.

From the Preface of Laws can be seen that upon returning to Tbilisi, George V the Brilliant specially called the Legislative Assembly –Darbazi, which by the King's invitation was attended by high-ranked church officials, as well as Mtiuleti officials -the Khevi governor and community leaders, as well as King's officials; and together they issued a book called "Royal Charter" or body of laws. The main objective of drawing up the Charter was to establish and strengthen the influence of the feudal state in Mtiuleti. The Royal Charter is a particular legislative document of medieval Georgia that was drawn up specifically for residents of the East Georgia's mountainous region – Mtiuleti.

In the Preface of the Book of Law as well as in the monument there is several times emphasized the fact that until George V the legislation had not been drawn up for Mtiuleti residents by his predecessor kings. Therefore, the persons involved in the Assembly were deprived of the opportunity to determine the penalties for previously committed crimes. Legislative Assembly members pointed to the lightness of the sentence, which was stipulated by highlanders' customary laws for various crimes. According to the Royal Charter, the law applied only to those crimes that were committed after the date of launching the law.

As for the date of drawing up this legislative monument, it must be said that the exact information on the date cannot be found in either "Kartli life" or Vakhushti Bagrationi's History and Chronicles. The competent Georgian historians believe that this should have happened in the years of 1334–1335. This view is based on the fact that in 1335 George V the Brilliant was already the holder of the Georgia's throne and the scepter; In addition, Ekvtime had taken part in this Legislative Assembly as the "Holy Archbishop and Catholicos of Kartli" for the last time.

From the notice of Vakhushti Bagrationi it can be seen that the Royal Charter was drawn up after 1334. Therefore, this date should be considered as the Royal Charter's *terminus ante quem non* boundary, before which it could not be drawn up, as for *terminus ante quem non*, i.e., boundary, after which it could not be drawn up, the year of 1335 is considered as such. At present no sufficient material is available to determine the date with more precision.

The structure of the monument

Law of George V is the legislation of feudal epoch. Like the legislative monuments of law of ancient and medieval centuries, the Royal Charter is composed mainly by casuistic principle, i.e. according to the individual case. The Preface of the Book of Law says that the highlanders in Mtiuleti had no charter, or the written law before the King George the Brilliant. Accordingly, the legal relationships between them were regulated by the customary law. But it should be emphasized that unlike the ancient and medieval legislative monuments, the Royal Charter is based on two sources: on the one hand, customary law, and on the other hand, a legislation as a significant source. This situation is quite natural: in the late feudal period, law is gradually being established among other legal sources, and at the time of absolutism it holds the first place.

The monument, consisting of the preface and 45 articles, is mainly the criminal legislation. There are only two articles concerning civil proprietary rights. In the ancient manuscripts of the monument the text is not divided into articles. Apparently, this work was performed by the King Vakhtang VI's (1675–1737) Legislative Commission, which had carefully studied the text of the monument and divided it into articles by its contents. Acad. Iv. Javakhishvili wrote about this: "The Legislative

Assembly divided this monument into several main parts, and headed each part by the sentence, designating the start of a new issue according to its contents. Some of the sentences, designating such subheadings, corresponding to one chapter or section, probably were omitted by the document copyists over time. The sentences, designating new chapters of laws are currently maintained only at the beginning of some articles in the manuscript (Art. 6, 11, 19, 29, 31, 32, 33, 44)". In opinion of Acad. Iv. Javakhishvili "Initially these laws should have been divided into about 18 parts and each part should have had own introductory sentences. They are presented in the form of a system.

Therefore, the Royal Charter is drawn up according to a certain system, by its contents it is divided into several main parts and the relevant issues of the Criminal and Civil Law are set out in each part. It is also noteworthy that other Georgian monuments of law – of Beka-Aghbugha, Catholicos and the Law of Vakhtang itself, included into the body of laws by Vakhtang VI is drawn up by this system; according to the contents, certain issues are arranged in a certain sequence, clearly showing quite developed level of the Georgian legal thinking.

As the customary law is one of the sources of the monument, the question arises: What are the institutions introduced by the legislature from the customary law into the articles of Criminal Law of the Book of Law?

It should be noted that the legislature used most widely the customs in determining punishments, which is evident from the contents of the law articles. In a number of articles of Laws (Art. 22, 25, 28, 29) retaliation is directly recognized as the victim's legal right against the offender. However, the legislature tried, somehow, to limit the scope of revenge, and the specified time was determined as one of the conditions for retaliation, after elapsing of which the retaliation is prohibited. Therefore, by such a requirement, willfulness and arbitrariness were not considered the legal retaliation. According to Articles 28 and 44, if a plaintiff requested the defendant be summoned to court three times and all three times the defendant refused, then the plaintiff had the legal right to take revenge and attack the rebel and law evader defendant.

Expulsion as an old custom of a penalty belongs to the Institute of customary law, and it initially origins from communal regime, while in the class society it takes the form of the penalty, legally sanctioned by the state government. The Royal Charter widely used expulsion as the measure of punishment to offenders. This type of punishment existed in the legal monuments of the other nations of the ancient and medieval centuries as well. The expulsion is a severe punishment, which according to a series of articles (Art. 1–3, 5–7, 9, 11–15, 17) was sentenced by the legislature to a criminal (murderer) for killing persons of various categories and legal status. The confiscation of property and its transfer to the state was an additional to the expulsion sentenced penalty. The law requires the expulsion of the offender for killing and harming persons with a high social status (Art. 12, 13, 14), as well as persons with equal legal status (Art. 5, 6, 11).

The law also established the fixed-term and permanent expulsion. In case of committing serious crimes (such as: the murder of the highest-ranking person, Khevi leader, governor, also killing a father - absolutely shameful and unprecedented crime) a person shall be a subject to permanent expulsion. Permanently expelled killer is considered a person, declared without protection by law and any other type protection; everyone could kill such a person, expelled from the community at the first meeting. The same thing cannot be said with respect of the offender, expelled for the specified period, who was, perhaps, completely abandoned to the mercy of fate, but upon the expiry of the specified period, the law considered it possible (In case of compensation of the blood of the victim) to return the offender to Khevi and community, and return the seized estate to him. Killing a brother was a severe crime as well, but in this case the legislature anyway considered it possible to expel the offender for ten years. According to the gravity of the offense, the Book of Law stipulates expulsion from the homeland for three, two or one year and deprivation of estate for the relevant period. According to the committed crime, the Book of Law sets a double, one, half, third, fourth, fifth and sixth part compensation of the blood of the victim in favor of the victim or his family.

The Royal Charter determines the blood of the Khevi authorities. There had been no information on the amount of the price for their blood until that time. According to the second Article of Royal Charter, if the governor of the community, village or Khevi was killed, in addition to payment of fine for the blood of a victim, each family, participating in the murder was imposed a fine of giving a horse yearly for Sepa. Article 41 concerns determination of the blood for killing a peasant, sacrificed to Lomisi church. However, lawyer scientists believe that this article appears to be inserted in an inappropriate place, and perhaps, in the original version of the Laws it was provided in the other place.

The Royal Charter borrowed one peculiar, dishonoring type of penalty from the customary law, which is called "shaving". According to the second Article, if the residents of the community, village or Khevi killed their governor, in addition to other punishments, the head of each participating in the murder village should be "shaved". This form of punishment was used in customary laws of other ancient peoples as well.

The same is true with respect of legal grounds for a retaliation. In case when a man's wife was kidnapped, according to Article 22 of the Book of Law, he was entitled during one year to attack a criminal and do any harm to him. According to Article 25 if the victim attacked the offender before reconciliation. If the plaintiff requested the defendant three times to court, but he still did not appear, then the plaintiff had the right to attack the defendant. When the case concerns recovering the stolen thing, the owner of the thing is given the right to attack offender only if after requesting the stolen thing for three times, the offender does not return the thing to the owner.

Although the Royal Charter concerns mainly issues of criminal cases, there are some articles in it, concerning the field of civil law as well. For example, Article 16 deals with the issues of divorce of the father and children, and division of estate ownership; Article 45 regulates the loan agreement. According to the law, taking the loan interest was considered dishonest and improper according to the Georgian legislation.

It must be stressed that the Royal Charter of George V the Brilliant was translated into English by O. Wardrop (He translated the poem of the great Georgian poet Shota Rustaveli *The Knight in the Panther's Skin*, the monument of XII century which is included in the treasury of the world literature). Although the translator, as he noted himself, did not have at hand the ordered and determined text, the Royal Charter translation demonstrates the significant influence of the translator. The translator was comparing the Georgian manuscript to the Russian translation. Some articles of the monument, abbreviated in the Russian translation were restored and fully provided in the English translation. The advantage of the English translation must be considered that the translator did his best to approximate translation to the Georgian text, avoiding free and extended translation, definitions, added to the text where the text is vague and lacks accuracy, and the footnotes state that the translation is unreliable. However, significant number of errors in the translation is conditioned by lack of knowledge of meanings of Georgian legal terms.

Consequently, in summary it can be said:

1. The Royal Charter or Laws, created at the initiative of the King George V the Brilliant, main aim of which was establishment and strengthening of the influence of the feudal state in Mtiuleti (The mountainous region in the east of Georgia) clearly indicates to the correct state and legal strategy of the wise king;

2. The correct legal reform, carried out by George V the Brilliant, is evidenced by the fact that he focused on criminal law. As the offender of any layer poses a danger to people, their lives and normal coexistence of the society, therefore, the people's safety and their peaceful coexistence mainly depends on the suitability of the criminal law;

3. Unlike the legislative monuments of ancient and medieval centuries, George V the Brilliant's Royal Charter reasonably combines the two sources of law: customary law and legislation. Progressively thinking King took into consideration a challenge of epoch and established legislation concurrently with the customary law;

4. Like the codification of legislative acts of other peoples of the feudal era, the Royal Charter by the level of contents of particular articles of Laws demonstrated the level of progressive for that period (XIV c.) legal thinking. This is clearly outlined when it is compared to the legal monuments of other countries of the same epoch.

Bibliography

Dolidze I., *Law of George "the Brilliant"*, Tbilisi 1957.

Dolidze I., *Old Georgian law*, Tbilisi 1953.

Javakhishvili Iv., *History of Georgian law*, Tbilisi 1928.

Urbneli N., *Code of law of king George "the Brilliant"*, Tbilisi 1890.

Wardrop O., *Law of King George V, of Georgia, surnamed "the Brilliant"*, "The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland" 1914, [online] <www.jstor.org/stable/25189201?seq=1#page_scan_tab_contents>.

Summary

Key words: legal, political situation, economic situation, punishment, crime, article, customs, legal reforms.

The present article introduces the political situation in Georgia in the first half of XIV century and in this period created law code of king George V, which was one of the best examples of high legal thinking in Georgia of the late feudal period.

XIV century was a difficult period in the history of Georgia – hard political situation, destroyed internal unity, disobeying individual feudal lords etc. King Giorgi V started reforms, he launched the money reform in order to improve the economic situation: replaced Mongolian currency by the Georgian Tetri, which was named George's Tetri or Giorgauli etc. One of the most important reforms was legal reform – by his initiative was created a new legal code.

The monument, consisting of the preface and 45 articles, is mainly the criminal legislation. In the ancient manuscripts of the monument the text is not divided into articles. The Royal Charter widely used expulsion as the measure of punishment to offenders. The law also established the fixed-term and permanent expulsion for serious crimes; for example, for murder of the highest-ranking person or governor, also for killing a father – person must be a subject to permanent expulsion. The Law Code borrowed one peculiar, dishonoring type of penalty from the customary law, which is called "shaving". This form of punishment was used as an addition to other punishments, the head of each participating in the murder village should be "shaved".

At the end it should be noted, that O. Wardrop was interested of this source of law and he translated into English.

Mikołaj Tarkowski

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

Statutes of Casimir the Great – the monument of medieval law culture in Poland

The successor of king Władysław Łokietek – Casimir, later called The Great, was born in 1310 and died in 1370. The last years of the Piast dynasty rules (king Casimir was the last representative of that dynasty) were connected with unifying tendencies of the Kingdom of Poland. These tendencies came to light after the period of feudal fragmentation. Reigns of Casimir the Great, which started with the coronation on 2 March 1333, was the period of huge social, political and legal changes. Reforms and projects implemented by the Polish king were the ultimate attempts at the plan of unification to come into force. These processes took place in extremely difficult conditions. The idea of the kingdom's crown – common for all Polish lands – was juxtaposed with still existing individual aspirations¹.

To diminish the impact of the factors unfavourable for the unification of Poland, the last king from the Piast dynasty carried out his policy in various areas. Its most important elements consisted in strengthening central offices and territorial administration of the state. The Polish king undertook cooperation with the hierarchs of the Roman-Catholic Church, inter alia, with Gniezno archbishop Jarosław from Skotnik. At that time, legislature became an essential tool of shaping internal policy. Aiming at unification tendencies determined that judges adjudicating at particular lands of the Kingdom of Poland were to base their sentences on a legal act standardized in the whole state². One manifestation of a concept defined that way was the introduction to Małopolski statute in which it was stated that numerous matters – referring to the same deed – were adjudicated in a different way by different courts. Giving such a diagnosis was to make judges pass sentences in particular trials according to law resulting from a uniform statute³.

¹ S. Kutrzeba, *Historia ustroju Polski w zarysie*, vol. I, p. 57; see also: J. Wyrozumski, *Kazimierz Wielki*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1986, p. 170.

² J. Wyrozumski, *Wielki organizator zjednoczonego państwa*, [in:] *Kazimierz Wielki i jego państwo. W siedemsetną rocznicę urodzin ostatniego Piasta na tronie polskim*, ed. J. Maciejewski, T. Nowakowski, Bydgoszcz 2011, p. 16.

³ Ibidem.

Casimir the great had that concept of editing – at least partially – the law existing in some parts of the Kingdom of Poland which was integrating. The uniqueness of the concept formulated by the king is easier to understand when one takes it into account that in Poland of 14th century legal custom played the main role⁴. Customary law had such an extensive authority that even Casimir the Great was forced to refer to that law more frequently than to Statutes established by himself. However, medievalists believe that extremely important are arrangements telling that in that period the norms of customary law began to be transformed into law enacted, which had for example, the form of statutes. Thus, the genesis of Casimir the Great statutes is connected with theory according to which Polish legislator (king, state representatives) – to a greater extent wrote the law down (edited it) rather than created it. When presenting material connected with Casimir the Great Statutes it must be noted that in the end of the 14th century the significance of the written law in state monarchy increased noticeably. The nobility began to consider it as the way of protection against the wilfulness of officials from magnate circles⁵.

Taking significant regional differences into account, Casimir the Great Statutes, published in the 50s and 60s of the 14th century, were drawn up separately for Wielkopolska and Małopolska. The subject matter included in both these acts was that of state and judicial law⁶. The first of them – Wielkopolski statute – consisted of 34 articles and was published at legislative rally in Piotrków by the king with the participation of Gniezno archbishop, prelates, and magnate and noblemen representatives. The next, Małopolski statute included 59 articles⁷ and consisted of the statute adopted in Wiślica and numerous acts published in a later period. What is important, Małopolski statute was initially intended as legal act which was supposed to be the start for creating a common act encompassing all lands of the Kingdom of Poland⁸.

Referring to the genesis of Wielkopolski statute, one need to stress the participation of both Casimir the Great and Gniezno archbishop Jarosław in the process of its creation⁹. Professor Oswald Balzer stated that “the real initiator of that legislative action was the king himself who had a great understanding for [...] the role of law in

⁴ R. Hube, *Prawo polskie w 14-tym wieku. Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, Warszawa 1881, p. 21.

⁵ S. Płaza, *Historia prawa w Polsce na tle porównawczym*, vol. I, Kraków 1997, p. 109.

⁶ Statutes of Casimir the Great comprised mostly regulations from criminal law (almost 2/3) and from court procedures. In principle, private law was not included in regulations of that legal act and was regulated by the rules of the customary law. See: *ibidem*, p. 110.

⁷ J. Bardach, *Historia państwa i prawa Polski. Do połowy XV wieku*, ed. J. Bardach, t. I, Warszawa 1964, p. 369.

⁸ S. Roman, *Geneza Statutów Kazimierza Wielkiego. Studium źródłoznawcze*, Kraków 1961, p. 192.

⁹ O. Balzer, *Statuty Kazimierza Wielkiego*, ed. Z. Kaczmarczyk, M. Szczaniecki, S. Weymann, Poznań 1947, p. XI; see also: S. Roman, *op. cit.*, p. 190; another opinion on that matter was presented by Juliusz Bardach, who underlined that independence of Casimir's the Great policy does not give assumption to state that archbishop Jarosław participated considerably in the process of Wielkopolski statute being created; see: J. Bardach, *op. cit.*, p. 370.

state's life". The Polish historian of law added "A big role at drawing up the statutes was played by the clergy, especially by Gniezno archbishop Jarosław Bogoria and his closest surroundings"¹⁰. Wielkopolski statute mainly reflected the norms of customary law, which were "converted into the laws"¹¹. Małopolski statute was characterised by a better level of editing and displayed greater reformatory tendency¹². The articles from Casimir the Great statutes regulated legal position of the representatives of various social strata like the knighthood, diminishing group of lords and the peasants. In principle, the articles did not refer to the burghers and clergy representatives. The burghers were subject to the regulations of the city law, whereas the clergy were subject to the jurisdiction of the ecclesiastic courts, which in turn, adjudicated on the basis of the canon law¹³.

The differences that started to be visible between laws in "conservative Wielkopolska" and "more easily adopting changes Małopolska" became clear when it came to women legal status. In Wielkopolski statute woman getting married could only get money as a dowry, not land. Women were excluded from inheriting in that aspect. In Małopolska, patriarchal tendencies were weaker as there was a rule according to which woman had the right to inherit land. At the moment of getting married she could come into possession of land included in the dowry¹⁴. The differences between two statutes do not change the findings of researchers who state that some regulations could have been mutually complementary. Even though the provisions of Casimir the Great Statutes did not cover the whole subject matter they regulated, but "norms lacking in one of regional statutes in court practise could be replaced by regulations taken from the second regional district statute"¹⁵.

Particular regulations of Casimir Statutes devoted to criminal law introduced institutions and solutions which had not been known before. Medieval criminal law from 13th century did not differentiated crimes¹⁶ committed intentionally or unintentionally, whereas such a differentiation can be found in Casimir the Great Statutes from the mid 14th century¹⁷. When analysing the forms of committing the crime in Małopolski statute it must be said that limited criminal liability of an instigator was quashed. In such a case, a person was not held responsible for their act, even if they

¹⁰ Quote for: O. Balzer, op. cit., p. XI.

¹¹ S. Kutrzeba, *Słowo o statucie wielkopolskim*, [in:] *Księga pamiątkowa ku czci profesora Władysława Abrahama*, ed. O. Balzer, L. Piniński, S. Starzyński, P. Dąbkowski, K. Koranyi, J. Adamus, L. Halban, H. Polaczkówna, T. Silnicki, Lwów 1930, p. 344.

¹² A. Vetulani, *Z badań nad kulturą prawniczą w Polsce Piastowskiej*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1976, p. 165.

¹³ Ibidem, p. 179.

¹⁴ Ibidem, p. 177.

¹⁵ Quote for: O. Balzer, op. cit., p. XII.

¹⁶ In the Statutes several notions to describe a crime appear, among which one may enumerate: *excessus*, *crimen* and *culpa*; see: M. Handelsman, *Prawo karne w Statutach Kazimierza Wielkiego*, Warszawa 1909, p. 105–106.

¹⁷ R. Taubenschlag, *Prawo karne polskiego średniowiecza*, Lwów 1934, p. 14.

admitted responsibility for it. The articles of Wielkopolski statute sustained the hitherto existing legislation operating on the ground of customary law (acquainted with the principle of limited criminal liability of an instigator)¹⁸.

Similarly to German law, in the Polish one the custom of the whole family being held responsible for criminal acts developed. In principle, that kind of responsibility lasted by the 13th century and in Mazowiecki law by the 14th century. Another type of liability was the one connected with belonging to home community. When belonging to ancestral community, its members were held responsible for the crime committed by anyone from that community. One could be freed from such liability by *noxae datio* act, where father gave away his son to the person harmed by an offence. Casimir the Great Statutes broke with the principle of mutual criminal liability of family members, Still, *de facto* that rule applied¹⁹. Also collective responsibility of community members such as *opole-vicinia* (family-territorial community) underwent evolution. Before Casimir the Great Statutes were announced, the members of that unit had been convicted of murder the perpetrator of which had not been identified. The premise for holding someone liable was to find a human corpse at opole territory. However, according to resolutions included in the Statutes, solidarity responsibility of village inhabitants for ignoring the duty to help a person in need was retained²⁰.

As to legal solutions adopted on the basis of Statutes, the institution of impunity and premises conditioning such a state must be noticed. When differentiating two periods: before this legal act started being applicable and later, when it was spread onto the Polish lands, it is worth stressing that the Statutes instituted responsibility for killing a prostitute. After the Statutes were introduced, acts like killing or injuring a thief caught red-handed or killing a person sentenced to exile (banishment) were penalised²¹. Premises excluding criminality of an act was, inter alia, “the beginning” (*initium*). In case of injury and in later practice also murder, the perpetrators of such deeds were not punished if they were committed as a result of “the beginning”. This institution concerned active assault (in form of attack) or verbal assault (as a result of slander), which an accused person provoked. It is difficult to compare acting on the basis of “the beginning” with the institution of necessary defence, because “the beginning” had a broader range. The legal structure of “the beginning” assumed that there did not have to exist balance between danger and means which were undertaken by a perpetrator to eliminate it. In that case, it is difficult to talk about exceeding the limits of necessary defence. To prove one’s innocence it was enough to demonstrate that the injured party was the “beginning” and that the repulse of an attack took place directly after its occurrence. *Initium* as an institution characteristic for state law protected, above all, against risk of life,

¹⁸ Ibidem, p. 24.

¹⁹ Ibidem, pp. 37–39.

²⁰ Ibidem, p. 44.

²¹ Ibidem, p. 47.

health and honour of representatives of knight nobility. Impunity of a nobleman's murder in case of "the beginning" was annulled in 1472. That institution functioned in cases of injuries, though²².

Statutes normalized in an extensive way the group of public offences, especially those against state authority. Placing them in the statutes was to result in improvement of public administration, elimination of power abuse and strengthening of state army. Public offence were such acts as drawing a sword or hurting somebody in the presence of king or his governor (starosta) – Wielkopolski statute. The same happened in relation to the afore mentioned acts committed against courts. Those rules were to ensure peace and order both to justice institutions and to judges there adjudicating²³. Military offences included failure to arrive at service and desertion. Also transfers from one banner to another was punished, as it disorganized powers of "levée en masse". Being a rouge (robbery at a public road, professional theft carried out as recidivism) was considered an offence, too. It must be added that the *lèse majesté* (*crimen laesae maiestatis*), treachery and offences against the treasury were not enumerated in Casimir the Great Statutes and were settled arbitrarily by the king and his officials.

An example for private offence which the Statute paid a particular attention to was theft. Thefts were divided into common and classified. A classified theft was that of seizure of property at royal or knightly court, stealing rye from field at night or stealing horses. Theft entailed the duty of compensation and fine for the sake of state and, in the case of classified theft, mutilation punishment. Stricter penalties (death penalty included) were given to thieves who committed the same crime again²⁴.

Statutes differentiated between several groups of penalties, among others: financial penalty, death and corporal penalties, confiscation, private penalties (man price, damages). The most frequently financial penalty appearing in the Statutes was that of "fifteen" (*quindecim*). It was given in the case of public offences (for instance, against justice) as well as the private ones. The gravest punishment was – known to the Małopolski statute – penalty of "seventy". That penalty, also called merciless, was imposed for arson. Importantly, in another article of the Statute arson was punished with burning at stake. Wielkopolski statute predicted broader application of this punishment, inter alia, for murdering a nobleman in his home, raping a woman on a road, trespassing borders of a manor estate. The Statutes imposed death penalty on swindlers who demanded undue benefits from salt mines. Mutilation punishment included, for instance, cutting off ear and were given for theft at the royal or nobleman court²⁵.

²² J. Bardach, op. cit., p. 518.

²³ J. Dąbrowski, *Kazimierz Wielki. Twórca Korony Królestwa Polskiego*, Kraków 2007, p. 57.

²⁴ J. Bardach, op. cit., pp. 521–526.

²⁵ Ibidem, pp. 528–531.

Casimir the Great Statutes introduced limitation period for prosecution. These periods differed depending on the offender's and plaintiff's place of residence. In the case of theft and roguery, the limitation period was one year if two parties lived in the same parish and three years if they lived far from each other. Three years was also the limitation period for the crime of murder. Limitation period concerned crimes belonging to the group of the private ones²⁶. For instance, at investigating murder, the people entitled to find and punish an offender were members of the closest family apart from wife²⁷. Most people gained the right to employ their proxies at trial. Plenipotentiary trial powers were determined at court in principle. Only women could appoint a legal representative at home or at inn in participation of court usher and opponent at trial²⁸.

Statutes established by the last king of the Piast dynasty were developed in later centuries. Into Małopolski statute short acts (called extravagances) were included. It happened during Casimir's the Great life and later was continued by his successors. In the statute appeared also "prejudykaty" (precedents) which were exemplary settlements of court cases based on fictional names and surnames of the parties. The precedents were probably created by royal notaries²⁹.

The name of prejudykaty was consolidated in the history of Polish law thanks to Romuald Hube's activity in the 19th century. It was also determined that "precedents are not settlements of happenings that really took place in Poland but are rather little legal advising pieces". Law historians also added that the precedents authors, when creating them, could use court books but in that case they were of subsidiary character. What is equally important, those case studies, also called *questions*, were treated as private work done of medieval lawyers as they had the power of Statutes regulations³⁰.

Development of legal culture in the middle ages is an interesting matter for the researchers of the Polish law history. Progress in that area is visible when one looks at *petyta* which were projects of legal norms. They were made at the initiative of royal writers and were included into the general collections of Wielkopolski and Małopolski statutes. Undoubtedly, these collections, also called "zwody" were published after king Casimir's death. What is significant, is the increase in the number in articles in collections prepared in such a way. It happened that Małopolski statute edited in successive centuries included 100 articles, whereas Wielkopolski statute had 50. The difference was the result of editing techniques of legal texts. They were different at various stages of statutes development. Regulations were differently

²⁶ Ibidem, p. 519.

²⁷ R. Taubenschlag, op. cit., p. 51.

²⁸ D. Szpoper, J. Świątek, *Dzieje adwokatury gdańskiej*, Gdańsk 2005, p. 13; see also: M. Tarkowski, *Adwokatura wileńska 1918–1939*, Gdańsk 2014, p. 23.

²⁹ J. Bardach, op. cit., p. 370.

³⁰ A. Winiarz, *Prejudykaty w Statutach Kazimierza Wielkiego*, „Kwartalnik Historyczny” 1899, No. IX, p. 196.

divided into parts and edited. Collections set up that way constituted a substitute of Polish national statute. They were also manifestation of still existing tendency of law unification in medieval legal culture. The best-known 15th century edition of Casimir the Great Statutes were the so-called “dygesta”. Edition consisted of all articles taken from Małopolski statute and some Wilekopolskie articles. The contents of articles included in “dygesta” was partially changed. Also translations of Statutes from Latin into Polish caused changes in contents of particular regulations. The exception to this tendency was translation done in the mid 15th century by a canon of Warsaw Chapter Świętosław from Wojcieszyn³¹. The Statutes were translated also into the Russian language. It made sense when Polish law was also applied in the Russian lands within the Kingdom of Poland. Dygesta served to publish the edition of Casimir the Great Statutes in Lipsk between 1487–1489. They were entitled *Syntagma*. Then, the authors of *Statut Łaski*³² from 1506, using *Syntagma*, included regulations from dygesta into that codex. A very important continuation of work started by Casimir the Great were the statutes published by parliament in 15th century. One of the legal acts developing regulations from Casimir the Great Statutes was Warcki Staute set up in 1423 and approved by king Władysław Jagiełło. Casimir the Great Statutes were in force until the time of 18th century partitions³³ and were to be found in different law collections and continuations.

Although Casimir the Great Statutes did not function as a unified collection but were the combination of several parts at least (which were then combined for purely practical reasons) serve as an example of medieval legal culture. It is worth quoting the opinion of one of the most respected law historians Oswald Balzer, who wrote about the Statutes: “they belong to the most remarkable monuments of the Polish law in the Middle Ages, more worth admiring as in Poland alone they were without precedents”³⁴.

Bibliography

- Balzer O., *Statuty Kazimierza Wielkiego*, ed. Z. Kaczmarczyk, M. Szczaniecki, S. Weymann, Poznań 1947.
- Bardach J., *Historia państwa i prawa Polski. Do połowy XV wieku*, ed. J. Bardach, t. I, Warszawa 1964.
- Dąbrowski J., *Kazimierz Wielki. Twórca Korony Królestwa Polskiego*, Kraków 2007.

³¹ J. Bardach, op. cit., pp. 370–371.

³² Łaski Statute from 1506 was the collection of land law published in Latin, drawn up by Jan Łaski who fulfilled the function of a chancellor at king Alexander Jagiellończyk Court, see: Z. Kaczmarczyk, B. Leśnodorski, *Historia państwa i prawa Polski. Od połowy XV wieku do r. 1795*, ed. J. Bardach, vol. II, Warszawa 1966, p. 20.

³³ S. Płaza, op. cit., p. 110.

³⁴ Quote for: O. Balzer, op. cit., pp. X–XI.

- Handelsman M., *Prawo karne w Statutach Kazimierza Wielkiego*, Warszawa 1909.
- Hube R., *Prawo polskie w 14-tym wieku. Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, Warszawa 1881.
- Kaczmarczyk Z., Leśnodorski B., *Historia państwa i prawa Polski. Od połowy XV wieku do roku 1795*, ed. J. Bardach, vol. II, Warszawa 1966.
- Kutrzeba S., *Słowo o statucie wielkopolskim*, [in:] *Księga pamiątkowa ku czci profesora Władysława Abrahama*, ed. O. Balzer, L. Piniński, S. Starzyński, P. Dąbkowski, K. Koranyi, J. Adamus, L. Halban, H. Polackówna, T. Silnicki, Lwów 1930.
- Kutrzeba S., *Historia ustroju Polski w zarysie*, vol. I, Gebethner i Wolff 1949.
- Plaża S., *Historia prawa w Polsce na tle porównawczym*, vol. I, Kraków 1997.
- Roman S., *Geneza Statutów Kazimierza Wielkiego. Studium źródłoznawcze*, Kraków 1961.
- Szpoper D., Świątek J., *Dzieje adwokatury gdańskiej*, Gdańsk 2005.
- Tarkowski M., *Adwokatura wileńska 1918–1939*, Gdańsk 2014.
- Taubenschlag R., *Prawo karne polskiego średniowiecza*, Lwów 1934.
- Vetulani A., *Z badań nad kulturą prawniczą w Polsce Piastowskiej*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1976.
- Winiarz A., *Prejudykaty w Statutach Kazimierza Wielkiego*, „Kwartalnik Historyczny” 1899, No. IX.
- Wyrozumski J., *Kazimierz Wielki*, Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk 1986.
- Wyrozumski J., *Wielki organizator zjednoczonego państwa*, [in:] *Kazimierz Wielki i jego państwo. W siedemsetną rocznicę urodzin ostatniego Piasta na tronie polskim*, ed. J. Maciejewski, T. Nowakowski, Bydgoszcz 2011.

Summary

Key words: Małopolski statute, Wielkopolski statute, The Kingdom of Poland, unifying policy.

The article is devoted to one the most significant legal acts that was created in medieval period in The Kingdom of Poland. These statutes, written in the 14th century were an example of policy aimed at unifying Polish lands after the period of disintegration of Poland. Consisting of two basic parts – Małopolski and Wielkopolski statutes, over the centuries they underwent subsequent stages of development. In completed and transformed editions they were applied on the lands of The Crown of the Kingdom of Poland until the time of partitions, which is the end of the 18th century.

Olga Filasziewicz

The State School of Higher Professional Education in Elbląg

Polish academic corporations at Stefan Batory University in Vilnius – the origin, character and structure

Academic corporations – the origins and legal framework

Ideological and educational by nature, National Colleges dating back to 13th century France may be deemed as the first corporate-like organizations. Their objective was to sustain friendly bonds among members, cultivate traditions, as well as nurture chivalric and civic attitudes by promoting such virtues as discipline, honour, conscientiousness or responsibility. One of the first student organizations to assume the characteristics of a future corporation was founded in 1534 in Padua, with the active support of Stefan Batory¹. As regards the Polish corporate movement, it began to take shape in the first half of the 19th century, when two corporations were established: Polonia in Wrocław (1816) and Polonia Convent in Tartu (1828). Over the next decades several other important corporate associations were formed, e.g. Arkonia (1879) and Walencja (1883) in Riga, as well as Lutycja and Znicz in Tartu (1884 and 1897, respectively)².

The development of academic movement (including corporate movement) gained momentum after Poland regained independence in 1918. This was supported by favourable legal conditions of student organizations, created by the *Act on academic schools dated 13 July 1920*³. In each school, students were entitled to establish academic associations and corporations. The main limitation was the statutory ban on pursuing political goals by those organizations. Only students and university

¹ Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 169, Putkiewicz, Karnicki, *Związki ideowo-polityczne a korporacje*, Vilnius 1922, typescript, p. 8.

² More on this subject in: P. Tomaszewski, *Polskie korporacje akademickie w latach 1918–1939*, Toruń 2011, pp. 27–49; idem, *Korporacje akademickie w Wilnie (1919–1939). Struktury oraz podstawowe kierunki działalności*, [in:] P. Tomaszewski, M. Wołos (eds.), *Organizacje młodzieżowe w XX wieku. Struktury, ideologia, działalność*, Toruń 2008, p. 139.

³ *Act of 13 July 1920 on academic schools* (Dz.U. of 1920, No. 72, item 494).

lecturers were admitted to academic associations, whereas corporations additionally gathered former members of student organizations. Provisions of the act conditioned the establishment of a university association or corporation on the approval of its statute by the academic senate. Moreover, every change of the statute had to be agreed upon with the same body. At the beginning of each new academic year, every student association was obliged to provide the rector with a list of board members and immediately notify any changes therein. The academic senate supervised student organizations through its delegate. The organizations – as internal entities of a given university were not subject to general regulations regarding the interference of state services with the activity of associations and gatherings. Upon the rector's permission, meetings of the youth could be held on university premises without third party participation. The power to supervise youth rallies was vested exclusively in university authorities, but during such meetings only matters strictly related to academic life could be discussed, in accordance with the meeting agenda.

The turning point in the functioning of student organizations was the implementation of new regulations pertaining to academic schools. The act of 15 March 1933 along with accompanying executory orders⁴ clearly limited the autonomy of universities and deprived students of many rights they had previously enjoyed⁵. The act enabled students to establish academic associations that were defined as voluntary, long-term, non-profit associations of students, operating under the supervision and guidance of both academic authorities and the minister for religious denominations and public enlightenment⁶. According to the act, corporations were not defined as a separate category of associations, as had been the case in the previous legal framework. The regulation prohibiting all student associations from any political activity was repeated. For any gathering held on university premises, rector's authorization was required. Each meeting – in which only the students of a given university were allowed to participate – had to be attended by the rector or his delegate. Such meetings could be devoted exclusively to academic matters, discussed in accordance with an agenda approved by the rector. At any time, the attending representative of university authorities was entitled to dissolve the meeting. Should the course of a rally or meeting pose risk to the safety of its participants, the rector could summon relevant state institutions (e.g. police forces) to restore order. The latter also had the right to enter university premises on their own initiative, in emergency situations. Any proposed actions of an association – including changes in its statute – had to be approved by a supervisor, under pain of nullity. The supervisor could object if the planned initiatives were not in line with the organization's objectives, or

⁴ As mentioned by Bronisław Żongołłowicz, draft order was supposed to be developed in such a manner so as to eliminate any associations gathering organizations from several universities; see: B. Żongołłowicz, *Dzienniki 1930–1936*, Warszawa 2004, entry dated 3.03.1933, p. 468.

⁵ A. Pilch, *Rzeczpospolita akademicka. Studenci i polityka, 1918–1939*, Kraków 1997, p. 314.

⁶ S. Rudnicki, *Ustawa o szkołach wyższych z 15 marca 1933 roku*, „Więź” 1985, vol. 4–6, p. 177.

if they were in conflict with the law or autonomous university regulations. Further, university senate – or the rector, in emergency situations – was authorized (upon prior notice to the supervisor) to suspend the entire board or the chairperson of a student organization. In that situation, the supervisor had the right to appoint an interim board. Otherwise, the position of chairperson was assumed by the deputy or the eldest member of the board. There was also a possibility of excluding a member from the association for violation of the statute or regulations governing the organization. The same regulations applied to academic corporations, the only difference being that general meetings of corporations could also be attended by former students and auditing students of academic schools, whereas board members were elected exclusively from among active and auditing students⁷.

The characteristics and main operating directions of academic corporations

The status of corporations and their meaning for students' ideological life was considered controversial. They were frequently perceived as organizations with a social profile, which was undoubtedly influenced by the informal atmosphere of meetings, often accompanied by signing, discussions and alcohol consumption. The nature of corporations also depended on the reasons behind their foundation: some focused mainly on spending relaxed pastime, others were labelled as "snobbish" because their members represented rich families and created hermetic communities; finally, there were associations aiming to foster knowledge, also supporting their members' intellectual development and maintaining a clear ideological and political profile⁸. It is important to note that applying the term "ideology" to academic corporations was regarded as debatable. Corporation members were perceived as "party-goers, drunkards, duellers, dandies, [...] so any »ideology« would have been profaned anyway, especially that »ideology« was usually akin to politics. In fact corporations' political goals were deemed as unclear or even unknown, and some people claimed that they were not allowed to get involved in politics..."⁹. Negative opinions about corporations were expressed by Feliks Widy-Wirski, politician related to the Labour Party and the Polish United Workers' Party, who wrote: "those are

⁷ *Act of 15 March 1933 on academic schools* (Dz.U. of 1933, No 29, item 247); O. Filaszkiewicz, *Respublica Academica Vilnensis. Polskie stowarzyszenia ideowo-wychowawcze studentów Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie w latach 1919–1939*, Elbląg 2014, pp. 63–74.

⁸ A. Pilch, op. cit., p. 48.

⁹ B. Wróblewski, *Ideologia korporacji akademickich*, Vilnius 1928, p. 1; in reports produced by the authorities of Stefan Batory University there was a separate section devoted to corporations and convents – entitled *Social and cultural associations* – while their activity was omitted in the section entitled *Ideological and educational organizations*, see e.g.: Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 98, b. 593, *Report on the activity of academic associations of Stefan Batory University for the reporting year 1935*, typescript, p. 53.

the remnants of German influences, institutions that distract young people from working and constitute a continuous hotbed of street pranks”¹⁰.

In the light of basic corporate regulations, personal beliefs of individual members were expected to remain their private matter. It was emphasised that it was extremely difficult to include corporations in students' organizational life in places characterised by a strong influence of political parties. Care was taken to prevent corporations from becoming parties' background, which would have been a violation of their fundamental ideas. A corporation was supposed to offer freedom of belief, its limits being generally outlined by nationalist ideology. By definition, the attitude to other organizations was unfavourable, especially in the case of left-wing ideological and political groups. Members of a corporation were allowed to belong to other associations only if their principles were not contrary to the rules and traditions of a given corporation. As they wrote: “Care should be taken to prevent such colleagues from becoming association advocates rather than corporation members. Our corporation's ideology, tradition and interest must be maintained in the first place”¹¹. In reality, even though most corporations described themselves as non-political and non-partisan, their members got along and collaborated with specific political parties – usually representing the nationalist block. Many of them actively supported the structures of All-Polish Youth, the National Party and the National Radical Camp, often holding high positions in their governing bodies. Importantly, the so-called corporation law did not allow membership in or cooperation with communist organizations¹².

Corporations combined the functions of scientific circles and self-help organizations, because self-education, scientific development and supporting fellow members of the corporation constituted fundamental obligations of each member¹³. They also implemented ideological and educational tasks focused on the ideal of bringing up patriots – people capable of expending effort and work for their Motherland. They placed emphasis on cultivating traditions and reinforced the struggle for Polishness.

Such organizations were attractive to the academic youth due to their rich customs and strong emotional bonds¹⁴.

Corporations were distinguished by their elitist and hierarchical character, which made them similar to private clubs. One could not simply join a corporation,

¹⁰ F. Widy-Wirski, *Ideological currents in the academic republic. Observations and comments*, Poznań 1930, p. 8.

¹¹ Lietuvos Mokslo Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 128, *Report of the Presidium of the Association of Polish Academic Corporations for the 8th term of office in the period from 14 December 1928 to 19 January 1930*, typescript, p. 3.

¹² W. Muszyński, *Z dziejów Stronnictwa Narodowego (1928–1947)*, “Bulletin of the Institute of National Remembrance” 2007, No. 8–9, p. 29.

¹³ P. Tomaszewski, *Korporacje akademickie w życiu uczelni*, [in:] *Batoria Convent 1922–2008*, Toruń 2008, p. 7.

¹⁴ D. Pater, P. Tomaszewski, *Od morza jesteśmy... Świadomość pomorska w myśli i działalności akademickiego ruchu korporacyjnego w Polsce w czasach II Rzeczypospolitej*, Toruń 2006, p. 12.

but there was a possibility of being introduced by an active member. Candidates – referred to as greenhorns or squires – spent one year learning corporate customs and traditions, discipline and code of conduct. They also participated in educational courses while elder colleagues monitored their progress in learning. Much attention was paid to physical education, especially fencing and other defensive sports. The training period was concluded with an examination, after which the candidate became a full-fledged corporation member (Polish: *korporant* or *barwiarz*). All active members were equal and all decisions – including the election of authorities – were made by democratic vote¹⁵. Membership in a corporation did not expire upon graduation, after which members became veterans (Polish: *filister*) supporting a given corporation.

Polish corporations at Stefan Batory University in Vilnius

At Stefan Batory University in Vilnius, student organizations were categorized in several groups, e.g. scientific, self-help (or Brotherly Help), ideological, educational or regional associations. There was also a so-called group of mixed associations, as well as cultural-social organizations including corporations and convents. Most corporations functioning there presented nationalist views. Those included: Polonia, Batoria, Polesia, Cresovia, Leonidania, Concordia and Filomatia Vilnensis. Some of them referred explicitly to Christian Democracy (Conradia, Śniadecja) or Sanation (Vilnensia, Piłsudia). Moreover, corporation-like organizations were established by students representing national minorities: Ukrainians (Kruty), Jews (Unitania), as well as Russians and Belarusians: (Ruthenia Vilnensis Convent and Scorinia, respectively)¹⁶. Corporations from various academic cities joined with other organizations that shared similar ideological background, creating nationwide associations. The first such organization was the Association of Polish Academic Corporations, established in 1921. It gathered national organizations under a slogan “Welfare of the nation and the state is the supreme law”¹⁷. Some time later, in 1924, Catholic

¹⁵ W. Muszyński, op. cit., p. 30.

¹⁶ P. Tomaszewski, *Korporacje akademickie...*, p. 143; the 1932 list of student organizations also contains Menorah; see: Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 1 IA, b. 557, *Wykaz organizacyj studenckich USB za rok 1931/1932 (List of student organizations at Stefan Batory University in 1931/1932)*, typescript, p. 419.

¹⁷ J. Jasieński, *Stowarzyszenia studenckie USB*, [in:] L. Piechnik, L. Puchowski (eds.), *Z dziejów Almae Matris Vilnensis, Księga pamiątkowa ku czci 400-lecia założenia i 75-lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego*, Kraków 1996, p. 285; P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 86; Dominant slogans adopted by nationalist corporations included mainly patriotism, honour, tradition and religion. Patriotism was mentioned in the ideological declaration of the Association of Polish Academic Corporations of 1921, which reads: “1) Every corporation member’s life goal is to work for the benefit of Poland, for its greatness and power. Welfare of the Nation and the State is the ultimate law, the measure of moral values and a guide for conduct; 2) Each member of the corporation regards work for Poland as

corporations founded the Union of Polish Christian Corporations based on the principles of Catholic objectivism and universalism, seeing Christianity as the source of creative and educational values¹⁸. As for pro-Sanation organizations, in 1932 they established the Federation of Polish Academic Corporations¹⁹.

The oldest strictly corporate organization based in Vilnius was the Polonia Convent, established on 3 May 1828 by Polish students of the University in Tartu²⁰. Its young originators stemmed from the circles related to the Philomaths and Philarets, which operated illegally in the territories annexed by Russia²¹. The selection of Vilnius as the place of operation was greatly influenced both by Philaretic tradition and by the fact that out of all academic cities of the Republic of Poland Vilnius was the one most similar to Tartu, where students did not succumb to the hectic urban life, but gathered around the University as a dominant centre²². Polonia's first supervisor was Professor Józef Ziemacki²³. Polonia was among the largest and most dynamic academic corporations in Vilnius during the inter-war period. It aimed to educate its members in scientific, self-help, social and societal areas. Great importance was placed on maintaining high ethical level in public and private life, establishing peer arbitration and honorary courts, and holding liable those people who violated students' dignity in any way. Moreover, the mission of this convent was to create scientific committees and self-education circles, organize lectures and discussions, support literary and artistic creativity, or maintain a library and a reading room. The corporation also paid attention to shaping a sense of duty and discipline towards the state, and to preparing its members for public life. Another task of the

work for the entire nation. Each member opposes any currents and aspirations that place personal, partisan or class-related interest above the welfare of the Nation and the State as a whole; 3) Corporation member is aware of the dangers posed by foreign elements that threaten the loss of uniform national character by the Most Serene Republic. In any place, at any time, each member defends Polishness – both in terms of spiritual and material goods"; see: *Nasza deklaracja ideowa*, „Życie Korporacyjne” 1934, No. 1, p. 1; It was emphasised that the connecting element between ideology and corporation should be the will and desire to bring ideology into life. The aim of a corporation was to educate rational, righteous citizens who would be aware of their responsibilities towards the nation and the state; see: *Kilka uwag o realizacji ideologii korporacyjnej*, „Życie Korporacyjne” 1935, No. 4–5, p. 69; The question of patriotic education was also discussed in *Corporate educational programme*, adopted at the 5th Convention of the Association of Polish Academic Corporations. The document offers a uniform approach to issues contained in numerous publications, statutes and regulations of various corporations, including the subject of patriotism; see: L. Ter-Oganjan, *Wilno. Rocznik korporacyjny 1828–1928*, „Polskie Korporacje Akademickie”, Warszawa 1995, vol. 8, p. 87.

¹⁸ Poray [ref. not detailed], *Union of Polish Academic Christian Corporations*, „Alma Mater Vilnensis” 1929, vol. 8, p. 158.

¹⁹ P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 125.

²⁰ T. B. [ref. not detailed], *Z życia korporacyjnego*, „Alma Mater Vilnensis” 1924, vol. 2, p. 118.

²¹ *Rys historyczny K! Polonia*, „Korporant” 1925, No. 3, p. 19; P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 181.

²² A. Minkiewicz, *Konwent Polonia 1928–1978*, „Zeszyty Historyczne”, Paris 1978, vol. 46, pp. 210–222.

²³ L. Ter-Oganjan, op. cit., p. 9.

organization was to set up scholarship and loan funds, organize social events and model its members' social manners. The governing bodies comprised: circles (general meetings), presidium and the *olderman* who was in charge of the quarters and order within it, also being responsible for making candidates familiar with the history and regulations of the convent. There were also other autonomous officials within various disciplines (librarian, reading room clerk, treasurer, host, *magister pancandi*, *magister cantandi*), courts and standing committees²⁴. Convent life focused on restoring old noble traditions. Political references were eliminated completely, as Polonia (similarly to other corporations) defined itself as a non-political Polish national association. Although its members did not speak in public very often, their impact on the academic life of that period was critical, which was due to their work in academic, scientific and self-help institutions²⁵. Jerzy Putrament – member of Filomatia Vilnensis, initially associated with the National Democratic movement and later with left-wing academic circles – reminisced: „In Vilnius, each corporation had its political (sometimes nationalist) character. The largest, oldest and richest one – Polonia – exhibited the least of it. [...] It consisted of very affluent people, which was indeed important. Everyone paid membership fees – different in different corporations – and at Polonia they were the highest. Besides, the lifestyle typical of Polonia required a certain income level. For example, one could not show up there without a tail-coat. Therefore being commoners, we looked at Polonia with admiration and even without jealousy: it was simply out of our league”²⁶. The convent was one of six organizations to form the Association of Polish Academic Corporations in 1921²⁷. A major event for the entire Polish corporation movement was the celebration of 100th anniversary of Polonia's foundation, held from 12 to 14 October 1928. On this occasion, the Presidium of the Association of Polish Academic Corporations

²⁴ Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 135, *Statute of the Academic Polonia Convent in Vilnius*, typescript, p. 1.

²⁵ Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 144, *Report on the status and activities of Polonia Convent in Vilnius in 1st and 2nd semester 1920 and 1st semester 1921*, manuscript (no page ref.).

²⁶ J. Putrament, *Pół wieku. Młodość*, Warszawa 1983, p. 151.

²⁷ Z. Popławski, *Association of Polish Academic Corporations in 1928–39*, „Polskie Korporacje Akademickie”, Warsaw 1995, vol. 9, p. 107; This association gathered the most corporations in Vilnius, including: Polonia Convent, Batoria Convent, as well as corporations: Polesia, Concordia Vilnensis, Cresovia Vilnensis, Leonidania, Filomatia Vilnensis. They comprised the Vilnius Intercompany Circle that aimed to facilitate the operations of individual corporations and represent them locally. It was also the institution defending the interests of the community and setting standards for mutual relations; see: Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 134, *Statute of the Association of Polish Academic Corporations*, typescript, p. 2; F. 60, b. 136, *Regulations of the Vilnius Intercompany Circle*, typescript, p. 1; see also: P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 83–118; Due to differences of views – especially regarding the understanding of corporations' political non-involvement principle and the attitude of associational corporations towards the Sanation block, from 1933 to 1939 Polonia Convent remained outside the structures of the Association of Polish Academic Corporations.

published the *1828–1928 Corporation Yearbook* – the most important publication on this topic in the inter-war period²⁸. The membership of Polonia grew year by year – from 27 in the early 1920's to 56 in 1925. At that time the convent had a library with six thousand books, a reading room and its own premises²⁹. Several years later – in the academic year 1929/1930 – the number of Polonia's members increased to 148³⁰. During each semester lectures were organized about the history of the association, regulations and Tartu code were discussed, along with many other topics from members' daily lives³¹. Starting from 1933, the convent was neither involved in dynamic activity outside the corporation nor did it maintain close relations with academic youth organizations, due to the political trends prevailing therein. One of the key events of that period was the 1937 award of *honoris causa* title by the authorities of Stefan Batory University to Marshal Edward Rydz-Śmigły during his stay in Vilnius. The Marshal also paid a visit to Polonia's quarter on that occasion³².

Another important corporate organization was the Batoria convent. It was the first academic corporation founded in Vilnius, established in January 1922 by eleven students – a group of colleagues who had fought together during World War One and the ensuing struggle for independence. As they started studying, they moved into an academic dormitory at Wielka Street in Vilnius. Some of them were soldiers from the 1st Polish Corps of General Józef Dowbor-Muśnicki. Most founders originated from the Kaunas region and Poland's eastern territories that remained outside the country's borders after the Treaty of Riga³³. Batoria's objectives were focused on educating future „truly brave citizens, free from partisan quarrels”³⁴. Members' main goal was to prepare for future active social life. The choice of the convent's name – inspired by the founder of the University in Vilnius – was explained as a reference to the ideals of promoting culture and education³⁵. Corporate activities

²⁸ To celebrate the 100th anniversary, a memorial service was held for members who were killed in battle or passed away; there was also a special ceremony in the Column Room of the University, as well as a festive ball; see: *Polonia Convent*, „Alma Mater Vilnensis” 1929, vol. 8, p. 76; P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 181.

²⁹ *Organizacje akademickie na Uniwersytecie Stefana Batorego*, „Alma Mater Vilnensis” 1925, vol. 3, p. 6.

³⁰ Member list of Polonia Convent in Vilnius; see: Corporate Archive in Poznań, *Konwent Polonia 1828–1899* Dorpat, Warszawa, Wilno, Londyn, ed. by B.P. Wróblewski, ref. not detailed; the archive also includes letters of members representing other corporations functioning in Vilnius.

³¹ Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 144, *Report on the activities of Polonia Convent in Vilnius in 1929/30*, manuscript, p. 1

³² Lietuvos Mokslu Akademijos Biblioteka, Vilnius, Lietuva, Department of Manuscripts, Vilnius, F. 160, b. 144, *Report for semester 209 – from 21.10.1932 to 3.03.1933*, manuscript, p. 5.

³³ P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 183–184; Corporate Archive in Poznań, *Documents of Batoria Corporation (Vilnius)*, ed. by B.P. Wróblewski, no page ref.

³⁴ *Organizacje akademickie na Uniwersytecie Stefana Batorego*, „Alma Mater Vilnensis” 1925, vol. 3, p. 106.

³⁵ E. Gulczyński, *Korporacje akademickie (związkowe)*, „Alma Mater Vilnensis” 1929, vol. 8, p. 155.

focused on the departments related to: courts, sciences, sports and finance, which were headed by the convent's presidium members³⁶. A noteworthy event in the history of the Batoria Convent was the celebration of its 10th anniversary in May 1933³⁷. As was often the case with corporations, Batoria's political profile was not uniform. It may be described as National Democratic, but in 1933 the governing body officially prohibited its members from joining the All-Polish Youth organization³⁸.

Another corporation from Vilnius was Polesia – founded in January 1925 in Brest on the Bug, and relocated to Vilnius in 1927. It comprised students for whom the key objective was to fight against anti-Polish activities and to retain the Eastern Borderlands within Polish borders. They wanted to educate their members as „valuable citizens of the Polish State” by shaping a sense of lawfulness, social discipline, solidarity, as well as responsibility for words and actions. The statute also included principles of conduct consistent with Christian ethics, instilling a sense of honour of a Polish academician, and organizing material and intellectual support for other corporation members³⁹. In 1936, the activity of this fraternity was relatively limited – six evening discussion and lecture meetings were held, devoted to such issues as the foundations of civilization and national culture, origins and forms of corporate ideology, the meaning of corporations, communism and methods of fighting it⁴⁰. In 1937, the organization totalled twenty eight members and organized only four lecture reading events⁴¹. Eventually, Polesia was officially banned after its members took part in a National Party meeting (on 21 March 1937) during which a firecracker exploded, after being brought in by one of nationalist activists⁴².

As for the Concordia Vilensis corporation, it was founded in 1927 by a group of students, most of them being auditing students of the Theology Faculty at Stefan Batory University. Initially, most members were students of theology, but starting from 1931 there was a growing number of representatives of the Faculty of Law and Social Sciences, Faculty of Mathematics and Natural Sciences, as well as Faculty of Fine Arts. In 1932, Concordia Vilnensis joined forces with Filomatia Vilnensis, becoming Concordia Filomatiae. According to its founders, Concordia was a non-political organization with an ideological, educational and social background, driven by the spirit of democracy and ideas of communication and fraternal equality. Its objective was to work for the benefit of Poland, while the welfare of the nation and

³⁶ Z. [ref. not detailed], *Batoria Convent*, „Alma Mater Vilnensis” 1924, vol. 2, p. 119.

³⁷ National Library, Department of Manuscripts, Warsaw, ref. no. 12766, mf 88267, J. Kozakiewicz, *Wspomnienia*, vol. 2, typescript, pp. 18–19.

³⁸ P. Tomaszewski, *Korporacje akademickie...*, p. 149.

³⁹ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 155, b. 92, *Statute of the Polish Academic Corporation – Polesia*, typescript, p. 1.

⁴⁰ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 155, b. 92, *Report on the activity of Polesia for 1936*, typescript, p. 12,

⁴¹ Ibidem, p. 17.

⁴² Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 53, ap. 23, b. 1386, *Monthly situational report no. 3 for March 1937, Municipal Office of Vilnius*, typescript, p. 21.

the state were defined as the ultimate goal, measure of moral values and guide for conduct⁴³.

Filomatia Vilnensis corporation was founded on 4 March 1928 by eleven students, mostly from Łódź and Oszmiana. The aim was to develop an association based on originally Polish foundations and to educate its members to become valuable citizens. This goal was pursued by shaping a sense of lawfulness, taking a clear and decisive position on religious matters (in line with the Christian ideology), as well as organizing lectures on the subject of social sciences, humanities, law, medicine, mathematics, natural sciences and arts⁴⁴. This considerable diversity of themes resulted in varied lectures delivered by corporation members – beginning from the history of Polish constitutions, England's politics, national revolution in Spain, the notion of national identity, ideology of communism, foundations of faith and morality in the Catholic Church⁴⁵, through the legal position of Hitler and Mussolini, activity of the Philomaths and Philarets, to the question of death penalty and Jewish conflict⁴⁶.

Another Vilnius-based corporation – Cresovia – was founded in December 1926, its members being mainly students from the Vilnius region. The organization's objectives included social activity in cooperation with the Polish Educational Society⁴⁷. In the period 1928–1930 and then after 1939, it belonged to the Association of Polish Academic Corporations, while from 1932 it was also active as part of the Sanation-related Federation of Polish Academic Corporations⁴⁸.

One more organization founded in 1926 was Conrardia – a Catholic corporation belonging to the Union of Polish Christian Academic Corporations. Its motto was: „I love the entire nation – I want to help it rise and make it happy”. The association aimed to unify the Catholic corporate movement and the general academic move-

⁴³ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 37, *Statute of the Polish Academic Corporation – Concordia Vilnensis USB in Vilnius*, typescript, p. 7; In the reports for 1936 and 1937, no specific activities were specified apart from educational and scientific, as well as social and self-help actions; see: Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, *Report on the activity of the Polish Academic Corporation – Concordia Vilnensis for 1936* and Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 37, *Report on the activity of the Polish Academic Corporation – Concordia Vilnensis for 1937*, typescript, pp. 9–12.

⁴⁴ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 41, *Statute of the Academic Association of Stefan Batory University – Filomatia Academic Corporation in Vilnius*, typescript, p. 11; Corporation Archive in Poznań, *Polish Academic Corporation – Filomatia Vilnensis (Vilnius)*, ed. by B.P. Wróblewski, page not specified.

⁴⁵ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 41, *Report on the activity of the Polish Academic Corporation – Filomatia for the period from February 1938 to February 1939*, typescript, p. 8.

⁴⁶ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 41, *Report on the activity of the Polish Academic Corporation – Filomacka for the period from January 1936 to February 1937*, typescript, p. 14.

⁴⁷ L. Ter-Oganjan, op. cit., p. 71.

⁴⁸ P. Tomaszewski, *Polskie korporacje...*, p. 187.

ment at the University. Much emphasis was placed on educating members in the spirit of Catholic ethics and nationalist traditions, instilling the habit of conscientious fulfilment of duties towards the Church, nation, university and society, while observing the law and order, as well as sense of personal dignity of every human being⁴⁹. Due to its negligible activity, university authorities decided to dissolve Conrardia in 1934⁵⁰. The process of its revival began in 1937. Veterans adopted a proclamation addressed to the younger generation of corporation members, supporting the idea of reactivation⁵¹. This was also when Conrardia's ideological declaration was created, referring to corporate life traditions and establishing its beliefs upon Christian faith and philosophy⁵². The revived corporation tried to be active in a wide range of fields, both internally and externally: socially, scientifically, intellectually – in line with national and Catholic ideals. Organized lectures referred to the corporate movement, its history and ideals, as well as the code of honour⁵³.

Another corporation related to the Christian Democratic camp was Śniadecja, founded in 1926, associating students of the Faculty of Medicine at Stefan Batory University. The ideas supported by corporation members were convergent with the Christian doctrine – Śniadecja belonged to the Union of Polish Christian Academic Corporations⁵⁴. The name was borrowed from the last name of Jędrzej Śniadecki – the doctor, chemist and philosopher, professor of chemistry and medicine at the Main School of the Grand Duchy of Lithuania and the Medical-Surgical Academy in Vilnius. His life and works were the theme of some lectures. Moreover, a special ceremony was held to commemorate the 100th anniversary of his demise⁵⁵. In March 1927 Śniadecja experienced a schism – a group of its former members (students of medicine) founded the Leonidania corporation that was strictly related to the faculty, admitting exclusively students of the Faculty of Medicine at Stefan Batory University. In addition to the objectives that were common to all corporations, Leonidania's goal (related to its members' interests) was to instil the principles of medical ethics and familiarize members with professional responsibilities and principles⁵⁶. The subjects of meetings and lectures were mainly related to medicine, some other topics

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 40, *Korporacija Conrardia – dokumenty*, manuscript, p. 5.

⁵¹ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 40, *Declaration of Conrardia convent on resuming activity of the Corporation at the university, adopted at Veterans' meeting on 31.10.1937*, typescript, p. 56.

⁵² Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 40, *Ideological declaration of the Catholic Academic Corporation – Conrardia*, manuscript, p. 57.

⁵³ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 40, *Report on general activities of Conrardia corporation for 1938*, typescript, p. 17.

⁵⁴ P. Tomaszewski, *Korporacje akademickie...*, p. 153.

⁵⁵ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 94, *General report of Śniadecja corporation for the period from 1 January 1938 to 1 January 1939*, manuscript, p. 2.

⁵⁶ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 38, *Statute of Leonidania Academic Corporation*, typescript, p. 6.

including history, politics, world events. Several discussions were devoted to relations between the Church and the state, Polish-Lithuanian relations, the January Uprising of 1863, or the Italo-Abyssinian conflict⁵⁷. There were also lectures on such issues as nationalism in Europe, socialism in Poland, racism⁵⁸, situation in Romania and its political-social transformation, national minorities in Poland⁵⁹, Italy's political system, or the Nazi regime⁶⁰.

In April 1925, a corporation was established in Vilnius that was similar to Sanation-inspired organizations in terms of ideology. Named Vilenisia, it aimed to shape its members as citizens devoted to working for the benefit of the state, and to inspire mutual support in the educational process by organizing discussion sessions and lecture meetings. Vilenisia strived to develop people's characters by means of fraternal collaboration between members of the corporation. It also stimulated exchange of thoughts, social discipline as well as sense of duty and solidarity⁶¹. In 1935, the organization held seven discussions, mainly devoted to civic education and life of the corporation⁶². Next year's lecture subjects revolved around international politics, e.g. the Italo-Abyssinian conflict or the military interventions on the Iberian Peninsula⁶³.

Another Sanation-related corporation founded in Vilnius was Aquilonia (1926). In 1931, with the permission from Marshal Józef Piłsudski, it was renamed to Piłsudia⁶⁴. Its ideology was expressed in the name itself: the cult of the Marshal was of primary importance, although political views of the members were not uniform. Some belonged to the monarchist Imperial Idea, while others were affiliated with the left-wing Legion of Youth. Despite such discrepancies, Piłsudia clearly identified itself as a Sanation-related corporation. As a result, it was not admitted to the Association of Polish Academic Corporations⁶⁵, while from 1931 to 1939 it belon-

⁵⁷ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 38, *Report on the general activities of Leonidania Academic Corporation for the period from March 1935 to 25 February 1931*, manuscript, p. 10.

⁵⁸ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 38, *Report on the general activities of Leonidania Academic Corporation for 1936/1937*, typescript, p. 12.

⁵⁹ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 38, *Report on the general activities of Leonidania Academic Corporation for 1937/1938*, typescript, p. 32.

⁶⁰ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 38, *Report on the general activities of Leonidania Academic Corporation for the period from 1 January 1934 to 1 January 1935*, manuscript, p. 28.

⁶¹ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 93, *Statute of the Polish Academic Corporation Vilenisia*, typescript, p. 1.

⁶² Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 93, *General report on the activities of the Polish Academic Corporation Vilenisia for 1935*, manuscript, p. 4.

⁶³ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 93, *General report on the activities of the Polish Academic Corporation Vilenisia for 1936*, manuscript, p. 17.

⁶⁴ *It is not Aquilonia anymore, but Piłsudia*, „Kurier Wileński” No. 110, Vilnius 13 May 1931, p. 2.

⁶⁵ Corporate Archive in Poznań, *Documents of Piłsudia Corporation (Vilnius)*, ed. by B.P. Wróblewski, page not specified.

ged to the Federation of Polish Academic Corporations⁶⁶. Piłsudia's main goals included educating members in the spirit of national traditions and social ethics, as well as instilling a sense of duty towards the state and the university. Other important values included passion for work, organizational discipline, along with physical fitness and vibrant social life⁶⁷. Lectures were devoted to Marshal Piłsudski and his relations with the academic youth, corporation movement in Poland, principles of political non-involvement in corporations, as well as education in the spirit of national tradition and social ethics⁶⁸.

Conclusion

The character of Polish corporations at Stefan Batory University in Vilnius differed. Most of them presented nationalistic views. Those included: Polonia, Batoria, Polesia, Cresovia, Leonidania, Concordia and Filomatia Vilnensis. Some of them referred explicitly to Christian Democracy (Conradia, Śniadecja) or Sanation (Vilnensia, Piłsudia). Not only did their political ideas vary, but also their aim and modus operandi. Whereas some of the corporations' members were focused exclusively on sustaining friendly bonds among themselves and cultivating the traditions, others were even involved in political riots. Nonetheless corporations played an important role in the inter-war Vilnius, particularly in the academic circles. On the one hand, it was related with the authority of Poland's oldest corporation – the Polonia convent – and on the other hand, with the fact that relatively many corporation members provided a background for the future political activity. The importance of Vilnius corporations is also evidenced by the fact that among their patrons were such prominent figures as Marshal Józef Piłsudski, Prime Minister Aleksander Błazej Prystor, generals Józef Dowbor-Muśnicki and Lucjan Żeligowski, as well as Poland's President-in-exile Władysław Raczkiewicz.

Bibliography

Batoria Convent, „Alma Mater Vilnensis” 1924, vol. 2.

Filaszkiewicz O., *Respublica Academica Vilnensis. Polskie stowarzyszenia ideowo-wychowawcze studentów Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie w latach 1919–1939*, Elbląg 2014.

Gulczyński E., *Korporacje akademickie (związki)*, „Alma Mater Vilnensis” 1929, vol. 8.

It is not Aqiulonia anymore, but Piłsudia, „Kurier Wileński” No. 110, Vilnius 13 May 1931.

⁶⁶ L. Ter-Oganjan, *Polish Academic Corporations; almanach and membership in 1992/1993*, Warsaw 1993, p. 89.

⁶⁷ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 39, *Statute of the Polish Academic Corporation Piłsudia*, manuscript, p. 2.

⁶⁸ Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas, Vilnius, Lietuva, F. 175, ap. 15, b. 39, *Report on the general activities of the Polish Academic Corporation Piłsudia for 1938*, typescript, p. 14; 22.

- Jasieński J., *Stowarzyszenia studenckie USB*, [in:] L. Piechnik, L. Puchowski (eds.), *Z dziejów Almae Matris Vilnensis, Księga pamiątkowa ku czci 400-lecia założenia i 75-lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego*, Kraków 1996.
- Kilka uwag o realizacji ideologii korporacyjnej, „Życie Korporacyjne” 1935, No. 4–5.
- Kozakiewicz J., *Wspomnienia*, vol. 2, typescript.
- Minkiewicz A., *Konwent Polonia 1928–1978*, „Zeszyty Historyczne”, Paris 1978, vol. 46.
- Muszyński W., *Z dziejów Stronnictwa Narodowego (1928–1947)*, “Bulletin of the Institute of National Remembrance” 2007, No. 8–9.
- Nasza deklaracja ideowa, „Życie Korporacyjne” 1934, No. 1.
- Organizacje akademickie na Uniwersytecie Stefana Batorego, „Alma Mater Vilnensis” 1925, vol. 3.
- Pater D., Tomaszewski P., *Od morza jesteśmy... Świadomość pomorska w myśli i działalności akademickiego ruchu korporacyjnego w Polsce w czasach II Rzeczypospolitej*, Toruń 2006.
- Pilch A., *Rzeczpospolita akademicka. Studenci i polityka, 1918–1939*, Kraków 1997.
- Polonia Convent, “Alma Mater Vilnensis” 1929, vol. 8.
- Popławski Z., *Association of Polish Academic Corporations in 1928–39*, „Polskie Korporacje Akademickie”, Warsaw 1995, vol. 9.
- Poray [ref. not detailed], *Union of Polish Academic Christian Corporations*, „Alma Mater Vilnensis” 1929, vol. 8.
- Putrament J., *Pół wieku. Młodość*, Warszawa 1983.
- Rudnicki S., *Ustawa o szkołach wyższych z 15 marca 1933 roku*, „Więź” 1985, vol. 4–6.
- Rys historyczny K! Polonia, „Korporant” 1925, No. 3.
- T. B. [ref. not detailed], *Z życia korporacyjnego*, „Alma Mater Vilnensis” 1924, vol. 2.
- Ter-Oganjan L., *Wilno. Rocznik korporacyjny 1828–1928*, „Polskie Korporacje Akademickie”, Warszawa 1995, vol. 8.
- Tomaszewski P., *Korporacje akademickie w Wilnie (1919–1939). Struktury oraz podstawowe kierunki działalności*, [in:] P. Tomaszewski, M. Wołos (eds.), *Organizacje młodzieżowe w XX wieku. Struktury, ideologia, działalność*, Toruń 2008.
- Tomaszewski P., *Korporacje akademickie w życiu uczelni*, [in:] *Batoria Convent 1922–2008*, Toruń 2008.
- Tomaszewski P., *Polskie korporacje akademickie w latach 1918–1939*, Toruń 2011.
- Widy-Wirski F., *Ideological currents in the academic republic. Observations and comments*, Poznań 1930.
- Wróblewski B., *Ideologia korporacji akademickich*, Vilnius 1928.
- Żongołłowicz B., *Dzienniki 1930–1936*, Warszawa 2004.

Summary

Key words: Stefan Batory University in Vilnius, academic corporations, student organization, academic freedom, Second Polish Republic.

Academic corporations, their status and meaning for students' ideological life have been regarded as controversial over the past centuries. On the one hand, they have been treated as purely social associations, while on the other hand – they have constituted a considerable political force, especially in the context of preparing future elites of political parties. The article presents an outline of the corporate movement in the inter-war period, focusing on Polish academic corporations functioning at Stefan Batory University in Vilnius.

Oskar Kanecki

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

The deeds of the regional councils of the Grand Duchy of Lithuania

Following to the reform which took place in the years 1564–1566, the Grand Duchy of Lithuania was divided into districts which played the role of basic military, judicial, administrative and political units¹. The regional councils of nobility (*sejmi-ki szlacheckie*) – an assembly for decision making in a district – founded under the Privilege granted on 30th December 1565 by Zygmunt II August² in Vilnius were a part of this newly established political system. The noblemen participating in the regional councils of nobility were responsible for issuing a great number of documents or deeds. One of them were *lauda*, instructions and certified letters of election (*kredensy*)³. The latter deeds and instructions were not only specific for local gatherings of nobility but they were also issued at the meetings of senators (*zjazdy senatorskie*), general councils (*sejmiki główne*) or the meetings of the states of the Grand Duchy of Lithuania (*zjazdy stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego*)⁴. Despi-

¹ M. W. Downar-Zapolski, *Istoria Białorusii*, Mińsk 2005, p. 144; see also: A. Rachuba, *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*, Warszawa 2002, pp. 52–53.

² H. Lulewicz, A. Rachuba, P. P. Romaniuk, A. Haratym, in cooperation with A. Macuk, J. Aniszczyńska, *Introduction*, [in:] *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*, vol. 2: *województwo trockie XIV–XVIII wiek*, ed. A. Rachuba, Warszawa 2009, p. 20.

³ A.B. Zakrzewski, *Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w.[ieku]. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki*, Warszawa 2000, pp. 114–115, 124, the author indicates the broad meaning of the term *laudum*, which was not only a resolution describing the internal organization of a district but also a *kredens* or a regional council instruction. The regional councils of nobility issued also certificates of noble origin, known as *testimonium*.

⁴ *List wierztyelny dla Piotra Zborowskiego i Jana Tomickiego dany razem z poselstwem od senatorów litewskich do senatorów koronnych, Mścibohów*, 6 XII 1572 r.[oku], [in:] H. Lulewicz, *Akta zjazdów stanów W[wielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 1: *okresy bezkrólewia*, Warszawa 2006, pp. 44–45; see also: *List wierztyelny dany dla Eustachego Wołłowicza i Pawła Pacy, posłów stanów litewskich wysłanych na konwokację warszawską*, Wilno, 5 I 1573 r.[oku], [in:] idem, *Akta zjazdów stanów W[wielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 1, pp. 64–65; *Szczegółowa instrukcja dla poselstwa litewskiego wysłanego do obu elektów polskich*, Wilno, 16 XI 1587 r.[oku], [in:] idem, *Akta zjazdów stanów W[wielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 1, pp. 284–286; *Uchwała (instrukcja) zjazdu głównego przedsejmowego*, Słonim, 24 II 1589 r.[oku], [in:] idem, *Akta zjazdów stanów W[wielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 2: *okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII wiek*, Warszawa 2009, pp. 86–89.

te the fact Ruthenian (Old Belarusian) language was the official language of the acts of law of the Grand Duchy of Lithuania until 1697, the deeds of the regional council of nobility were issued in the Polish language already in the second half of the 16th century⁵.

The *kredenses* validated the elections performed during the *sejmiks* and certified the election results⁶. They were given to the deputies delegated to parliament (*sejm*), as well as to the deputies for the Tribunal of the Grand Duchy of Lithuania (*Trybunał Wielkiego Księstwa Litewskiego*), Treasure Tribunal (*Trybunał Skarbowy*) and to the elected officers. *Kredens* became effective on the date of signing by the marshal of the *sejmik* and it probably did not require entering into the municipal or land books (*księgi grodzkie i ziemskie*)⁷. The deputies would receive it together with the instructions thereto, however, there were cases of issuing certified letters in the place of the said instruction⁸. However, in principle, they were validated by the instructions, which presented the names of the deputies in the header of the document⁹. With the time, the instructions seemed to start replacing the *kredenses* although they still existed until the second half of the 18th century¹⁰.

The instructions, as documents of the regional councils of nobility, which instructed the deputies delegated the parliament were already known in Lithuania in the second half of the 16th century¹¹. They concerned the issues of taxation, dome-

⁵ A. Rachuba, op. cit., p. 132.

⁶ Ibidem, p. 131.

⁷ D. Konieczna, *Ustrój i funkcjonowanie sejmiku Brześćlitewskiego w latach 1565–1763*, Warszawa 2013, pp. 78, 99.

⁸ H. Wisner, *Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III i Władysława IV. Konwokacja wileńska oraz sejmiki przedsejmowe i relacyjne*, „Miscellanea Historica-Archivistica”, vol. 3, Warszawa – Łódź 1989, p. 62, the author gives an example of the nobility of Minsk, which introduced this in 1630, probably due to a small number of the nobility representatives during the *sejmik*; see also: J. Serebryński, *Rzeczpospolita w ostatnich latach panowania Zygmunta III (1629–1632): zarys wewnętrznych dziejów politycznych*, Opole 1978, p. 89, justifies that it was caused by a hurry; A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 117.

⁹ Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *The instruction of Grodno Sejmik, Grodno, 25th June 1648*, p. 164v; see also: Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *The instruction of the Upita sejmik, Poniewież, June 1648*, p. 169v.

¹⁰ A. Rachuba, op. cit., p. 131.

¹¹ *Instrukcja dana posłom województwa wileńskiego na sejm koronacyjny Henryka Walezego, Wilno, 11 X 1573 r.[oku]*, [in:] H. Lulewicz, *Akta zjazdów stanów W[ielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 1, p. 75; *Statut Wielkiego Księstwa Litewskiego, Naprzód, za Naiśniejszego Hospodara Krola Jegomosci Zygmunta III w Krakowie w Roku 1588. Drugi raz w Wilnie, w Roku 1619. z pokazaniem zgody y różnice Statutów Koronnych y W.X.L.. Trzeci raz, za Naiśniejszego K.J.M. Władysława IV. w Warszawie, w Roku 1648, z przydaniem Konstytucji od Roku 1550. do 1647. Czwarty raz, za Naiśniejszego Krola Jegomosci Jana Trzeciego w Wilnie w Roku 1698. Z przyłożeniem pod Artykuły Konstytucji Seymowych od Seymu Roku 1550. aż do Seymu Roku 1690. Oboymu Narodom służących, (Textu samego niwczym nie naruszając) Teraz zaś piąty raz, za szczęśliwie panującego Naiśniejszego Krola Jegomosci Augusta Trzeciego przedrukowany*, Wilno 1744, p. 67; see also: A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, pp. 116–117.

stic and foreign policy, including defence policy, as well as other issues of the given district¹². They included requests, postulates and demands. The instructions were also given to parliament deputies for the sessions of parliament where royal elections were conducted (*sejmy elekcyjne*) and where the rules of the sessions were established (*sejmy konwokacyjne*). As the competence of the regional council of nobility was growing, the instructions were also given to the deputies delegated to the monarch, primate or military commanders¹³.

They were written most probably in the place of the session (in a castle and, more rarely, in a church), and the Third Lithuanian Statute ordered to seal the instruction by the participants on the *sejmik*, however, some of them were also prepared after the *sejmik* was finished. The instructions, on the basis of the agenda issues resolved by the noblemen, were listed by the marshal of *sejmik* or another assigned person or persons (who were most often officers, usually it was the recording clerk – *pisarz*), and sometimes they were the deputies themselves¹⁴. Cases are known when order breakers¹⁵ imposed signing of the instructions they had prepared by themselves. The procedure of resolutions was not regulated in the Grand Duchy of Lithuania until the year 1768 where the rule was introduced that decisions were taken by the majority of votes¹⁶. Because these deeds, as opposed to the *lauda*, were addressed only to the deputies, it was possible to get them through, even though they had lacked the minimum support from the gathered noblemen¹⁷. Quorum would not

¹² W. Czapliński, *Historia sejmku polskiego*, vol. 1: *Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej*, ed. J. Michalski, Warszawa 1984, p. 229.

¹³ H. Wisner, *Naprawa państwa w uchwałach sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w pierwszej połowie XVII w. [ieku]*, [in:] *Studia polsko-litewsko-białoruskie*, ed. J. Tomaszewski, E. Smułkowa, H. Majecki, Warszawa 1988, pp. 36–37; see also: D. Konieczna, op. cit., p. 76–77; A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 118.

¹⁴ A. Radaman, *Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowogródzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632*, [in:] *Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku. Materiały XVIII konferencji Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych P[olskiej] A[kaademii] N[auk] w dniach 22–23 września 2009 roku*, ed. U. Augustyniak, A. Zakrzewski, Warszawa 2010, p. 62; see also: D. Konieczna, op. cit., p. 73, the deputies in Brest district were not appointed for writing instructions; A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, pp. 60, 121–122; W. Czapliński, op. cit., p. 231; I. Lewandowska-Malec, *Sejm walny koronny Rzeczypospolitej Obojga Narodów i jego dorobek ustawodawczy (1587–1632)*, Kraków 2009, p. 145; Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *The instruction of Lida district, Lida 25 [June] 1648*, p. 151; Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, archive unit II, manuscript, signature 165, *Artykuły postanowione i namówione na zjeździe teraznieyszem w Wilkiei roku 1587, January 24 dnia, które mają być na instrucy napisane*, pp. 1–3.

¹⁵ D. Konieczna, op. cit., p. 74; see also: A. Rachuba, op. cit., pp. 131–132; the mechanisms of influencing the regional council resolutions in the Sas times were described by Zofia Zielińska, *Mechanizm sejmikowy i klientela radziwiłłowska za Sasów*, „Przegląd Historyczny”, vol. 62, part 3, Warszawa 1971, pp. 397–416.

¹⁶ A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 121, this rule was adopted for the regional councils electing the officers (electoral councils – *sejmiki elekcyjne*) and regional councils electing the deputies for the Tribunal of the Grand Duchy of Lithuania (deputation councils – *sejmiki deputackie*) already in 1764.

¹⁷ Ibidem, p. 115.

be applicable in those circumstances, and the absent ones were to obey the resolutions passed, although some participants believed they should not be passed at low attendance¹⁸.

The instructions would include even a few dozen items¹⁹. A distinctive item in the contents would be the deputies' obligation to thank the king for caring for the good of the state, and in the periods of interregnum, to thank the persons taking responsibility for the organization of the state at that time²⁰. The thanksgiving was followed by the proper text of instruction which consisted mainly of the items which were a reply to the royal instruction (*legacja*) sent to the *sejmik* and it would also include some individual postulates. Such *legacja* would determine the major issues to be discussed at the next parliament session²¹. Also some individual requests, called *petita*²², were incorporated into instructions already at the end of the 16th century. Such *petita*, however, happened to be omitted in parliament, which was the subject of the noblemen's complaints²³. In the second half of the 17th century, both in Poland (*Korona*) and the Grand Duchy of Lithuania, the deputies' oaths were introduced into the sessions of *sejmiks*. Their credos assured about the completion of the instruction items, or, at least, about not being led by one's own private interest. It was only after such oath that the sworn deputies could receive a certified letter, however, it is difficult to determine the frequency of this practice (swearing an

¹⁸ H. Wisner, *Rzeczpospolita Wazów. Czasy Zygmunta III i Władysława IV*, Warszawa 2002, p. 133.

¹⁹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, archive unit II, manuscript, signature 1088, *The items of the Wołkowysk instruction, 1632 rok*, p. 1, this document contains nine items; see also: Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, archive unit II, manuscript, signature 1089, *The items of the Novgorod instruction, 1632*, pp. 1–7, this document contains 52 items.

²⁰ A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 122; see also: Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, archive unit, manuscript, signature 1050, *Instructia s powiatu wilkomirskiego dana Ich M[oj]ściom panom posłom na Convocatią Generalną Warszawską która ellectiā da Bog prziszłego pana uprzedza w roku 1632 dnia 22 juny przypadaiącą*, p. 1; Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *The instruction of the regional council of Grodno, Grodno, 25th June 1648*, p. 164v, thanks were given especially to the Archbishop of Gniezno for summoning the convocation.

²¹ H. Wisner, *Rzeczpospolita...*, pp. 140, 148; see also: S. Ochmann, *Sejmy z lat 1615–1616*, Wrocław 1970, p. 149; J. Rzońca, *Sejmy z lat 1597 i 1598*, part 1: *Bezowocny sejm z 1597 roku*, Warszawa – Wrocław 1989, p. 28.

²² Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, archive unit II, manuscript, signature 165, *Artykuły postanowione i namówione na zjeździe terazniejszem w Wilkiei roku 1587, January 24 dnia, które maią być w instructy napisane*, p. 2; see also: A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, pp. 116–117, 122; Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *The instruction of Lida district...*, p. 155v; Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *The instruction of the regional council of Grodno...*, pp. 168v–169; J. Seredyka, *Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy*, „Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka”, Wrocław 1993, year 48, No. 2–3, p. 192, the author indicates some examples of instructions not containing any petitions regarding individual matters.

²³ D. Konieczna, op. cit., p. 85.

instruction)²⁴. Still, it is known that the deputies' oaths were forbidden in 1764 subject to the resolution (*konstytucja*) of parliament²⁵. The instructions themselves would include the provisions about the deputies' duty to observe and never to violate them. Some provisions banning any discussion on any other issues until the conditions of the said instruction were satisfied, were used therein. However, they were rarely treated as recommendations thus letting deputies act at their own discretion²⁶. Some cases took place when some liberties were granted to deputies in the matters not concerned in the instruction²⁷. At that time the following was recommended: to consult the deputies from other districts of their province or originating from other provinces or communicating Lithuanian senators, referring by example to the regional council of Vilnius, or acting according to one's own conscience and public benefit, sometimes in cooperation with the Polish nobility²⁸. In this way, certain bans and prohibitions specified in an instruction could coexist with other provisions allowing their readers for unrestricted action. Therefore, the binding power of the instruction (a full one – *plena potestas* or a limited one – *limitata potestas*) was to be referred solely to its certain provisions²⁹. Since the second half of the 17th century, binding the deputies with the provisions of the instruction had started to dominate both in Poland and the Grand Duchy of Lithuania³⁰. However, even in the case of the parliament's passing a resolution contrary to the instruction, it still continued to binding for the *sejmik*³¹. The cases when the deputies trespassed their powers conferred to them by the *sejmik* were frequent at that time³². It was petitioned, therefore, that the deputies coming to parliament should produce the instructions they had received³³. Although the deputies' failure to observe the provisions of the instruction would have not resulted in their legal liability, this would have arisen the criticism of the district noblemen and could reduce the chances of the former ones for future election as they later reported about the parliament session they had taken part in and about their actions on a specially summoned report

²⁴ Ibidem, p. 86.

²⁵ *Konstytucja o porządku sejmowania*, [in:] *Volumina Legum*, vol. 7, Petersburg 1860, p. 18; see also: R. Łaszewski, *Instrukcje poselskie w drugiej połowie XVIII wieku*, „Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Prawo”, part 56, Toruń 1973, p. 71.

²⁶ J. Serebryńska, *Instrukcje...*, pp. 195–196.

²⁷ H. Wisner, *Rzeczpospolita...*, pp. 156–157; see also: A. Strzelecki, *Sejm z r[oku] 1605*, Kraków 1921, p. 66.

²⁸ H. Wisner, *Sejmiki...*, pp. 63–64; see also: S. Ochmann, op. cit., p. 148; A. Strzelecki, op. cit., pp. 66.

²⁹ A. Rachuba, op. cit., pp. 135–136.

³⁰ H. Olszewski, *Sejm w dawnej Rzeczypospolitej. Ustrój i idee*, vol. 1: *Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii (1652–1763). Prawo – praktyka – teoria – programy*, Poznań 2002, pp. 125–126; see also: A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 124.

³¹ H. Olszewski, *Sejm w dawnej...*, p. 130; see also: S. Kutrzeba, *Sejm walny dawnej Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa [1921], pp. 114–115.

³² R. Łaszewski, op. cit., p. 72; see also: H. Olszewski, *Sejm w dawnej...*, p. 132; A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 118; J. Serebryńska, *Sejm zawiedzionych nadziei*, Opole 1981, pp. 79–80.

³³ The examples thereof are given by H. Wisner, *Sejmiki...*, p. 62; and D. Konieczna, op. cit., p. 86.

council (*sejmik relacyjny*). In spite of this, the lack of sanctions made the deputies quite independent, although, until the times of *liberum veto* (the institution which made it possible to break the session of parliament even by one deputy) the possibilities of effective execution of the items listed in the instruction was little and it would not affect the agenda of the parliament session³⁴. The representatives of the *sejmik* of Vilnius had a slightly higher effectiveness in the execution of the said items, where the regional council of Vilnius was regarded as “the highest province” meeting³⁵.

The instructions were confirmed by the seals and signatures of the deputies gathered on the *sejmik*. The irrelevant number thereof could be explained by the fact that not all the attendants could write, whereas the Third Lithuanian Statute would only mentioned the condition of sealing³⁶. The fact that not every nobleman participating the *sejmik* would affix their signature thereunder can also be explained by the fact that those signatures were regarded only as an extra support for an already approved deed, especially that some noblemen happened to affix their signatures subject to their support for certain provisions thereof only³⁷. In order to make such an instruction effective the signature of the marshall of *sejmik* was required. Some cases are known where signatures were affixed only by the marshall and the instructions editors³⁸.

Another element necessary to make such an instruction legally valid (apart from the marshall’s signature) was its publishing (called *aktykowanie*) in the municipal or in the land book, which was constantly practiced in the Grand Duchy of Lithuania as early as in 16th century³⁹. In this way any resolved deed could be read and the extract thereof (called *ekstrakt*) became available, and any attempts to discredit it were prevented⁴⁰.

Another form of expressing the will of the nobility gathered on the *sejmik* were *lauda*. They determined the internal organization of a district, especially by the consent for taxes which had not been approved in course of the parliament session, they involved the establishment of contributions, impositions and district taxes as well as disposing of the so obtained resources, governing the military issues and public order issues. They included information about personal decisions at the di-

³⁴ A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 127; see also: H. Wisner, *Sejmiki...*, pp. 64–65; idem, *Naprawa...*, p. 47; J. Dziegielewski, *Izba poselska w systemie władzy Rzeczypospolitej w czasach Władysława IV*, Warszawa 1992, pp. 20–21, 25.

³⁵ H. Wisner, *Rzeczpospolita...*, p. 138.

³⁶ D. Konieczna, op. cit., p. 75; see also: A. Rachuba, op. cit., pp. 134–135.

³⁷ A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, pp. 120, 126.

³⁸ D. Konieczna, op. cit., pp. 76, 78.

³⁹ I. Lewandowska-Malec, op. cit., p. 149.

⁴⁰ W. Kriegerseisen, *Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku*, Warszawa 1991, p. 62; see also: A. Rachuba, op. cit., p. 135; D. Konieczna, op. cit., pp. 76–77, the author however notes that the instructions other than these ones conferred to the deputies to the parliament were not always signed by the marshall of *sejmik* and published in the municipal or in the land books.

secretion of the *sejmik* which involved the election of deputies to the Tribunal of the Grand Duchy of Lithuania, treasury judges and other important district officers⁴¹. However, in the periods of interregnum the extraordinary courts (called *sądy kapturowe*), which replaced the regular courts expiring at that time, were appointed by the *lauda*⁴². Resolving *laudum* as a deed binding for all the district nobility, as opposed to an instruction, required at least the acceptance thereof as it was not always possible to reach an unanimous agreement⁴³. It would enforce any decisions taken on the *sejmik*, though the deed still needed to be signed by the marshall, and then published in the land or the municipal books⁴⁴.

The lack of regulations determining the authority and powers of *sejmiks* and the increasing activeness of the noblemen caused that the scope and the number of the deeds issued thereby increased significantly in the 17th century⁴⁵. In spite of this, their effectiveness (especially of instructions) was relatively low⁴⁶. They were weakened additionally by the noblemen's reporting private issues to the instructions conferred to the deputies, which, both at the stage of their resolving and presentation at the session of parliament, must have diminished the resonance of the key issues⁴⁷. What is more, the magnates would influence their contents, especially by their lively correspondence just before the *sejmiks* to be held, and sometimes by sending their own directions thereto, or even some items to the instruction⁴⁸. Such action, combined with some actions of his trusted servants, preceded the magnate's personal appearance on the *sejmik*. The most powerful magnates (the Radziwiłł, Sapieha, Pac families) were trying to influence the *sejmiks* (especially before the parliamentary sessions) all over the country⁴⁹. The decisions taken by *sejmik* could also be influenced by the royal instructions, in which the monarch, while presenting the condition of the state and the possible hazards, was trying to persuade the nobility to support

⁴¹ A. Radaman, op. cit., p. 69; see also: A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, pp. 115, 192; idem, *Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w./wieku)*. Prawo – ustroj – społeczeństwo, Warszawa 2013, p. 98.

⁴² Archiwum Narodowe w Krakowie, Zbiór Rusieckich, manuscript, signature 155, *Kaptur of the province of Brest, Lithuanian Brest, 29th December 1586*, p. 211; see also: Biblioteka Narodowa w Warszawie, Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, manuscript, signature 931, *Laudum of the regional council of Lida, Lida, 25th June 1648*, p. 159; see more: Z. Antanowicz, *Garadzienski kapturowy sud u XVII–XVIII stst.*, [in:] *Garadzienski palimpsest 2010*, Minsk 2011, pp. 57–83; A. A. Radaman, *Połacki ziemski sud u drugoj palowie XVI – pierszaj terci XVII stst.*, *Gistoryja i archiealogija Połacka i Połackau ziemli*, Połock 2002, p. 222, 223; H. Lulewicz, *Funkcjonowanie sądownictwa szlacheckiego w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie pierwszych bezkrólewí (1572–1576)*, [in:] *Z dziejów kultury prawnej: studia ofiarowane Profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin*, Warszawa 2004, pp. 361–367

⁴³ A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, pp. 75, 115.

⁴⁴ D. Konieczna, op. cit., pp. 77–78.

⁴⁵ A. Rachuba, op. cit., p. 137.

⁴⁶ H. Wisner, *Naprawa...*, p. 47.

⁴⁷ S. Ochmann, op. cit., p. 47.

⁴⁸ J. Seredyka, *Sejm z 1618 roku*, Opole 1988, p. 52; see also: A.B. Zakrzewski, *Sejmiki...*, p. 95.

⁴⁹ W. Czapliński, op. cit., p. 233; see also: H. Olszewski, *Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii 1652–1763. Prawo – praktyka – teoria – programy*, Poznań 1966, pp. 74–75.

the proposed agenda of the parliament session and to take particular decisions⁵⁰. For this purpose the king used to send unofficial letters to influential nobility⁵¹. The clergy, private persons and even the sovereigns of other states would address the *sejmiiks* in their letters⁵².

Bibliography

I. Manuscript sources:

Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie

- Archiwum Radziwiłłów, archive unit II, signature: 165, 1050, 1088, 1089.

Archiwum Narodowe w Krakowie

- Zbiór Rusieckich, signature 155.

Biblioteka Narodowa w Warszawie

- Biblioteka Ordynacji Zamojskiej, signature 931.

II. Printed sources:

Lulewicz H., *Akta zjazdów stanów W[wielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 1: *Okresy bezkrólewia*, Warszawa 2006.

Lulewicz H., *Akta zjazdów stanów W[wielkiego] K[sięstwa] L[itewskiego]*, vol. 2: *Okresy panowań królów elekcyjnych XVI–XVII wiek*, Warszawa 2009.

Statut Wielkiego Xięstwa Litewskiego, Naprzód, za Naiśniejszego Hospodara Krola Jegomosci Zygmunta III w Krakowie w Roku 1588. Drugi raz w Wilnie, w Roku 1619. z pokazaniem zgody y różnice Statutow Koronnych y W.X.L.. Trzeci raz, za Naiśniejszego K.J.M. Władysława IV. w Warszawie, w Roku 1648, z przydaniem Konstytucyi od Roku 1550. do 1647. Czwarty raz, za Naiśniejszego Krola Jego Mosci Jana Trzeciego w Wilnie w Roku 1698. Z przyłożeniem pod Artykuły Konstytucyi Seymowych od Seymu Roku 1550. aż do Seymu Roku 1690. Obozy Narodom służących, (Textu samego niwczym nie naruszając) Teraz zaś piąty raz, za szczęśliwie panującego Naiśniejszego Krola Jego Mosci Augusta Trzeciego przedrukowany, Wilno 1744.

Šapoka A., *Lietuva ir Lenkija po 1569 metų Liublino unijos*, Kaunas 1938.

Volumina Legum, vol. 7, Petersburg 1860.

III. References:

Antanowicz Z., *Garadzienski kapturowy sud u XVII–XVIII stst.*, [in:] *Garadzienski palimpsest 2010*, Minsk 2011.

Czapliński W., *Historia sejmu polskiego*, vol. 1: *Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej*, ed. Michalski J., Warszawa 1984.

Downar-Zapolski M. W., *Istoriya Bielorusсии*, Mińsk 2005.

Dzięgielewski J., *Izba poselska w systemie władzy Rzeczypospolitej w czasach Władysława IV*, Warszawa 1992.

⁵⁰ I. Lewandowska-Malec, op. cit., pp. 131, 140–141, also the person delegated to the sejmik with the royal instruction (*legat*) was to dispose the others to support the royal opinion.

⁵¹ 1591 m.[etai] balandžio 7 d.[iena] Zigmanto Vazos laiškas vysk.[upo] M.[elchiora] Giedraičiui, [in:] A. Šapoka, *Lietuva ir Lenkija po 1569 metų Liublino unijos*, Kaunas 1938, p. 330.

⁵² I. Lewandowska-Malec, op. cit., pp. 134–135.

- Konieczna D., *Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzeskolitewskiego w latach 1565–1763*, Warszawa 2013.
- Kriegseisen W., *Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku*, Warszawa 1991.
- Kutrzeba S., *Sejm walny dawnej Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa [1921].
- Lewandowska-Malec I., *Sejm walny koronny Rzeczypospolitej Obojga Narodów i jego dorobek ustawodawczy (1587–1632)*, Kraków 2009.
- Lulewicz H., *Funkcjonowanie sądownictwa szlacheckiego w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie pierwszych bezkrólewí (1572–1576)*, [in:] *Z dziejów kultury prawnej: studia ofiarowane Profesorowi Juliuszowi Bardachowi w dziewięćdziesięciolecie urodzin*, Warszawa 2004.
- Lulewicz H., Rachuba A., Romaniuk P. P., Haratym A., in cooperation with Macuk A., Aniszczyńska J., [in:] *Urzednicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*, vol. 2: *Województwo trockie XIV–XVIII wiek*, ed. A. Rachuba, Warszawa 2009.
- Łaszewski R., *Instrukcje poselskie w drugiej połowie XVIII wieku*, „Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Prawo”, part 56, Toruń 1973.
- Ochmann S., *Sejmy z lat 1615–1616*, Wrocław 1970.
- Olszewski H., *Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii 1652–1763. Prawo–praktyka–teoria–programy*, Poznań 1966.
- Olszewski H., *Sejm w dawnej Rzeczypospolitej. Ustrój i idee*, vol. 1: *Sejm Rzeczypospolitej epoki oligarchii (1652–1763). Prawo–praktyka–teoria–programy*, Poznań 2002.
- Rachuba A., *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*, Warszawa 2002.
- Radaman A., *Połacki ziemski sąd u drugiej połowie XVI – pierwszej trzeciej XVII stst.*, [in:] *Gistorija i archiealogija Połacka i Połackau ziemli*, Połock 2002.
- Radaman A., *Samorząd sejmikowy w powiatach województwa nowogródzkiego Wielkiego Księstwa Litewskiego w latach 1565–1632*, [in:] *Praktyka życia publicznego w Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVI–XVIII wieku. Materiały XVIII konferencji Komisji Lituanistycznej przy Komitecie Nauk Historycznych P[olskiej] A[kademii] N[auk] w dniach 22–23 września 2009 roku*, ed. U. Augustyniak, A. Zakrzewski, Warszawa 2010.
- Rzońca J., *Sejmy z lat 1597 i 1598*, part 1: *Bezowocny sejm z 1597 roku*, Warszawa – Wrocław 1989.
- Seredyka J., *Rzeczpospolita w ostatnich latach panowania Zygmunta III (1629–1632): zarys wewnętrznych dziejów politycznych*, Opole 1978.
- Seredyka J., *Sejm zawiedzionych nadziei*, Opole 1981.
- Seredyka J., *Sejm z 1618 roku*, Opole 1988.
- Seredyka J., *Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmy panowania Zygmunta III Wazy*, „Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka”, Wrocław 1993, year 48, No. 2–3.
- Strzelecki A., *Sejm z r[oku] 1605*, Kraków 1921.
- Wisner H., *Naprawa państwa w uchwałach sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w pierwszej połowie XVII w.[ieku]*, [in:] *Studia polsko-litewsko-białoruskie*, ed. J. Tomaszewski, E. Smułkowska, H. Majecki, Warszawa 1988.
- Wisner H., *Sejmiki litewskie w czasach Zygmunta III i Władysława IV. Konwokacja wileńska oraz sejmiki przedsejmowe i relacyjne*, „Miscellanea Historica-Archivistica”, vol. 3, Warszawa – Łódź 1989.
- Wisner H., *Rzeczpospolita Wazów. Czasy Zygmunta III i Władysława IV*, Warszawa 2002.
- Zakrzewski A.B., *Sejmiki Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVIII w. Ustrój i funkcjonowanie: sejmik trocki*, Warszawa 2000.
- Zakrzewski A.B., *Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.). Prawo – ustrój – społeczeństwo*, Warszawa 2013.
- Zielińska Z., *Mechanizm sejmikowy i klientela radziwiłłowska za Sasów*, „Przegląd Historyczny” 1971, vol. 62, part 3.

Summary

Key words: Grand Duchy of Lithuania, regional councils of nobility, the resolutions of the regional councils of nobility, instructions, certified letters.

The effects of the proceedings of the regional councils (*sejmiki*) of nobility established in the Grand Duchy of Lithuania in 1565 had different forms which included: lauda (the resolutions of the regional councils) determining the internal organization of a district, the instructions which constituted the directions given to the deputies to the parliament, and, as the competence of the regional council of nobility was growing, the instructions were also given to the parliament deputies delegated to particular persons (to the monarch, primate or military commanders), and also the certified letters confirming an election (called *kredensy*), handed both to the deputies to the parliament and to Tribunal of the Grand Duchy of Lithuania, Treasury Tribunal and to the persons appointed for offices. The resolutions of the *sejmiks* had started to be written in Polish since the end of the 16th century. They were not free from various external effects imposed by the royal instruction and the letters of the monarch, magnates, clergy or even the sovereigns of other states.

Adam Ćwikła

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

Status of peasants in Poland of 19th century

Peasants' issue at the end of 19th century

Issue of Polish peasants in 19th century cannot be discussed without elaborating on their status at the end of 18th century. Until the Constitution of May 3, 1791 was adopted, the issue of peasants had been addressed by many writers of the century. They placed the postulate to grant personal freedom to the peasants, through total elimination or at least limitation of serfdom. Just before the first partition, Gabriel Mably and Jan Jakub Rousseau claimed that the emancipation of serfdom is of utmost importance. The process was not supposed to be sudden, because the political situation enabled only a gradual emancipation of peasants and granting them rights. Józef Wybicki took similar stance and in his *Polish letters* (1777) proposed to revive the law of Jan Olbracht, which limited the freedom of peasants, but would have definitely served as a relief to them, because to a small extent it allowed part of peasantry's offspring to freely decide about themselves¹.

Most of the initiatives aiming at the change of peasants' situation were taken by private owners. Duchess Jabłonowska for example, on issuing her decision about the estate in Siemiatycze, podlaskie province, determined new legal and social status of peasants². She made a new division of land, limited the admission of voids into farms' activities and reduced the annexation of non-occupied farms. She moreover allowed the peasant to leave the farm, provided he presented a worthy successor³.

In 1776, Sejm summoned Andrzej Zamoyski, a former chancellor, to prepare and present „*codicem civilem*” within two years. Zamoyski succeeded to do so with the help of bishop of Płock, Krzysztof Szembek, vice-chancellor of Lithuania Joachim Chreptowicz⁴ and treasury chancellor Feliks Łojko. The text was edited by

¹ J. Rutkowski, *Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku*, Warszawa 1922, p. 19.

² I.L. Goremykin, *Zarys historii włościan w Polsce*, [Sant] Petersburg 1898, pp. 164–171; see also: J. Rutkowski, *Sprawa włościańska...*, p. 27.

³ D. Szpopier, *Kwestia chłopska w Cesarstwie Rosyjskim oraz w Królestwie Polskim w dobie panowania Aleksandra I*, [in:] L. Mażewski (ed.), *System polityczny, prawo, konstytucja i ustrój Królestwa Polskiego 1815–1830, W przededniu dwusetnej rocznicy powstania unii rosyjsko-polskiej*, Radzymin 2013, p. 32.

⁴ K. Tracki, *Ostatni kanclerz litewski, Joachim Litawor Chreptowicz w okresie sejmu czteroletniego 1788–1792*, Wilno 2007, pp. 42–43.

Józef Wybicki. In 1778, the draft of the code was printed; it was divided according to the roman institutions into 3 parts. First part encompassed 33 articles on states law, king, institutions, second part was devoted to private law and the third one to courts' organisation, trial and the law of promissory note⁵. The nobility perceived the attempts to improve the status of peasants as the limitation of their own freedom and rights, it was even seen as treason. This is the reason why two or three opinions voiced in *sejm* in 18th c. that were in favour of the changes in the status of peasants resulted in heavy criticism. Chancellor Andrzej Zamoyski failed during *sejm* session of 1780 on presenting the draft of changes in peasantry relations. The nobility treated it as an action detrimental to the state⁶.

Under the provisions of constitution of 1784 it was decided that in case a peasant was murdered by a nobleman the matter would have to be initiated by the courts from office under this Act. Polish peasants experienced significant changes not directly thanks to Polish *sejm*, but thanks to the Russian government. Until the very last years of independent existence of Polish state, practically nothing had been done on the improvement of peasant existence⁷.

Status of peasants in the legislation of the Constitution of May 3 and the Kosciuszko Uprising

At the end of the 18th c., when both the Age of Enlightenment and Polish-Lithuanian Commonwealth were coming to an end, there was an attempt to change the political system. In the last years of Commonwealth, the Constitution of May 3 had been created. The principal act was passed in 1791 and consisted of eleven

⁵ S. Kutrzeba, *Historia źródeł dawnego prawa polskiego*, vol. I, Kraków 1925, p. 228; see also: P. Dąbkowski, *Prawo prywatne polskie*, vol. I, Lwów 1910, p. 540.

⁶ I.L. Goremykin, op. cit., p. 166, see also: J. Bardach, *Sejm dawnej Rzeczypospolitej*, [in:] J. Bardach, S. Grodziski, A. Gwiżdż, A. Jankiewicz, K. Działocha, R. Kraczkowski, J. Wawrzyniak, *Dzieje Sejmu polskiego*, Warszawa 1997, p. 79; see also: P. Bobek, *Przegląd dziejów chłopstwa polskiego*, Kraków 1934, p. 84; which states that in 1776 former Chancellor Andrzej Zamoyski was responsible for the development of a set of generally applicable laws, who with extraordinary diligence improved the status of the serf, in a draft form. The peasants were divided into bondsman and freeman. The former were more numerous and Zamoyski paid more attention to them. Killing a peasant or a deliberate lethal injury was subject to the death penalty and the payment of 1,000 zloty to the victim's family, and the family was supposed to get freedom. In contrast, free peasants had the right to sue the lord for not keeping the agreement or apply to municipal court. Moreover, he had the right to take land on lease and take it in pledge. This project he insured free, and is subject to allow the courts. At the same time he hated the advantage of lord's judiciary over bondsman. The owner was still able to freely punish the serf with the exception of the death penalty. Fathers and children accounted for runaways and the restrictions on freedom of marriage of peasants' daughters remained. The draft of Andrzej Zamoyski project was discussed by Sejm only in 1780, where he caused such a storm among the nobility that was not accepted and was then on always repealed, not to be discussed on any Sejm ever again.

⁷ I.L. Goremykin, op. cit., pp. 173–174.

articles. Lawmakers drew up the rules of the political system based on the doctrine of Jean-Jacques Rousseau and Montesquieu⁸. The great advantage of the constitution was that the content remained concrete⁹. The issue of peasants was formulated in Article IV of the Constitution, which announced that peasants would be taken care of by "laws and the government". Adoption of this provision was designed to be in nobility's interest, therefore should be accepted by them. The state from then on was supposed to intervene in the relations between peasantry and the court, but only in the scope of future agreements entered into voluntarily. Broader development of Constitution objectives can be found in the Act on the sale of crown lands of April 1792, which guaranteed a perpetual ownership of land, as well as the opportunity to leave these lands after the termination of ties connecting them to a landowner. Personal freedom was also granted to landless and not bind by any other contracts. State power had interfered in terms of the agreements, with the sales of the crown lands, in determining the duty and obligations of the peasant, while encouraging a shift to money rent. In the last years of the Republic, it can be concluded that the reforms had begun to seek to develop the commodity and monetary economy, with some reservations in the relationships on the line village – court, which derived from English relations. On the basis of the St. Petersburg Convention of 15 (26) January 1797, the process of division of Polish-Lithuanian Commonwealth was completed, and its existing residents became subjects of the three powers of Russia, Prussia and Austria¹⁰. If to take into account the draft placed at *sejm* in 1780 by Chancellor Andrzej Zamoyski, which was worth more than the whole article devoted to peasants in the Constitution of May 3, certainly the issue of peasantry would look much more favourable¹¹.

1793, after the second partition of Poland, is not the only the time of a political disaster, but most of all the time of economic crisis. Communal economy was in a state of almost total decomposition, with the collapse of manufacturing and banking meltdown leading to increased public discontent. The rural population had been burdened by benefits for the Tsarist army, which later lead to protests of the oppressed peasantry¹².

The internal situation clearly made it apparent for the activists preparing armed action, that without basing the social system on democratic principles, fight for independence against the occupant armies would not be possible. Tadeusz Kosciusz-

⁸ D. Szpoper, *Kwestia chłopska w myśli politycznej środowiska zachowawczego Królestwa Polskiego w XIX wieku*, „Gdańskie Studia Prawnicze. 35-lecie Wydziału Prawa i Administracji Uniwersytetu Gdańskiego”, A. Szmyt (ed.), vol. XIV, Gdańsk 2005, pp. 45–46.

⁹ J. Bardach, *Sejm dawnej Rzeczypospolitej...*, p. 86.

¹⁰ D. Szpoper, *Kwestia chłopska w myśli politycznej...*, pp. 45–46; see also: W. Grabski, *Historia Towarzystwa Rolniczego 1858–1861 r.*, vol. I: *Historia rozwoju rolnictwa i sprawy włościańskiej w pierwszej połowie XIX wieku*, Warszawa 1904, p. 6.

¹¹ S. Uruski, *Sprawa włościańska*, vol. I, Warszawa 1858, p. 5.

¹² J.A. Gierowski, *Historia Polski 1764–1864*, Warszawa 1982, p. 90.

ko as Head of State, during the preparation for the Insurrection, paid special attention to arming the peasants, who became backbone of the military. Peasants confirmed that during the Battle of Raclawice, they played a major role, and *kosynierzy* were the symbol of courage. Head of State was aware of the need for social reforms, including taking a position on the peasantry. The authorities, however, were postponing the adoption of the act, due to the fear of losing hands to work¹³. This situation prompted Tadeusz Kościuszko, who was in camp under Połaniec to issue on 7 May 1794 year the Proclamation of Połaniec *Manifesto governing the land duties of peasants and offering them effective protection of the government, security of property and justice in order committees*. This act introduced the reform of rural relations. Provisions undertaken on the basis of its main principles abolished feudal serfdom system on Polish soil¹⁴.

Since that time, peasants gained personal freedom, which extended to the freedom to move from one place to another. In addition, peasants could not be dismissed from the lands that they cultivated, with one exception – until they complied with their obligations. At the same time lord's wilfulness in the displacement of peasants and in the appropriation of land by the courts was restrained. Peasants were under protection from the national government¹⁵. Act also regulated their duties by lowering serfdom. The biggest positive changes affected small peasant farms¹⁶. The time of work for those who were bound to work from 5 to 6 days was reduced by two days. The peasants who worked from two to five days worked one day from then on. In contrast, peasants who took an active part in the uprising were guaranteed a total exemption from serfdom. An obligation to work on days off serfdom was introduced, but only in exchange for „appropriate payment”. Full reform of feudal burdens, however, was to be executed under the legislative act after the uprising¹⁷. The interim government body – the Supreme National Council, appointed by Tadeusz Kościuszko announced the law on the organisation of supervision and functions of their caretakers. Rural assemblies received the right to nominate candidates for these positions. It can be assumed that for the first time in the Republic, peasants were granted the right to participate in government¹⁸. The Proclamation provided for in its regulations the obligation of the clergy to raise awareness among the peasants about their relationship with their homeland. The effectiveness of this document had been closely associated with the course of the uprising. Attempts of

¹³ W. Szczygielski, *Dzieje społeczne chłopów w okresie od XVI–XVII w.*, [in:] *Z dziejów chłopów polskich (od wczesnego feudalizmu do 1939 roku)*, Warszawa 1968, pp. 121–122.

¹⁴ J. Kowecki, *Uniwersał połaniecki i sprawa jego realizacji*, Warszawa 1957, p. 39.

¹⁵ W. Szczygielski, *op. cit.*, p. 122.

¹⁶ J. Rutkowski, *Uniwersał Połaniecki w świetle europejskich reform rolnych XVII wieku*, Kraków 1946, p. 17; see too: A. Zahorski, *Powstanie Kościuszkowskie 1794*, [in:] S. Kieniewicz, A. Zahorski, W. Zajewski, *Trzy powstania narodowe*, Warszawa 2000, p. 143.

¹⁷ J. Rutkowski, *Sprawa włościańska...*, p. 27.

¹⁸ J.S. Kopczewski, *Tadeusz Kościuszko w historii i tradycji*, Warszawa 1968, p. 370.

uprising leaders to adopt the Proclamation throughout the whole territory failed, because they often met with criticism and concerns of the nobility spun to cede their power over the peasants¹⁹.

The act on expropriation of peasants of October 20, 1794, developed by Hugon Kołłątaj, was yet another attempt to introduce significant changes in the peasant issue. The peasants, who earned in the combat for independence, were privileged to obtain land ownership. It was an example of the law, which emancipated the serfs in full scope. From the earliest times until the Proclamation, there were no fundamental acts concerning the expropriation of peasants. For all the masses Insurrection was a testament to the struggle for social justice, and its author had become an idealised folk hero²⁰.

Third Partition of Poland in 1795, destroyed the attempt to reform the peasant relations at the very beginning. The Government of St. Petersburg withdrew all previously existing resolutions that were issued to improve the life of peasants. Catherine II, gave the sound of hostility to any peasant reforms in her earlier statements, because freedom of Polish peasants could irritate their Russian counterparts. Generals and the court favourites were granted enormous goods in the occupied crown lands and counties. This caused the gifted to almost immediately introduce serfdom not from the house, but following the example of the Russians – from the soul, which increased the days of serfdom²¹.

Provision on the decrease of serfdom to three days a week from *Ukaz* of 16 April 1797 never came into force. During the reign of Paul I there were attempts to improve the condition of the peasants, which nonetheless did not yield the desired effect. A key aspect that contributed to the deterioration of the peasants' state was the fact that a significant fragmentation of the larger properties and the opening of grain markets on the south of Russia, as well as easy access to the port of Odessa. As a result, the nobles who had lost the ability to engage in political affairs, focused on making money and enlarging their estates. Peasants were forced at this time to a more intensive and unpaid work²².

Mainly peasants borne the consequences of the permanent change of owners, the penalties for hiding deserters. At a time when Paul I took the throne, numerous bloodily suppressed riots broke out among the peasantry. Paul I in 1800, upon learning that the Belarus Governorate lacked grain, ordered an investigation on the matter, as a result of which the peasants were given lord's corn. Estates leased from the state, in cases identified as over-exploitation, have been forwarded to Treasury. There was nothing done, however, with the limitation of serfdom²³.

¹⁹ J. Topolski, *Uniwersał Polaniecki*, Lublin 1984, p. 39.

²⁰ W. Szczygielski, op. cit., p. 125.

²¹ H. Mościcki, *Pod znakiem orła i pogoni*, Warszawa 1923, pp. 12–14.

²² Ibidem. pp. 12–14.

²³ Ibidem.

Peasantry situation until 1831

At the end of 1807, precisely on 21 December, a decree of King Frederick Augustus for the Duchy of Warsaw was issued, explaining the constitutional norm, commonly called the decree that “took off shackles with the shoes”. The decree presented granted peasants the opportunity to leave the land, of course, within the borders of the Duchy of Warsaw, when the condition, that all the duties incumbent on him, is fulfilled. This act did not respect the regulations issued by the occupying governments, which protected the peasant possession. It adopted a solution that the land cultivated by peasants with crops, buildings and inventory, was the property of the heir, unless the agreement reserved the ownership of subordinate or temporary uses in favour of the peasant. This law gave the possibility to obtain freedom while receiving the rights of ownership and inheritance of land. In summary, a peasant could have continued the forced labour or give up everything and move to another property or city. Peasants were guaranteed one-year tenure of land protection, calculated from the date the decree entered into force, with the proviso that farmers perform their duties in an unchanged volume so far²⁴.

Subsequent legislation had been targeted to reduce emigration of peasants from the countryside. The provisions of the Act of 18 January 1810 on the municipal population books, resulted in additional obligation for the peasant to receive permits from the authorities to leave the village. The owner of the land also had to accept such behaviour. In fact, the Napoleonic Code, in article 530, gave the right to acquire full ownership of land to people obliged to pay fixed weights through compulsory redemption done by authorized persons. The authorities of the Duchy of Warsaw did nothing, however, to indicate these regulations to the peasants, and were not doing anything to encourage the use of the legal norm. In addition, peasants judicial protection provided by the Constitution had little significance for rather poor population²⁵.

Based on the survey carried out on the initiative of Prince Adam Jerzy Czartoryski, the administrative section of the Committee, dealing with the peasant issue, adopted on 15 September 1814 “points in a matter of extracting the peasants of this present state”. They were designed to answer the question „how present freedom of peasants, would give a turn for the benefit of the peasants and how to arrange peasant relations with the owners now, with attention to the internal order objective of preventing idleness and leaving homes and peasants’ farms”. Points included issues such as adaptation of peasant obligations to the quantity, quality, and the location of land as well as property rights issues of personal security of the peasant. In addition, a way of purchase of live and dead stock from the owner of the lands.

²⁴ W. Sobociński, *Księstwo warszawskie*, [in:] J. Bardach (ed.), *Historia państwa i prawa Polski*, vol. III, Wrocław 1981, p. 80, zobacz też: D. Szpoper, *Pomiędzy caratem a snem o Rzeczpospolitą*, Gdańsk 2003, p. 353.

²⁵ W. Sobociński, op. cit., p. 81.

Against the background of liberal reformist intentions, priest Adam Czartoryski attempted to secure the political support of the landed gentry, and strengthen the position of the prince before the new monarch by the above survey. In contrast, the development of the Polish Kingdom legislation in this scope was blocked by the statement that the thing requires detailed research²⁶.

The Congress of Vienna was a consequence of the collapse of the power of Napoleon. Clearly, its provisions had influenced the history of the Polish lands. Territorial area of the former Republic was split in 1815 in terms of internal and organisational status into six categories: 1) West Prussia and 2) the Grand Duchy of Poznań under the rule of Prussia, 3) Galicia under the reign of Austrian, 4) Krakow with the status of a free city, 5) Polish Kingdom and 6) former Polish governorates of Russian Empires. National life was concentrated in the Polish Kingdom, where over time, especially in the West, began to be regarded as synonymous to Poland, despite the fact that it occupied an area of less than 1.7 territory from before the partitions, with one fifth of the population²⁷. The issue of peasants in the Polish Kingdom did not experience any changes until 1831.

Legal regulations of peasantry issue until 1864

The collapse of the November Uprising lay the foundation for the Russian government to administer the best and the biggest national treasures. They were distributed among over a hundred Russian generals and dignitaries. Apart from these lands, a few estates that were confiscated from Polish owners for their participation in the uprising, were added. Treasury estates were prepared to transition to being rented by the peasants, hence it could not be overlooked during the grants. At the same time, an image was created that where the grace of Tsar occurs, also peasants gain. Those gifted under the *ukaz* of 1835, had an obligation to prepare the peasants within 6 years. It was supposed to take place in such a way that the peasants had to own the things that were in their possession on the ground. Roles should be met to the nearest *włóka* and from these roles a permanent duty or the amount of labour or rent would be determined. Peasants received the perpetual possession of the newly created villages. The Russian government tried to encourage contracts between landlords and peasants in private estates, on the basis of the decree of December 21, 1807 year, however, it remained more in the hands of the owners, and this did not translate into better position of peasants. In contrast, the worst in this respect was the situation of the peasants in government estates, because the interests of the Treasury there were still of the utmost importance²⁸.

²⁶ Z. Stankiewicz, *Rada Najwyższa Tymczasowa Księstwa Warszawskiego*, [in:] J. Bardach (ed.), *Historia państwa...*, pp. 171–172.

²⁷ P. Wandycz, *Pod zaborami Ziemie Rzeczypospolitej w latach 1795–1918*, Warszawa 1994, p. 102.

²⁸ W. Grabski, op. cit., pp. 276–277.

It was only on 26 May (7 June) 1846 when Nicholas I issued an *ukaz* in which he defended the peasants on private lands. The immediate factor that contributed to this decision were Galician incidents, Kraków uprising and anti-serfdom movement, where it was noted that the peasants who had custody of the government became a great support of the government bureaucracy. This *ukaz* introduced rules to arrange peasant relations in general and it consisted of six articles. The first set out the principle that farmers having at least three morgs of land, who will perform their duties diligently, could not be removed by the landowner, nor could he limit any of lands and increase the amount of the incumbent duties. The next article included the provision that the settlements abandoned by peasants in the period of two years should be settled by new settlers, and these areas could not be incorporated to the farms. The third article ordered the abolition of all duties which have not been legally sanctioned. The next three articles imposed the adoption of the Administrative Council, under which disputes with peasants were to be settled. This legal structure was derived by analogy with the adopted in the era of enlightened absolutism in Prussia and Austria principles *Bauernschutz*. The protection provided by this instrument was respected in all legislative acts, until the enfranchisement in 1864. At the same time government authorities of the Kingdom after 1846 were not supporters of any further work on the arrangement of peasant relations²⁹.

Evolution in agrarian matters led to political changes, spheres of agricultural peasants were significantly differentiated. They were divided into three groups: stand-alone hosts acting under rent land and mortgage contracts, semi stand-alone, who acted under temporary and rent contracts and the dependent who remained in serfdom. The last group was obliged to horse or walking serfdom, and so called *daremszczyzna* (additional services to the lord) and obligatory leases. Moreover, a group of serfs was required to tributes in kind or in other terms, natural rent, which rarely occurred at the rent³⁰.

When the authorities of the Russian Empire began work on the enfranchisement of the peasants, the Polish Kingdom did not reflect similar views. The *ukaz* of 1846 announced the adoption of measures relating to rent that came into force only in 1858. The Administrative Council decision of 16 (28) December 1858 introduced the principle of sustainability in rental contracts, as well as the uniformity of contracts, because they were supposed to be perpetual and confirmed voluntary agreements with the peasants, without the participation of the government. From that moment the renewal of rent or rent-serfdom contracts followed only under the new legislation, which imposed an indefinite term of these contracts³¹. The turn of years 1859–1861 was a period of intense work of the higher social classes over the regulation of peasant relations. In 1858 Agricultural Society was established, which a year later received permission to proceed with the said case. Only in 1860 the

²⁹ W. Stankiewicz, op. cit., p. 254, see also: W. Grabski, op. cit., pp. 279–282.

³⁰ W. Grabski, op. cit., p. 285, see also: W. Stankiewicz, op. cit., p. 255.

³¹ W. Stankiewicz, op. cit., p. 258.

Society influenced the fate of the peasants positively, and through its activities in some areas contracts and agreements of rent were adopted. There was not too much of them, only few per district. In the Kingdom of Poland, serfdom turned into reward for serfdom (cash payment) under the *ukaz* of 1861. It was a consequence of the manifesto of the Agricultural Society which meant that the peasants ceased fulfilling their serfdom³².

During the January Uprising in 1863, the Provisional National Government tried to cause the enfranchisement of the peasants by issuing two decrees. They were published on 22 January 1863, where the first determined that the property of the peasants, no matter how acquired, was in their full ownership without any burdens. In exchange for this decision the owners received remuneration from national funds. The second decree proclaimed that each of the peasant being a cottager, small farmer, bailiff or farmhand, and who fought in the uprising, shall receive three *morgs* of land from national lands. At the end of the year on 27 December, 1863, Romuald Traugutt issued a decree which sanctioned the execution of decrees of January, by the fact that the owners who would implement these provisions should be treated as persons who acted against their homeland and would be summoned before the uprising courts. The Russian government wanting to strike a death blow to the uprising, tried to conciliate all peasants. It engaged Nikolai Milutin to carry out the agrarian reform – the same man who in 1861 did a reform of the peasant in Russia³³. The result of these works was the edict of 1864 which was designed to remove the relations produced after 1807 and the removal of a huge number of landless peasants. Its main purpose was not met, due to two aspects. The first factor was that the new farms, which arose were not sufficiently independent and many of them have been sold, and the gifted returned to the state of the landless. Another aspect contributing to the failure of the *ukaz* was the issue of temptation of those who wanted to get rich quick at the expense of the peasants. The main part of *ukaz* contained three articles. First determined that land owned by peasants should pass in their complete ownership, the second from 15 April of that year, freed the peasants from all duties and obligations to their heirs, in return, they would pay land taxes to the treasury. The third article provided the owners pay for such a state of peasant affairs. It was a normative act that led to the enfranchisement of the peasants in the nineteenth century in the Polish Kingdom and changed the position of the peasants by freeing them from the burdens of previous centuries³⁴.

³² W. Grabski, op. cit., pp. 287–291; W. Stankiewicz, op. cit., p. 261, which says that on the eve of emancipation three legal acts were issued, first one, of 12/24 May 1860 on rural municipal courts entrusted to the owner of the land the function of a judge, and the function of the jury could have been entrusted to the peasants after the two-stage election. The *ukaz* of the reward for serfdom of 4/16 May 1861 year, the so-called Wielopolski reform, and the second from 24 May/5 June 1862 on rents from the office, declared the abolition of relations violating the binding civil law. A. Wielopolski found that the arrangement of the peasant issue in the Napoleonic Code is sufficient.

³³ W. Grabski, op. cit., pp. 293–294.

³⁴ Ibidem, pp. 295–299.

Bibliography

- Bardach J., *Sejm dawnej Rzeczypospolitej*, [in:] J. Bardach, S. Grodziski, A. Gwiżdż, A. Jankiewicz, K. Działocha, R. Krackowski, J. Wawrzyniak, *Dzieje Sejmu polskiego*, Warszawa 1997.
- Bobek P., *Przegląd dziejów chłop polskiego*, Kraków 1934.
- Dąbkowski P., *Prawo prywatne polskie*, vol. I, Lwów 1910.
- Gierowski J.A., *Historia Polski 1764–1864*, Warszawa 1982.
- Goremykin I.L., *Zarys historii włościan w Polsce*, [Sant] Petersburg 1898.
- Grabski W., *Historia Towarzystwa Rolniczego 1858–1861 r.*, vol. I: *Historia rozwoju rolnictwa i sprawy włościańskiej w pierwszej połowie XIX wieku*, Warszawa 1904.
- Kopczewski J.S., *Tadeusz Kościuszko w historii i tradycji*, Warszawa 1968.
- Kowecki J., *Uniwersał połaniecki i sprawa jego realizacji*, Warszawa 1957.
- Kutrzeba S., *Historia źródeł dawnego prawa polskiego*, vol. I, Kraków 1925.
- Mościcki H., *Pod znakiem orła i pogoni*, Warszawa 1923.
- Rutkowski J., *Sprawa włościańska w Polsce w XVIII i XIX wieku*, Warszawa 1922.
- Rutkowski J., *Uniwersał Połaniecki w świetle europejskich reform rolnych XVII wieku*, Kraków 1946.
- Sobociński W., *Księstwo warszawskie*, [in:] J. Bardach (ed.), *Historia państwa i prawa Polski*, vol. III, Wrocław 1981.
- Stankiewicz Z., *Rada Najwyższa Tymczasowa Księstwa Warszawskiego*, [in:] J. Bardach (ed.), *Historia państwa i prawa Polski*, vol. III, Wrocław 1981.
- Szczygielski W., *Dzieje społeczne chłopów w okresie od XVI–XVII w.*, [in:] *Z dziejów chłopów polskich (od wczesnego feudalizmu do 1939 roku)*, Warszawa 1968.
- Szpoper D., *Kwestia chłopska w myśli politycznej środowiska zachowawczego Królestwa Polskiego w XIX wieku*, „Gdańskie Studia Prawnicze. 35-lecie Wydziału Prawa i Administracji Uniwersytetu Gdańskiego”, A. Szmyt (ed.), vol. XIV, Gdańsk 2005.
- Szpoper D., *Kwestia chłopska w Cesarstwie Rosyjskim oraz w Królestwie Polskim w dobie panowania Aleksandra I*, [in:] L. Mażewski (ed.), *System polityczny, prawo, konstytucja i ustrój Królestwa Polskiego 1815–1830, W przededniu dwusetnej rocznicy powstania unii rosyjsko-polskiej*, Radzymin 2013.
- Topolski J., *Uniwersał Połaniecki*, Lublin 1984.
- Tracki K., *Ostatni kanclerz litewski, Joachim Litawor Chreptowicz w okresie sejmu czteroletniego 1788–1792*, Wilno 2007.
- Uruski S., *Sprawa włościańska*, vol. I, Warszawa 1858.
- Wandycz P., *Pod zaborami Ziemie Rzeczypospolitej w latach 1795–1918*, Warszawa 1994.
- Zahorski A., *Powstanie Kościuszkowskie 1794*, [in:] S. Kieniewicz, A. Zahorski, W. Zajewski, *Trzy powstania narodowe*, Warszawa 2000.

Summary

Key words: infantry of volunteers, legal act issued by the tsar, włóka.

In 1864 peasants received the perpetual possession of the newly created villages. On 26 May (7 June) 1846 Nicholas I issued an *ukaz* in which he defended the peasants on private lands. They were published on 22 January 1863, where the first determined that the property of the peasants, no matter how acquired, was in their full ownership without any burdens. In exchange for this decision the owners re-

ceived remuneration from national funds. The second decree proclaimed that each of the peasant being a cottager, small farmer, bailiff or farmhand, and who fought in the uprising, shall receive three *morgs* of land from national lands.

First determined that land owned by peasants should pass in their complete ownership, the second from 15 April of that year, freed the peasants from all duties and obligations to their heirs, in return, they would pay land taxes to the treasury. The third article provided the owners pay for such a state of peasant affairs. It was a normative act that led to the enfranchisement of the peasants in the nineteenth century in the Polish Kingdom and changed the position of the peasants by freeing them from the burdens of previous centuries.

Public Law

Andrzej Sylwestrzak

Гуманитарно-Экономический Институт в Эльблонге

Разделение властей в Конституции Республики Польши от 1997 г.

Теория Монтескье о триадном разделении властей является ведущим принципом государственного устройства в современных демократических государствах, прежде всего в новых странах Центральной и Восточной Европы. Таким путем пошла также Конституция РП от 1997 г., приняв в качестве основообразующих основ принципы «разделения» и «равновесия» властей: законодательной, исполнительной и судебной (ст.10.1), хотя в конституционной преамбуле находим также интерпретационно важный принцип «взаимодействия» властей. В доктринальных предпосылках принцип разделения властей становится одним из фундаментов государственного устройства «демократического правового государства», поэтому его интерпретация ввиду положений Конституции 1997 г. заслуживает большего внимания. Дело в том, что в анализе триадного разделения властей можем рассматривать конституционные решения более или менее в форме, регулируемой ст. 10, с одной стороны, однако, с другой стороны, эту проблематику можем несколько расширить.

Если принять для анализа вторую позицию, то на фоне конструкции государственного аппарата возникают два вопроса: первый – в какой степени Конституция сформировала государственные органы по схеме Монтескье, т.е. не нарушена ли в результате расширения ее модель триадности «властей». Второй вопрос касается анализа конституционных властей с точки зрения их внутренней однородности или различия. Следовательно, необходимо найти ответ – однородны ли понятия законодательной и исполнительной властей, или же следует найти какое-либо внутреннее различие в рамках широко задуманных конституционных властей.

Ответ на первый вопрос основан на анализе каталога трлх властей установленных в ст. 10.1: законодательной, исполнительной и судебной, и в таком порядке протекает систематика конституционных решений, хотя возникает проблема раздела IX, посвященного органам государственного контроля и охраны права. Нам кажется, что появляется новая «власть»,

расширяющая триаду Монтескье еще на один субъект, вследствие чего получаем формулу конституционного разделения властей типа «три плюс один», т.е. происходит разделение властей на четыре субъекта. Мы считаем, что такая формула вполне допустима на основе принципа расширения каталога властей, предусмотренного в ст. 10, а само увеличение числа властей свидетельствует об углублении процессов их контроля и взаимодействия. Кроме того, она абсолютно не нарушает общей стройности конституции, а наоборот как бы подчеркивает именно теорию разделения властей. Ситуация была бы совершенно другой, если бы в Конституции отсутствовала одна из названных властей, что свидетельствовало бы о деградации основ государственного устройства страны. Следует подчеркнуть, что расширение каталога властей лишь укрепляет принципы разделения властей как наиболее широко понимаемую гарантию законности.

Ответ на второй вопрос кажется нам более сложным. Проблема состоит именно в анализе конституционного понятия отдельных властей с точки зрения имманентной однородности этих явлений или же в поисках возможностей выявления отчетливых разделений в рамках названных властей. Если бы такие внутренние разделения властей были возможны, тогда бы классификация «три+один» могла бы подвергнуться делению на подгруппы в рамках основных конституционных властей. Приняв такую предпосылку, мы можем в Конституции 1997 г. – в пределах отдельных властей – выделить внутренние классификационные подразделы. В рамках широко понятой законодательной власти выделяем две группы: а) конституционную власть, б) традиционную законодательную власть.

Исполнительную власть следует разделить на три группы: а) представительную власть президента, б) исполнительную власть правительства, в) самоуправленческую власть. В судебной власти выделяем: а) власть трибуналов, б) власть судов. Контрольную власть делим на две группы: а) контрольную власть Верховной палаты контроля, б) контрольную власть двух уполномоченных – Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка; в эту группу включаем также Всепольский совет радиовещания и телевидения. Поскольку можно выделить несколько классификационных групп в рамках каждой из конституционных властей, продолжим подробный анализ принятых подразделов по сравнению с конституционными институциональными решениями.

Законодательную власть можно разделить на конституционную власть и традиционную законодательную власть. Конституционная власть связана с абсолютно особыми полномочиями конституционного суверена, каким является Народ (ст. 41), определенный в преамбуле к Конституции («мы, Польский Народ – все граждане Республики Польша»), выраженными в институтах прямой демократии (ст. 4.2). Речь идет о референдумах (ст. 125) и принципах избирательного права, в рамках которых суверен принимает

важнейшие решения, непосредственно влияющие на всю совокупность проблем, связанных с функционированием государства. Эта власть отчетливо отличается от действующего законодательства, осуществляемого парламентарными органами, которые считаются традиционными законодательными органами. В основе выделения конституционной власти лежит философия Т. Бентама (1748–1832), который в «Конституционном Кодексе»¹, высказываясь за разделение властей, отбрасывал их равновесие и независимость, обозначающие, согласно философу, «приглашение к анархии». Вместо этого он предлагал концепцию «иерархии» властей, которая является гарантом «конститутивной власти» (*constitutive Power*), – гарантирующей верховность этой власти над остальными властями, а среди них назвал власти законодательную, исполнительную и судебную. Следовательно, он разработал концепцию деления властей на четыре власти, хотя наиболее инспирующим нам кажется отделение «конститутивной власти», отвечающей нашей конституционной власти, от законодательной власти, причем конститутивная власть, являющаяся гарантом суверенности народа, проявлялась во время выборов.

Такое разделение традиционной власти значительно позже произвел французский конституционалист Морис Ориу (M. Hauriou, 1856–1929)². Согласно М. Ориу, следует отличать «власть имманентной воли», принадлежащей всем гражданам с правом голоса и принимающих решения путем избирательного акта, от законодательной власти, представителем которой является парламент. Законодательную власть, т.е. правомочия парламента, М. Ориу назвал «властью делиберативной». Её задача заключается в облечении в легислационную форму, как правило, эмоционально выраженную волю суверена. Итак, такое различие отвечает нашему предложению о разделении на власть законодательную и власть, конституционную, хотя Ориу добавляет третью власть – «реализация наказания», отсылаясь к традиционному пониманию исполнительной власти в интерпретации Д. Локка, включающей также судебную власть. Теоретик III Французской Республики Карре де Мальберг в своей публикации «К общей теории государства»³ создал иерархическую теорию властей применительно к иерархии правовых актов, в которой доказывал о соединении в парламенте власти конституционной с властью законодательной⁴.

Возвращаясь к решениям Конституции 1997г. в сфере конституционной власти, следовало бы обратить внимание на содержащееся в преамбуле и ст. 4.1 понятие «Народ» как суверена вместе с правами непосредственно ему принадлежащими в рамках институций непосредственной демократии как

¹ J. Bentham, *Constitutional Code*, London 1827.

² M. Hauriou, *Principles de droit public*, Paris 1910.

³ C. de Malberg, *Contribution à la générale de l'état*, Paris 1922.

⁴ См. R. Malajny, *Trzy teorie podzielonej władzy*, Warszawa 2001, с. 386–387.

формулировки, устанавливающей конституционную власть. Отдельной остается законодательная власть, которую реализует парламент, являющийся представителем суверена, т.е. власть законодательная становится эманацией конституционной власти, и в результате они образуют широко понимаемую законодательную власть. Конституционная власть основываясь на всеобщем избирательном праве как на принципе выражения воли суверена, после истечения каденции парламента дополняется возможностью проведения референдума (ст. 125). Это право гражданской законодательной инициативы (ст. 118.2) дополняет каталог институтов, дающих гражданам возможность непосредственно выражать свои взгляды. Также суверен, т.е. народ, в непосредственных выборах избирает Президента Польши (ст. 127–129) и территориального самоуправления (ст. 169), причем Конституция устанавливает право проведения местного референдума самоуправлениями (ст. 170). В результате конституционная власть оказывается фундаментом и, следовательно, основой функционирования законодательной власти.

Определенная таким образом законодательная власть при реализации своих функций – как установления права, так и контроля, свои правомочия выводит из конституционной власти, оставаясь в государстве представителем верховной власти. Также и каталог источников права основывается на учете креативных возможностей конституционной власти и власти законодательной, хотя главным принципом остается принцип установления законов парламентом. В результате предпосылка контрольных полномочий законодательной власти реализуется от имени суверена и имеет признаки, из которых состоит субстанция государственного суверенитета. Такое рассуждение находим в философии Д. Локка (1632–1704), гласящего «святость и неприкосновенность» законодательной власти по воле народа (*People*), в сущности являющейся «властью опекунской» (*Fiduciary Power*), которая свои полномочия получает от мандата верховной власти – от народа, а он в любой момент легислативу может отменить⁵. Также и Д. С. Милль (1806–1873) контрольные правомочия парламента выводил из суверенности народа⁶. Дальше всех пошел Г. Кельзен (1881–1973) обосновывая необходимость сохранения в «демократическом строе всех тех контрольных институтов, которые гарантируют легальность исполнения», причем «самоограничение» демократии в виде принципа легализма становится одной из гарантий суверенности народа⁷. Такая связь парламентского контроля с идеей суверенности народа также является основой для обособления контролирующей власти. Подытоживая, следует констатировать, что власть суверена, т.е. конституционная власть – является особой

⁵ J. Locke, *Dwa traktaty o rządzie*, Warszawa 1992, с. 259, 265–269, см. также: Z. Ogonowski, *Locke*, Warszawa 1972, с. 191.

⁶ J.S. Mill, *O rządzie reprezentatywnym. Poddaństwo kobiet*, Kraków 1995, с. 76.

⁷ H. Kelsen, *O istocie demokracji*, Warszawa 1936, с. 97–98, см. также: G. Radbruch, *Zasady filozofii prawa*, Warszawa 1938.

и основой по отношению к законодательству, или легислативе в традиционной осмыслении этого понятия.

Анализируя Конституцию 1997 г. с точки зрения конструкции исполнительной власти, следует указать две проблемы: а) Конституция называет (ст.10.2) как субъектов исполнительной власти Президента РП и Совет Министров, в то время как б) в систематике исполнительной власти нормирует также территориальное самоуправление. Следовательно, конституционная концепция исполнительной власти состоит из трех институтов, причем каждому посвящен отдельный раздел: власти президента Польши – раздел V, власти Совета Министров и правительственной администрации – VI, власти территориального самоуправления – VII. Исходя из этого разделения, нам кажется верным убеждение, что исполнительная власть делится на три группы: а) представительная власть Президента, б) исполнительная власть Правительства и правительственной администрации, с) власть территориального самоуправления.

Речь идет об особой власти главы государства, играющей представительную роль и гармонизирующую взаимодействие остальных властей. Это предложение было заимствовано у Бенжамена Константа (1767–1830), выделившего пять властей, в том числе власть монарха как власть «нейтральную»⁸. Итак, Констант выделяет следующие власти: 1) монарха; 2) правительства, т.е. министров, называя их исполнительной властью; 3) наследственной верховной палаты, называемая Палатой лордов, определенной как прочная представительная власть общества; 4) депутатской палаты – избираемой нижней палаты, называемой представительской властью общества; 5) судебную власть. Отметив оригинальность такого разделения, следовало бы подчеркнуть аргументацию Константа о необходимости самостоятельной «нейтральной власти» монарха, который, соответственно дистанцируясь, оценивает правителей и подвластных. Задача нейтральной власти (*pouvoir neutre*) монарха заключается в координации взаимодействия отдельных властей, с учетом заданий, стоящих перед государством. Кроме того, она должна стремиться к гармоническому функционированию остальных властей, в случае же появления опасных конфликтов или кризисов имела бы право, например, на роспуск парламента, назначение членов правительства и на право помилования. Констант, отдавая себе отчет в исключительности правомочий и политических задач, сначала предлагал передать ел небольшому коллегиальному органу, но со временем склонился в сторону монархических симпатий. Постоянно координирующая нейтральная власть должна прежде всего контролировать остальные власти, противодействуя попыткам прево-

⁸ B. Constant, *Réflexions sur les constitutions, la distribution des pouvoirs et des garanties dans une monarchie, la distribution des pouvoirs et des garanties dans monarchie constitutionnelle*, Paris 1814; см. также: W. Szyszkowski, *Beniamin Constant*, Warszawa – Poznań – Toruń 1984, с. 82.

сходства какой-либо из них. Констант был противником диктатуры исполнительной власти как преимущества легислативы, обозначающей угрозу для свободы личности⁹. Следует добавить, что Константом была задумана широкая система торможения властей, но мыслитель занялся главным образом правомочиями монарха, «нейтральная власть» которого, согласно Константу, должна гармонизировать остальные власти.

Порядок выбора президента по Конституции 1997 г. в некоторой степени отвечает предложению, выдвинутого Константом. Он предусматривает проведение всеобщих выборов, отвечающих парламентским выборам. Следовательно, президент получает мандат доверия непосредственно от суверена, полностью равноценный полномочиям парламента, и, таким образом, появилась отдельная власть, решительно отличающаяся от мандата, полученного правительством. Также и в других конституционных системах, например II Речи Посполитой, не предусматривающих всеобщих выборов главы государства, обычно принимается особый порядок выбора президента, например объединенными парламентскими палатами, подчеркивая таким образом исключительность власти главы государства. Правила выбора Президента решительно влияют на наделение его особыми компетенциями, полностью отличающимися от традиционной схемы задач исполнительной власти. Итак, президент обладает исключительным кругом компетенций в сфере взаимодействия с парламентом, в рамках которого право законодательного вета является финальным актом, хотя можно также отметить его правомочия в инициировании и проведении референдума. Кроме того, президенту принадлежит особое право роспуска или сокращать срок работы парламента – кроме права законодательной инициативы – в ситуациях, обычно определенных Конституцией вместе с правом самороспуска, хотя из всех внепарламентских органов такие правомочия принадлежат только главе государства.

На этом фоне особое значение имеют представительные функции президента. Это прежде всего право представлять страну за рубежом, подчеркивать идеи суверенности и преемственности традиций, определение основных путей заграничной политики, принимать решения по делам признания гражданства и право на помилование или награждение. Хотя все названные права президента являются субстратом традиционных правомочий главы государства, все-таки в них выражается представительный авторитет суверена. Большое значение имеет право ратифицировать и расторгать международные соглашения, осуществляемое во взаимодействии с парламентом или – в исключительном случае – с Конституционным Трибуналом

⁹ Cp.: B. Constant, *Cours de politique constitutionnelle ou collection des ouvrages publiés sur le Gouvernement Représentatif*, t. I, Paris 1861, c. 269; idem, *De la perfectibilité de l'espèce humaine*, [в:] *De la liberté chez les modernes*, Paris 1980, c. 580–585.

(ст. 133, абзац 2). Назначение и отзыв полномочных представителей в других государствах и международных организациях, а также прием представителей зарубежных стран дополняют картину представительных функций президента.

Назначение или предложение кандидатур на руководство в главных государственных учреждениях президентом расширяет сферу его представительных полномочий. К ним следует отнести обязанность гарантировать соблюдение конституции, а также президент подписывает каталог полномочий правительства, т.е. органа традиционной исполнительной власти. Следует подчеркнуть функцию главы государства в формировании правительства, смены и отставки правительства, а также особую компетенцию созыва правительства под председательством президента, которая означает своего рода верховенство над исполнительной властью. В принципе полномочия президента в процедурах формирования, отставки или изменениях состава правительства не отличаются от традиционных образцов парламентской системы, однако они подчеркивают особую позицию главы государства. Президент становится внешним авторитетом, непосредственно влияющим на организацию правительства и таким образом этот орган стоит над правительством, можно сказать – над исполнительной властью. Кроме того, традиционно президент является верховным главнокомандующим вооруженных сил, обладает полномочиями объявлять чрезвычайное положение (с. 228.7, ст. 229–231 и 234), вносить изменения в конституцию (ст. 235.1 и 7).

Этот тезис подтверждают полномочия президента в сфере взаимодействия с судебной властью. Насколько допустимо наделение высших звеньев исполнительной власти, например премьера или правительства, правом инициирования производства перед Конституционным Трибуналом, настолько нельзя даже подумать о полномочиях исполнительной власти в деле любых назначений судей. В результате такого права у правительства нет, зато у президента широкие полномочия в этой области имеются. Например, в Конституции 1997 г. президент по предложению Государственного Совета Юстиции совершает назначение судей (ст. 179). Президент также назначает председателя и вице-председателя Конституционного Трибунала из кандидатов, предложенных Общим собранием судей Конституционного суда (ст. 194), назначает по предложению Общего собрания судей Высшего административного суда председателя Высшего административного суда на срок шести лет (ст. 185). Президент назначает первого председателя Верховного Суда сроком на 6 лет из числа кандидатов, выбранных Общим собранием судей Верховного Суда (ст. 183, ч. 3), а если еще отметим, что председателем Государственного Трибунала является также назначенный президентом первый председатель Верховного суда (ст. 199 ч. 2), назначенные президентом, и министр Юстиции. то получим полную картину полномочий главы государства в сфере назначения судей. Отметим также, что Всепольский Судебный Совет, в состав которого входят первый председатель Верховного

Суда, Министр Юстиции, председатель Высшего Административного Суда и лицо, назначенное также президентом (ст. 187 ч. 1 п. 1), также функционирует по воле президента. Эти традиционные полномочия президента в сфере судебных назначений, свидетельствующие о сформировании особых отношений между президентом и судебной властью, возможны только при условии принятия предпосылки о появлении своеобразной представительной власти главы государства, которую трудно назвать исполнительной.

Ограниченные правомочия в сфере назначений у президента в сфере контрольной власти и публичных финансов. Председателя Высшей Контрольной Палаты, Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка выбирает парламент, только члены Всепольского совета радиовещания и телевидения назначаются президентом вместе с Сеймом и Сенатом (ст. 214 ч. 1). Зато председателя Национального Банка Польши утверждает Сейм по представлению его кандидатуры президентом (ст. 227 ч. 3), а состав Совета денежной политики на шестилетний срок выбирают в равных частях президент, Сейм и Сенат (ст. 227 ч. 5).

Подытоживая правомочия президента в области назначений на посты в остальных властях – прежде всего в судебной власти и частично контрольной – отметить следует, что могут быть логичными и философски принятыми при условии обращения к теории отдельной власти главы государства, т.е. власти представительной, ни в коем случае не являющейся традиционной исполнительной властью. Если президент, являющийся исполнительной властью, обладает такими широкими и важными полномочиями в судебной власти, то это свидетельствовало бы о том, что в механизме разделения властей произошли значительные нелогичности. Полностью допустимы, по нашему мнению, правомочия президента в области Государственного Трибунала, однако независимо от того, как мы относимся к этому посту – исполнительная ли эта власть или представительная – широкие правомочия президента в сфере судебных назначений нам кажутся логически допустимыми только при условии трактовки главы государства как отдельной представительной власти.

Конструкция представительной власти президента опирается на предпосылке исполнения особых задач в области внутренней и внешней политики, а также на медиаторных правомочиях, гарантирующих гармоническое функционирование государства. Таким образом, пост президента в равной степени дистанцируется от остальных властей, прежде всего от традиционной исполнительной власти, к которой он традиционно причисляется, но совершенно логически следует признать, что является отдельной властью.

Вторую группу составляют органы исполнительной власти, т.е. правительство и правительственная администрация. Если исключим из традиционной исполнительной власти пост президента и местное самоуправление, то

получим классическую модель исполнительной власти в понимании Монтескье, только без монарха. Такое определение исполнительной власти позволит методологически четко строить отношения исполнительной власти с остальными властями, в том числе с президентом, местным самоуправлением и контрольной властью, причем при сохранении уже имеющихся связей с законодательной и судебной властями. В сфере взаимодействия с президентом совершенно бесспорны его право как главы государства назначать и смещать правительство или отдельных его членов, а также инициировать политику, прежде всего заграничную, потому что это традиционные правомочия президента, которые при предпосылке существования представительной власти приобретают логическое обоснование «взаимодействия» властей.

В такой же степени остается без изменений сфера взаимодействия правительства с парламентом. Причем речь идет не только о назначении и смещении правительства парламентом, но также и о осуществлении контроля над исполнительной властью. В разделении властей у правительства функция исполнительная, однако смысл его существования заключается в реализации политической линии, которую определяет парламент. Отсюда право законодательной власти развить широко задуманную контрольную функцию над правительством основывается на политической ответственности перед избирателями, которые в акте голосования производят оценку правительства и парламента, т.е. законодательной и исполнительной властей. Происходит общая оценка законодательной и исполнительной властей сувереном и поэтому, сохраняя разделение этих властей, следует внести предпосылку о обязательном праве на непосредственный и посредственный контроль законодательной власти над исполнительной. Эта проблема развивает генезис особой контрольной власти в том смысле, что в её основе лежит предпосылка создания законодательной системы контрольных органов, с целью наблюдения над исполнительной властью. Результатом таких конструкций является широко понимаемая ответственность всех властей перед сувереном, хотя легислатива и исполнительная власть несут непосредственную ответственность, проявляющуюся в результатах выборов.

Отдельной группой в традиционной исполнительной власти является самоуправление, опорой которого является местное самоуправление. Не находит доктринального обоснования формирование самоуправления в виде отдельной и самостоятельной группы, хотя ее устройство уже прошло значительную эволюцию. Прежде всего, демократические самоуправленческие выборы, отвечающие парламентским выборам, указывают на то, что имеем дело с решением суверена, которое легитимирует самоуправление на уровне, отвечающем в территориальном аспекте законодательной власти. В этом отношении раньше выделенная из исполнительной власти представительная власть президента также в польской конституционной системе основывает свой мандат на всеобщих выборах, что не относится к традиционной

исполнительной власти правительства, которое получает свой мандат от парламента. Самоуправленческая власть может проводить местные референдумы, аналогичные всеобщему, установленному законом референдуму. Итак, только законодательная и самоуправленческая власти имеют основы для реализации принципов прямой и посредственной демократий, следовательно, именно они обладают предпосылками демократического правового государства. Выделение местного самоуправления в особую группу исполнительной власти не должно вызывать никаких сомнений, тем более что местное самоуправление это парламент, легитимированный для презентации местного общества.

В польской конституционной традиции основы такой концепции самоуправления были сформулированы в период II Речи Посполитой¹⁰, затем были развернуты в Малой Конституции от 1992 г. и в Конституции от 1997 г. Следует подчеркнуть, что Малая Конституция от 1992 г. содержала отдельный раздел 5 о местной власти «Территориальное самоуправление», следующий после законодательной власти, президенте, правительстве, который замкнул структуру государственного аппарата в границах закона от 17.10.1992. Малая Конституция устанавливала принципы избирательного права в местные власти и местного референдума. Эти традиции расширила и углубила Конституция РП от 1997 г., посвятив местной власти отдельный VII раздел, расположив его после законодательной власти, президенте и правительстве перед судебной и контрольной властями. Конституция 1997 г. расширила каталог положений избирательного права в органы самоуправления, сохранила и расширила проблематику местного референдума (ст. 170), доказав тем самым прочность тенденции легитимирования местной власти институтами прямой и посредственной демократии.

Заслуживает внимания конституционный принцип судебной охраны самостоятельности единиц территориального самоуправления (ст. 165 абз. 2), являющийся для них гарантией того, что всегда будет настоящим представителем местного общества. Приняв во внимание исключительную важность предпосылки самоуправленческого строя, можем прийти к убеждению, – в связи с теорией разделения властей – что имеем дело с формированием отдельной самоуправленческой власти. Именно на такое формирование самоуправления указывал Алексис де Токвиль в работе *Демократия в Америке* (1835–1840)¹¹, а также ведущие представители либерализма XIX в. во главе с Д.С. Миллем. Самоуправление достигло такой высокой степени независимости и ответственности, что для более четкого разделения властей можем рассматривать его как отдельную местную представительную власть, иначе говоря – самоуправленческую власть.

¹⁰ Ср.: A. Bosiacki, *Od naturalizmu do etatyzmu. Doktryny samorządu terytorialnego Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939*, Warszawa 2006, с. 114–123.

¹¹ A. de Tocqueville, *O demokracji w Ameryce*, Warszawa 1976, с. 77.

Хотя некоторые современные конституции, например Конституция РП от 1997 г., отдают самоуправление под надзор премьера или воеводы, т.е. правительственной администрации, а также надзору финансового контроля в виде регионального отдела Польской расчетной палаты¹², то полномочия администрации и контроля можно рассматривать как взаимодействие самоуправленческой власти с исполнительной и контрольной властями. Возможно, что сфера современной непосредственной подчиненности самоуправления будет подвергаться изменениям, при сохранении конституционного принципа, согласно которому компетенционные разногласия между органами правительственной администрации и территориальным самоуправлением по-прежнему будут решаться административными судами¹³. Это свидетельствует об особых сферах взаимодействия самоуправления с судебной властью, подтверждая тем самым, что самоуправление сформировалось в особую группу органов в рамках исполнительной власти, имеющую компетенционные взаимосвязи с другими властями.

Однако нет сомнений в стабильности судебной власти – «отдельной и независимой» (ст. 173), несмотря на ее внутреннюю дифференциацию. Речь идет не только об общем правосудии, но также конституционном, Государственном Трибунале и административном правосудии. Можем предположить, что появятся новые судебные институты с определенной специализацией, хотя эти процессы не изменяют самой сущности классификации – они проходят в рамках судебной власти, имеющей определенные компетенции, вследствие чего вытекают взаимосвязи с остальными властями. Именно эти взаимосвязи свидетельствуют о динамике эволюции государственного строя при сохранении динамики внутреннего развития самого правосудия. Внешняя динамика правосудия в сфере формирования его отношений с другими властями обладает значительной творческой силой в том смысле, что развитие каждой из новоучрежденной власти – что нам кажется неизбежным – стимулирует развитие судебной практики. Таким образом правосудие через судебную практику содействует гармоническому взаимодействию властей, зато как судебная власть выполняет изнутри роль институционального формирования непрерывно изменяющейся институциональной конфигурации в рамках разделения властей. Исходя из этих оценок можно сделать вывод, что удачно сконструированная теория разделения властей может инспирирующее влиять на развитие судебной власти также в сфере правосудия. Такое понимание разделения властей динамизирует интерпретацию правового государства, в котором правосудие

¹² См. 171 Конституции РП от 1977 г. устанавливает, что деятельность местного самоуправления подлежит надзору с точки зрения легальности со стороны премьера и воевод, зато в сфере финансов назор осуществляют региональные расчетные палаты.

¹³ См. ст. 166 ч. 3 Конституции РП от 1997 г.

должно играть творческую роль в формировании властей, в том числе и самой судебной власти.

Конституция делит судебную власть (ст.10.2) на две группы: а) суды и б) трибуналы. Такому делению отвечает название и систематика разд. VII „Суды и Трибуналы», причем выделение Конституционного Трибунала и Государственного Трибунала в отдельную группу в рамках судебной власти в силу особых функций этих институтов и задач в деле устройства государства нам кажется совершенно логичным. Хотя задачи у обоих трибуналов совершенно разные, но их особая роль в государственном устройстве обосновывает такое выделение в разные группы. Кроме того, такое внутреннее разделение судебной власти в истории доктрин кажется новостью прежде всего в связи с многочисленными предложениями по истолкованию правосудия как части исполнительной власти, примером чему служит теория Локка. Только спустя спустя полвека Монтескье выделил особую исполнительную власть, под которой – как это следовало из дальнейших интерпретаций – понимал «невидимую и властолюбивую» судебную власть¹⁴. Вполне понятно, что современные тенденции развития судебной власти, связанной с конституционной позицией трибуналов, обосновывают её внутреннее разделение на две группы.

Дополнительной властью, расширяющей триаду властей Монтескье, является контрольная власть, состоящая из независимых институтов надзора и контроля. Деятельность контрольной власти направлена на проверку исполнительной, представительной и самоуправленческой властей, причем она обязана информировать о результатах своей деятельности законодательную власть, а также снабжена правом обращаться в суд в случае нарушения права. Такое определение контрольной власти является обоснованием функционального и компетенционного ее расположения во всей системе разделения властей, основой же такой конструкции является принцип независимости. В компетенции контрольной власти входит также проверка деятельности законодательной власти, например в области гражданских прав и свобод, в том числе прав ребенка, охраны персональных данных, и осуществляется генеральными инспекторами или уполномоченными. Контрольную власть – разд. IX Конституции следует разделить на две группы: а) контролирующая власть – Высшая контрольная палата, б) власть, контролирующая уполномоченных – Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка (ст. 72.4, разд. II), в эту группу входит также Всеполюский совет радиовещания и телевидения.

Деятельность первой группы направлена на выполнение государственного бюджета, также включая все публичные финансы и государственное имущество (ст. 203). К этой группе контрольных органов можно отнести

¹⁴ Montesquieu, *O duchu praw*, tłum. T. Boy-Żeleński, Warszawa 1927.

Национальный банк Польши, что объясняется его правами : « право эмиссии денег, а также определения направлений и осуществление денежной политики» (ст. 227.1). В эту группу следует включить упомянутые в Конституции региональные расчетные палаты (ст. 171.2), хотя они являются органами финансового «надзора» над территориальным самоуправлением, то ведут широкую контрольную деятельность. Совершенно иной характер имеет группа Уполномоченного по правам человека, которая концентрируется на соблюдении конституционных свобод и гражданских прав (ст. 208.1), а также Уполномоченного по правам ребенка (ст. 72 1–3). Также особые задачи поставлены перед Всепольским Советом Радиовещания и Телевидения, стоящим «на страже свободы слова, права на информацию и общественного интереса в радиовещании и телевидении» (ст. 213.1). Нет сомнений в том, что эти три института – Уполномоченный по правам человека, Уполномоченный по правам ребенка и Всепольский совет радиовещания и телевидения выполняют контрольные функции и обосновано были классифицированы в разд. IX. В то же время само название раздела «Органы государственного контроля и охраны права» наводит на мысль о разделении на две группы: органы контроля, т.е. Высшая контрольная палата, и органы охраны права в виде уполномоченных, а также Всепольский совет радиовещания и телевидения, в общей сложности составляющих широкую контрольную власть.

Важно подчеркнуть, что в доктрине XIX в. контрольная власть связывалась с суверенностью народа или же из неё вытекала. Упомянутый нами Д.С. Милль писал, что «лучшей формой правления для правительства является такая, в которой суверенность, или высшая контрольная власть принадлежит всему обществу»¹⁵. В то время царило убеждение, что контроль основанный на идее суверенности народа, должен стоять на принципе разделения властей, так как, согласно консерватору Э. Блрку, – «одновременно осуществлять и контролировать власть противоречиво и невозможно»¹⁶. По мнению другого консерватора Д. Актона, разделение властей как гарантия демократического строя, должно определять правила функционирования «каждого правительства, имеющего опору в суверенности народа»¹⁷, причем сама идея разделения властей, предположив концепцию «власти преобразующей», или «сдерживающей» Монтескье, экспонировала понятие контроля. Подобное мышление, в котором исходным пунктом было понятие суверенности народа, несколько позже представил А. Эсмен: «народ должен иметь право устанавливать публичную власть и создавать правительства, а также осуществлять контроль над ними, потому что власть и правительство

¹⁵ J.S. Mill, ук. соч., с. 77–78.

¹⁶ E. Burke, *Rozważania o rewolucji we Francji*, Warszawa 1994, с. 52–54.

¹⁷ J.E. Acton, *Essays on Freedom and Rower*, Boston 1949, с. 196, ср.: *Ogólna nauka o państwie*, Warszawa 1921, с. 365.

существуют исключительно в интересе всего народа»¹⁸. Логическим был постулат ответственности лиц, осуществляющих «государственную власть», хотя единственным способом реализации этой ответственности был соответствующий контроль. Упоминаемый нами ранее Г. Кельзен понимал контроль как основу демократического строя и легализма – «от систематического расширения всех институтов контроля в большой степени зависит судьба демократии»¹⁹. Отход от этого процесса, заключающийся в «отказе от контроля», в дальнейшем была бы равнозначен – по мнению Г. Кельзера – «самоубийству демократии».

Резюмируя, следовало бы подчеркнуть два вопроса – во-первых, выэкспонирование в доктринах либералистической, позитивисткой и нормативистской необходимость существования в демократическом строе контроля как гаранта соблюдения конституционных принципов, во-вторых, под понятием функции или контрольной власти подразумевается широкий контроль, вытекающий из идеи суверенности народа и интегрирующий все формы парламентского контроля. Нам кажется, обращаясь к этим определениям, что Конституция от 1997 г. не только установила особую контрольную власть, но и совершила ел внутреннее разделение на две группы.

Оценивая в общих чертах углубленную классификациями теорию разделения властей, можем подвести итоги. Во-первых, предложенное разделение на внутренние классификационные группы отвечает современным устройствам демократических стран. Это значит, что спустя двести пятьдесят лет от трактата Монтескье совершилось развитие не только государственного аппарата, но в такой же степени критерии классификации властей. Во-вторых, остается неизменной главная цель разделения властей по Монтескье, как гарантия свободы, причем ее новому пониманию должны отвечать очередные классификации властей. Гражданская свобода имеет динамические черты в том значении, что объективно появляются новые сферы её осуществления, например гражданское неповиновение или расширяющийся каталог широко понимаемой свободы слова. Тем самым обогащается каталог институтов, легализирующих эти, действия следовательно, требующий контроля. Кроме того, появляются инициативы лиц и общественных групп, связанных с местной деятельностью в так называемых малых отчизнах. Эти процессы требуют создания новых институтов. Содействие им становится совершенно необходимым, а конструкционная система, например местного самоуправления, свидетельствует о степени ангажирования государства в общую программу развития. В-третьих, на фоне предложений по новой классификации властей, триада разделения властей Монтескье оказывается неизменной, при одновременном расширении путем создания новых властей

¹⁸ F. Esmein, *Prawo konstytucyjne*, Warszawa 1921, с. 219, 344.

¹⁹ H. Kelsen, ук. соч., с. 99; cp.: G. Radbruch, ук. соч., с. 78.

или углубления уже существующих. Смысли этих предложений можно объяснить стремлением совершенствовать функционирование основанного на триаде власти государственного аппарата, так как отнесение самоуправления к исполнительной власти может стать сдерживающим фактором для самой идеи самоуправления гражданского общества. В то же время определение самоуправления как отдельной группы в рамках исполнительной власти создает более широкие перспективы дефинирования самого самоуправления как в организационном, так и в компетенционном смысле.

В результате можно предположить, что динамике развития государства, в том числе и государственного аппарата отвечает динамика преобразований «властей» по Монтескье²⁰. Это явление нам кажется правильным не только потому, что отвечает требованиям практики, но прежде всего потому, что влияет на углубление гарантии законности и свободы. Динамика проблемы свидетельствует также о возможности появления в будущем новых властей, например в связи с формированием устройства Европейского Союза наверняка возникнут новые власти как ЕС, так и действующие на границе субъектов ЕС и его центра. Также расширение каталога также содействует достижению методологической прелюдии равновесия властей (*aequilibritatis*), т.е. превосходству одной из них. Монтескье предполагал нейтрализовать исполнительную власть, Констант стремился к этому же, однако в сфере законодательной власти, но неизменным остается их главная цель – сохранение равновесия властей. Конечно, равновесие не обозначает идеальной равности властей, так как в демократических строях намечается преобладание легислативы в связи с её законодательной и контрольной функциями, а также мандата, полученного от суверена (законодательная власть). Это не значит, что равновесие сохраняется, хотя правильнее было бы говорить о теории «уравновешивания» властей как явлении постоянной активности всех властей, которое является широко понимаемой гарантией их динамики. Появление новых классификаций властей, по-нашему, способствует углублению процессов эффективности развития государства и общества.

В заключение стоит отметить, что позитивистское правовое государство, основанное на двух предпосылках – во-первых, на разделении властей и, во-вторых, на конституционных и внеконституционных гарантиях законности, динамизирует его в одинаковой степени. Во втором случае подразумеваются не только исключительно институционализированные гарантии, но в равной степени моральные и материальные. Следует подчеркнуть, что имеющая большое значение широкая сфера институциональных гарантий в практике только тогда функционирует, если будет подкреплена как моральными, так

²⁰ Ср.: M.J.C. Vile, *Constitutionalism and the Separation of Powers*, Oxford 1967, с. 251; W.B. Gwym, *The Meaning of the Separation of Powers*, New Orleans 1965, с. 44–46; H.W.R. Wade, *Legal Control of Government*, Oxford 1972, с. 77–90, ср.: R. Malajny, ук. соч., с. 204–221.

и материальными гарантиями, подтверждающими внутреннюю диалектику этой проблемы²¹. В результате совокупность демократических предпосылок правового государства приобретает большее значение в свете разделения властей, притом связь между разделением властей и институциональными гарантиями законности взаимозависимы в том значении, что ригористическое обращение к разделению делает более четкими также гарантии законности. Эту закономерность можно представить в обратной очередности, так как, например, конституциональное экспонирование гарантии законности имеет реальный смысл только в связи с какой-нибудь теорией разделения властей. Здесь динамика проблемы предполагает развитие обеих сфер, так как, по нашему мнению, невозможно действие только в одном направлении, что означало бы деградацию как разделения властей, так и институциональных гарантий законности. Следовательно, правовое позитивистское государство должно основываться на названных выше двух столбах своей конструкции государственного устройства, обосновывающих необходимость возникновения непрерывных процессов их развития.

Библиография

- Acton J.E., *Essays on Freedom and Rower*, Boston 1949.
Bentham J., *Constitutional Code*, London 1827.
Bosiacki A., *Od naturalizmu do etatyzmu. Doktryny samorządu terytorialnego Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1939*, Warszawa 2006.
Burke E., *Rozważania o rewolucji we Francji*, Warszawa 1994.
Constant B., *Réflexions sur les constitutions, la distribution des pouvoirs et des garanties dans une monarchie, la distribution des pouvoirs et des garanties dans monarchie constitutionnelle*, Paris 1814.
Constant B., *Cours de politique constitutionnelle ou collection des ouvrages publiés sur le Gouvernement Représentatif*, t. I, Paris 1861.
Constant B., *De la perfectibilité de l'espèce humain, â: De la liberté chez les moderns*, Paris 1980.
Esmein F., *Prawo konstytucyjne*, Warszawa 1921.
Gwym W.B., *The Meaning of the Separation of Powers*, New Orleans 1965.
Hart H.L.A., *Pojęcie prawa*, Warszawa 1998.
Hart H.L.A., *Eseje z filozofii prawa*, Warszawa 2001.
Hauriou M., *Principles de droit public*, Paris 1910.
Kelsen H., *O istocie demokracji*, Warszawa 1936.
Locke J., *Dwa traktaty o rządzie*, Warszawa 1992.
Malajny R., *Trzy teorie podzielonej władzy*, Warszawa 2001.
Malberg C. de, *Contribution à la générale de l'état*, Paris 1922.
Mill J.S., *O rządzie reprezentatywnym. Poddaństwo kobiet*, Kraków 1995.
Montesquieu, *O duchu praw*, tłum. T. Boy-Żeleński, Warszawa 1927.

²¹ Cp.: H.L.A. Hart, *Pojęcie prawa*, Warszawa 1998, c. 331–360; idem, *Eseje z filozofii prawa*, Warszawa 2001, c. 282–353.

- Ogonowski Z., *Locke*, Warszawa 1972.
Radbruch G., *Zasady filozofii prawa*, Warszawa 1938.
Szyszkowski W., *Beniamin Constant*, Warszawa – Poznań – Toruń 1984.
Tocqueville A. De, *O demokracji w Ameryce*, Warszawa 1976.
Vile M.J.C., *Constitutionalism and the Separation of Powers*, Oxford 1967.
Wade H.W.R., *Legal Control of Government*, Oxford 1972.

Summary

Division of power in the 1997 Constitution of Polish Republic

Key words: division of powers, legislative power, executive power, judiciary power, controlling power, balance of powers, coordination of powers.

The article introduces Montesquieu's tripartite division in the 1997 Constitution of Polish Republic and adds the controlling power as the fourth category. Within the framework of Montesquieu's divisions the author discerns: 1) legislative power and divides it into political (constitutional) power, traditional (legislative) power; 2) executive power and divides it into: presidential representative power, government and government administration power, local government power; 3) Judiciary power including: courts of Justice, tribunals, controlling power: a) Spokesmen, b) Budget Control of Government Inspectorate (NIK) and Regional Financial Chambers (RIO), c) National Bank of Poland (NBP) controlling competences. In line with Conastanta's doctrine the author defines presidential power as neutral with the major function of maintaining coordination and balance.

Denis Solodov, Ilia Solodov

Варминско-Мазурски Университет в Ольштыне

Расследование серийных убийств: проблемы практики (на примере Андрея Чикатило)

В последние годы наблюдаются негативные явления в динамике и структуре преступности в Российской Федерации. Особенное беспокойство вызывает рост числа преступлений, в том числе убийств, совершаемых теми же самыми лицами. Так, с 1995 до 2000 г. увеличивалось число направляемых в суды уголовных дел, связанных с совершением серий убийств одними и теми же лицами. В 1995 г. таких уголовных дел было зарегистрировано 139, в 1996 г. – 145, в 1997 г. – 156, в 1998 г. – 208, в 1999 г. – 218, а в 2000 г. – 241. Общее число жертв за указанный период времени (1995–2000 гг.) превысило 3000 человек. С 2000 по 2002 г. органами уголовного преследования было зарегистрировано 33 серии убийств¹. С 2004 по 2006 г. велось расследование уже 139 серий. При этом в 41 серии убийства совершались по сексуальным мотивам². Доступ до более актуальных данных ведомственной статистики, касающихся зарегистрированных серий убийств, в том числе по сексуальным мотивам, в настоящее время в России ограничен. Опубликованные цифры, показывающие общее количество совершенных убийств и покушений на убийство, не дают ясного представления о доли серийных деяний. Показатели раскрываемости серийных убийств в России не очень высоки. В литературе раскрываемость данной категории преступлений оценивается на около 55–60%³. Это значит, что с точки зрения статистики, в каждой второй серии убийств ее исполнитель остается неизвестным.

¹ В.Н. Исаенко, *Серийные убийства*, «Законность» 2002, № 6, с. 2; В.Н. Исаенко, *Проблемы теории и практики расследования серийных убийств*, автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук, Москва 2004, с. 3.

² И.Н. Горбулинская, *Использование специальных познаний в процессе расследования серийных убийств (первоначальный этап расследования)*, автореферат диссертации кандидата юридических наук, Барнаул 2007, с. 3.

³ И.В. Усанов, *Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Саратов 2003, с. 3.

Уголовный процесс в каждом уголовном деле должен быть «выстроен» таким образом, чтобы его главные цели были реализованы, а именно:

- 1) виновник преступления был установлен и привлечен к уголовной ответственности, а невинный не понес ответственности;
- 2) правильно применены предусмотренные в законе процессуальные средства, установлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, реализованы меры уголовной превенции;
- 3) обеспечены законные интересы потерпевшего;
- 4) производство по делу закончено в разумный срок⁴.

Однако, достижение этих целей в уголовных делах, касающихся серийных убийств, связано с определенными трудностями. Необходимо не только установить личность убийцы. Нужно также доказать его вину, причем сделать это так, чтобы не оставалось малейших сомнений в том, что преступления совершались именно данным лицом, а использовать для этого можно только предусмотренные законом средства⁵. Проблемы появляются уже в самом начале следствия, поскольку от момента совершения первого преступления в серии и до момента задержания подозреваемого проходит обычно относительно много времени. Незафиксированные или зафиксированные с нарушением криминалистических рекомендаций следы безвозвратно деградируют. Свидетели, если таковые имеются, забывают важные моменты случившегося. Кроме того, главной проблемой розыска серийного преступника является отсутствие видимой связи убийцы с его жертвами (по крайней мере, на начальном этапе расследования). В качестве примера, можно привести серию убийств, совершенных бандой ГТА (GTA) в Московской области в 2010–2014 гг.⁶ Отсутствие выраженного мотива совершения преступлений в большинстве эпизодов породило (судя по информационным сообщениям представителей органов власти) множество самых невероятных версий, ни одна из которых в итоге не подтвердилась.

Следует также вспомнить и об организационных проблемах. В ситуации, когда серия убийств совершается на большой территории, действия уполномоченных с точки зрения территориальной подследственности органов уголовного преследования часто плохо координируются. «Следователи и оперативные работники могут не знать о возбужденных уголовных делах, касающихся похожих преступлений. Данные о лицах, совершивших серии

⁴ P. Hofmański (red.), *System prawa karnego procesowego, Zagadnienia ogólne*, t. I, cz. 1, LexisNexis, Warszawa 2013, с. 157.

⁵ D.K. Rossmo, *Geographic profiling as problem solving for serial crime*, [in:] Q.C. Thurman & J.D. Jamieson (eds.), *Police problem solving*, Anderson Publishing, Cincinnati 2004, с. 123.

⁶ Название данная преступная группа получила в социальных сетях по аналогии с одноименной компьютерной игрой (*Grand Theft Auto*) в связи с отсутствием явного мотива для совершения при совершении большинства инкриминируемых ей членам совершенных бандой убийств.

убийств, нередко фигурируют в материалах оперативно-розыскной работы, реже – в уголовных делах, однако в силу различных причин исследование версии о совершении ими расследуемых убийств проводится поверхностно либо не проводится вообще. Поэтому значительное время затрачивается на „ревизию” материалов предыдущего расследования и оперативно-розыскной работы с целью обнаружения в них данных о таких лицах»⁷. Эти факторы негативно влияют на результативность поиска. Случается также, что орган уголовного преследования с самого начала выбирает неверное направление розыска. Проверка ошибочных следственных (розыскных) версий забирает множество ценного времени и сил. Особенно опасны самооговоры предполагаемых преступников⁸. Ложное признание вины парализует расследование, приводя к отказу от дальнейших поисков. Следует также помнить о постоянно растущем давлении со стороны общества и органов власти, неизбежно сопутствующим расследованию с момента «утечки» в СМИ информации о серии убийств. В этой ситуации часто случается, что сложный характер розыска и процесса доказывания вызывает у сотрудников органов уголовного преследования натуральное и понятное желание выбрать более легкий путь. Это проявляется в сознательном пренебрежении требованиями закона и рекомендациями криминалистики при проведении наиважнейших следственных мероприятий⁹. Как следствие растет риск совершения ошибок при идентификации преступника. Речь идет, прежде всего, об ошибочной позитивной идентификации, которая может закончиться обвинением (осуждением) невинного лица.

В англоязычной литературе можно встретить классификации типовых причин такого рода ошибок. Так, по мнению зарубежных ученых, ошибочное осуждение обычно вызывается действием одного из следующих факторов:

- 1) предубеждение работников органов уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого, поведение по отношению к подозреваемому, обвиняемому, противоречащее праву;
- 2) ошибочное распознавание подозреваемого, обвиняемого свидетелем;
- 3) ошибочное (неправильно истолкованное) заключение экспертизы;
- 4) неправильная интерпретация собранных по делу доказательств;
- 5) самооговор;
- 6) ложные показания других осужденных (арестованных);

⁷ В.Н. Исаенко, *Вопросы координации деятельности следователей и органов дознания при расследовании серийных убийств*, «Российский следователь» 2005, № 6, с. 121–122.

⁸ B. Malkin, *Wrongly accused Swedish Hannibal Lecter' to claim damages*, «The Telegraph» 22 March 2014, [online] <www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/sweden/10716026/Wrongly-accused-Swedish-Hannibal-Lecter-to-claim-damages.html> (11.04.2015); Henry Lee Lucas *Biography. Murderer (1936–2001)*, [online] <www.biography.com/people/henry-lee-lucas-11735804> (11.04.2015); M. Newton, *The Encyclopedia of Serial Killers (Facts on File Crime Library)*, Checkmark Book 2000, с. 459.

⁹ H.-D. Otto, *W imieniu pomyłki!*, Warszawa 2007, с. 74.

- 7) некомпетентная и неэффективная защита;
- 8) несоответствующее требованиям закона поведение прокурора (государственного обвинителя) в суде¹⁰.

Специалисты американского фонда «Innocent Project», опираясь на результаты анализа 325 ошибочных обвинительных приговоров, пришли к выводу, что чаще всего непосредственной причиной ошибочного осуждения невинного является ложная идентификация предполагаемого преступника свидетелями (72% уголовных дел). В 47% уголовных дел суд при вынесении ошибочного обвинительного приговора руководствовался ложным заключением экспертов. В 27% уголовных дел судебные ошибки были вызваны самооговором предполагаемого преступника, а в 15% уголовных дел непосредственной причиной осуждения невинного лица были показания других осужденных (арестованных), в том числе агентов, сотрудничающих с полицией¹¹.

В Польше, по мнению экспертов Хельсинской правозащитной организации, существует несколько типовых причин, по которым польские суды выносят ошибочные итоговые решения. Большинство из них созвучно приведенным выше выводам, к которым пришли американские исследователи:

- показания свидетелей, ошибочно указывающих на вину подозреваемого, обвиняемого;
- ошибки, совершенные органами уголовного преследования на первоначальном этапе расследования, то есть непрофессиональное поведение работников следствия;
- ошибки, допущенные во время проведения опознания, ошибочная идентификация подозреваемого свидетелем;
- самооговор подозреваемого, обвиняемого;
- нарушение процессуального принципа *in dubio pro reo*;
- ложные показания других осужденных или арестованных о совершении преступления в отношении подозреваемого, обвиняемого¹².

В российской литературе считается, что причины судебных ошибок имеют субъективный или объективный характер. Например, к объективным причинам можно отнести отсутствие разработанной методики или несовершенство имеющейся методики исследования определенного вида доказательств, отсутствие наработанной судебной практики в определенном вопросе. К субъективным причинам судебных ошибок относятся профессиональная некомпетентность следователя (незнание права, незнание криминалистических

¹⁰ B.E. Turvey, C.M. Cooley, *Miscarriages of Justice, Actual Innocence, Forensic Evidence, and the Law*, Elsevier Inc. 2014, с. 20.

¹¹ *The Causes of Wrongful Conviction*, [online] <www.innocenceproject.org/causes-wrongful-conviction> (14.04.2015).

¹² M. Ejchart, *Klinika prawa Niewinność*, Helsińska Fundacja Praw Człowieka, Warszawa 2007, [online] <www.hfhrpol.waw.pl/precedens/images/stories/broszura.pdf> (14.04.2015).

рекомендаций), профессиональные ошибки следователя (поверхностное отношение к делу, к порядку производства отдельных следственных действий), физические недостатки, неадекватное психологическое состояние лица, отвечающего за процесс расследования, давление со стороны средств массовой информации, нелегальное вмешательство в ход расследования со стороны третьих лиц¹³. Сказанное относится и к ошибкам при расследовании серий убийств.

В делах, касающихся серийных убийств, особую опасность представляет ошибочная негативная идентификация, то есть ситуация, когда органы уголовного преследования ошибочно исключают действительного преступника из круга подозреваемых¹⁴. Причины ошибочной негативной идентификации могут быть те же. Необъективность и односторонний подход – это наиболее частые поводы неудач в установлении лиц, совершивших серийные преступления. Характерным примером ошибочной позитивной и ошибочной негативной идентификаций является дело ростовского маньяка Андрея Чикатило.

История расследования дела Чикатило в Польше хорошо известна¹⁵. То, что серийный убийца, безнаказанно совершавший преступления в течении более, чем 20 лет, в конце концов был задержан, во многом было делом случая, хотя и следует признать, что розыск преступника осуществлялся с использованием всех возможных и доступных в то время методов и средств. Факт появления в рапорте милиционера из группы наблюдения знакомой фамилии был правильно интерпретирован следователем-руководителем следственной группы¹⁶. Удивление, однако, может вызвать темп расследования, начатого после задержания предполагаемого преступника. А. Чикатило был задержан 20 ноября 1990 г., а суд вынес приговор уже 14 октября 1992 г. И это при том, что в рамках следствия были допрошены несколько сотен свидетелей, потерпевших, получены заключения десятков экспертов, а материалы уголовного дела складывались в итоге с более, чем 200 томов. Само по себе обвинительное заключение, а также приговор суда первой инстанции насчитывали сотни страниц текста.

¹³ О.А. Сычева, *Судебная ошибка в уголовном судопроизводстве*, «Симбирский научный вестник», Ульяновск 2013, № 1 (11), с. 104–108; Э.В. Казгериева, *Причины возникновения судебных ошибок*, «Мировой судья» 2006, № 7, с. 15.

¹⁴ S.A. Drizin, R.A. Leo, *The problem of false confession in the post-DNA world*, «North Carolina Law Review» 2004, № 82, с. 992, [online] <www.innocenceproject.org/causes-wrongful-conviction> (11.04.2015); <www.hfhrpol.waw.pl/niewinnosc> (11.04.2015).

¹⁵ S.J. Giannangelo, *Psychopatologia seryjnego morderstwa*, Jeżeli p to q, Poznań 2007; W. Gonczarow, *Wampir z Rostowa*, Gutenberg Print, Warszawa 1997; R. Lourie, *Drapieżca. Polowanie na diabła*, UNIV-COMP, Warszawa 1995; R. Włodarczyk, *Charakterystyka osobowości seryjnych zabójców na przykładzie Andreja Cikatyły*, «Problemy Kryminalistyki» 2012, № 278 (4), с. 49–64.

¹⁶ Популярный миф о том, что главную роль в розыске преступника сыграл А. Бухановский (создатель психологического портрета маньяка), не находит своего подтверждения в материалах уголовного дела по обвинению А. Чикатило в совершении серии умышленных убийств.

Судебное разбирательство в деле А. Чикатило было открытым. Ход судебных заседаний освещали «на живо» журналисты. Фрагменты заседаний были показаны в региональном телевидении. Принимая во внимание характер вменявшихся А. Чикатило преступлений, первый раз в истории российского уголовного процесса были предприняты чрезвычайные меры безопасности. Стремясь защитить подсудимого от агрессивных действий многочисленных родственников погибших, А. Чикатило поместили в специальной металлической клетке, окруженной милицией.

Во время следствия А. Чикатило признался в совершении 55 убийств. Однако, обвинительное заключение охватывало только 53 эпизода, относительно которых следствию удалось собрать достаточные доказательства причастности к их совершению обвиняемого. Ростовский областной суд, рассматривавший уголовное дело в первой инстанции, признал А. Чикатило виновным в совершении 52 убийств. Среди жертв были 21 мальчик в возрасте от 8 до 16 лет; 14 девочек в возрасте от 9 до 17 лет, а также 17 молодых женщин. Преступления совершались на территории Ростовской, Владимирской, Свердловской, Ленинградской, Московской областей, Краснодарского края, на Украине и в Узбекистане на протяжении 1978–1990 гг. Один из эпизодов (в 1983 г.) суд исключил, поскольку обвинение не представило достаточных доказательств вины подсудимого. На этапе предварительного расследования по той же причине прекращено уголовное преследование в отношении А. Чикатило в связи с нераскрытыми убийствами двух молодых женщин в 1980–81 и 1984 г. Кроме признания подозреваемого иных доказательств его причастности к совершению данных преступлений не найдено. Суд кассационной инстанции (Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации) в своем постановлении от 30.06.1993 г. отметил, что обвинение также не представило суду достаточных доказательств вины осужденного А. Чикатило в совершении убийств восьми человек¹⁷. Таким образом, юридически А. Чикатило можно считать убийцей 44 человек. Данное обстоятельство, однако, не могло повлиять на характер итогового наказания.

В начале судебного разбирательства А. Чикатило подтвердил, что признает свою вину в совершении 53 убийств. Однако, после того, как суд начал задавать подсудимому детализирующие вопросы, А. Чикатило неожиданно изменил свое поведение. Он отказался признавать свою вину в совершении шести убийств. Позднее сообщил, что совершил еще четыре убийства, о которых ранее не говорил. Относительно некоторых эпизодов отказался давать показания. В моменте, когда стало ясно, что суд не намерен возвращать уголовное дело для производства повторного следствия (на что, повидимому, рассчитывал подсудимый, сообщая о новых, неизвестных

¹⁷ А.Х. Яндиев, *Прокуратура Ростовской области на рубеже веков*, Экспертное бюро, Ростов-на-Дону 2000, с. 263–269, [online] <www.prokuror-rostov.ru/history/17239/17432> (20.04.2015).

следствию эпизодах), А. Чикатило начал симулировать признаки психического заболевания. Он раздевался, говорил непонятные слова, грозил участникам процесса, суду. Суд, однако, заручившись заключением психиатрической экспертизы, признал обвиняемого полностью вменяемым. В приговоре суд обратил внимание на то, что за одно из первых совершенных подсудимым убийств (Елена З., 1978 г.) ранее было осуждено невинное лицо – Александр Кравченко. Как было установлено в ходе судебного разбирательства, доказательства, свидетельствующие о невинности А. Кравченко, то есть доказательства, которые отягощали А. Чикатило, из уголовного дела А. Кравченко непонятным образом исчезли. В суде А. Чикатило не захотел признаться до совершения убийства Елены З., ссылаясь на то, что на день убийства имел «твердое» алиби (весь день был на работе). Суд, однако, в свете собранных в деле доказательств признал А. Чикатило виновным в убийстве Елены З. О вине подсудимого свидетельствовали признание вины (сделанное добровольно во время предварительного следствия), заключения экспертиз, показания свидетелей, результаты осмотра места происшествия и проверок показаний на месте. Рассмотрим последовательно доказательства обвинения, собранные следствием в данном деле.

Первый раз о совершении убийства несовершеннолетней Елены З. Чикатило сообщил следователю после задержания, то есть в ноябре 1990 г. Подозреваемый сообщил, что в 1978 г. он вместе с семьей проживал в служебной квартире, которую получил как новый работник техникума. На сбережения он купил маленький дом в городе Шахты Ростовской области, куда периодически ездил, чтобы отдохнуть. В конце декабря 1978 г. направляясь к домику, он встретил на автобусной остановке девочку в возрасте 10–12 лет. Девочка несла школьный ранец. Он пошел за ней. На пустыре вблизи реки Грушевки догнал ребенка, повалил на землю, пробовал насиловать, душил. Когда девочка перестала шевелиться, испытал семяизвержение. Потом пальцами долго манипулировал при половых органах и анальном отверстии ребенка, пытаясь ввести там свою сперму. Тело бросил в реку вместе с ранцем.

В ходе последующих допросов А. Чикатило уточнил механизм совершения преступления, сообщив новые детали. В частности, он указал, что не только душил жертву руками, но и нанес несколько ударов принесенным с собой ножом в область живота. Добавил, что девочку заманил в свой домик и там пробовал ее изнасиловать, а потом убил. Глаза девочки он завязал ее же шарфом, так как не мог вынести ее взгляда. Эти показания полностью соответствовали собранным в деле доказательствам. Так, во время осмотра места происшествия в декабре 1978 г. была сделана фотография Елены З., на которой было видно, что глаза ребенка завязаны шарфом. Об этом обстоятельстве следователи никому не сообщали. Знать об этом мог только тот, кто участвовал в осмотре или имел доступ до материалов уголовного дела, а также сам убийца. После совершения преступления А. Чикатило с женой

вызывали в милицию, однако, быстро выпустили. Через некоторое время до него дошла информация, что за данное преступление осужден другой человек. Эти и другие описанные А. Чикатило детали совершенного им преступления нашли свое полное подтверждение в ходе проверки показаний на месте, произведенной в домике А. Чикатило, а также в сопоставлении с иными материалами уголовного дела.

Судебно-медицинские эксперты обнаружили на теле Елены З. три колотые раны, оставленные правдоподобно ножом. Их локализация и характер полностью соответствовали механизму совершения преступления, описанному обвиняемым и продемонстрированному в ходе проверки показаний на месте.

Эксперты, проводившие физико-техническую экспертизу, установили, что один из 23 ножей, найденных во время обыска в квартире А. Чикатило, мог быть орудием преступления в 1978 г.

Больше всего споров в суде вызвало заключение биологической экспертизы. Дело в том, что во время осмотра трупа во влагиалище и в заднем проходе потерпевшей была обнаружена сперма. Экспертиза установила, что группа выделителей соответствует четвертой группе крови. А. Чикатило, которого идентифицировала единственный свидетель, имел вторую группу крови. В результате, А. Чикатило был исключен из круга подозреваемых.

Современные специалисты неоднозначно подходят к данной проблеме. Официально сообщено, что А. Чикатило правдоподобно относился к малочисленной группе лиц, обладающих так называемым парадоксальным выделительством. Проведенная в 1991 г. комиссионная судебно-биологическая экспертиза установила, что кровь А. Чикатило относится ко второй группе, однако его пот, сперма и слюна соответствуют не второй, а четвертой группе крови¹⁸. Данное утверждение зрения критикуется в литературе. По мнению Н.П. Володько, властям надо было объяснить, почему следствие в деле о серии убийств, так долго не давало положительных результатов¹⁹. В действительности, существование случаев парадоксального выделительства научно не доказано. В тоже время есть риск ошибочного установления группы выделителей в ситуации, когда имела место контаминация доказательственного материала²⁰. Подобная ошибка не так редко встречается в уголовных

¹⁸ И.В. Усанов, *Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве*, Юрлитинформ, Москва 2005, с. 129; П. Лоррен, *Ростовское чудовище*, Крон-Пресс, Москва 1999, с. 14.

¹⁹ Н.П. Водько, *Почему так долго искали Чикатило?*, Юрист, Москва 1996, с. 30; Т.Н. Шамонова, *Оценка заключения эксперта по исследованию биологических следов человека*, [в:] *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сборник научных трудов*, ч. 2, Академия управления МВД России, Москва 2005, с. 237; Т.Н. Шамонова, *Суицидность и значение специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве*, «Эксперт-криминалист» 2010, № 4, с. 2–5.

²⁰ Е.В. Александренко, *Ошибки при назначении и проведении судебных экспертиз при расследовании серийных сексуальных убийств*, «Эксперт-криминалист» 2010, № 4, с. 36–39.

делах. Например, в отношении серийных убийц Головкина (Московская область) и Кулика (Иркутск) эксперты пришли к похожим выводам относительно группы крови разыскиваемого преступника. Следователи вовремя устранили эти противоречия назначением повторных и комиссионных экспертиз²¹. В деле казахского маньяка – Ивана Манджикова, неправильное установление группы крови разыскиваемого привело к тому, что настоящий убийца вышел на свободу²².

По мнению И. Гарбулинской, для установления действительно группы выделителей необходимо применять различные методы исследований. В деле А. Чикатило эксперты в 1979 г. применили один из методов, который и дал ошибочный результат²³. К сожалению во время следствия, а также позднее, в суде, версия о парадоксальном выделительстве у А. Чикатило так и не была проверена должным образом. Следователи не брали от обвиняемого образцы спермы, поскольку, как позднее сами признались, не знали, как это сделать²⁴.

Вина А. Чикатило подтверждалась также результатами проведенных в рамках расследований опознаний. Опознание – это одно из наиболее сложных в организационном и тактическом отношении следственных действий. Тактике его проведения посвящено немало публикаций. Тем не менее, ошибки при производстве опознания не так редки в практике. В подавляющем большинстве случаев они обусловлены грубым пренебрежением требованиями процессуальной формы и криминалистическими рекомендациями со стороны правоприменителей.

А. Чикатило опознал Елену З. одной из шести предъявленных ему фотографий. Ход и результаты опознания были зафиксированы с помощью видеозаписи.

Также и сам А. Чикатило был с уверенностью опознан единственным непосредственным свидетелем, видевшим обвиняемого с Леной З. на автобусной остановке в день убийства. Несмотря на то, что с того момента прошли годы, свидетель утверждала, что сможет узнать неизвестного мужчину. Она сообщила также, что была очень удивлена, когда узнала, что за убийство Лены З. осужден другой человек, совсем не похожий на того, кого она видела на остановке и которого описала в своих показаниях в 1979 г.

Следователи также предприняли меры по верификации признательных показаний обвиняемого. Места, показанные А. Чикатило во время проверки

²¹ А.М. Климанов, *Особенности назначения и производства судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения при расследовании убийств*, [в:] *Материалы всероссийской молодежной конференции «Актуальные вопросы биомедицинской инженерии»*, 24–26 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону 2012, с. 51.

²² Е.Р. Россинская (ред.), *Судебная экспертиза: типичные ошибки*, Проспект, Москва 2012, с. 344.

²³ И.Н. Горбулинская, *ук. соч.*, с. 175.

²⁴ М. Кривич, О. Ольгин, *Чикатило и его жертвы*, Изограф, Москва 1996, с. 104.

показаний на месте (допрос с выходом на место происшествия) совпадали с тем, что удалось установить во время осмотра места происшествия в далеком 1978 г. Обвиняемый хорошо ориентировался на месте происшествия, самостоятельно и верно описывал и показывал совершенные им действия.

В уголовном деле имелись также показания свидетелей. Причем, свидетели, которые ранее давали показания в деле А. Кравченко, хорошо запомнили события декабря 1978 г. К сожалению, протоколы, содержавшие их первоначальные показания, из материалов уголовного дела непонятным образом исчезли.

В уголовном деле по обвинению А. Кравченко, ключевым доказательством его вины было признание. Признание А. Кравченко «подтверждалось» другими доказательствами: показаниями свидетелей, результатами проверки показаний на месте, заключениями экспертиз. Рассмотрим последовательно наиважнейшие из них.

В начале следствия А. Кравченко последовательно не признавал свою вину в убийстве Елены З. Представил даже доказательства алиби на тот вечер. Со слов подозреваемого, в dniu убийства он был дома со своей бывшей женой и ее подругой. Как было установлено в последствии, задержанного поместили в одной камере с убийцей и наркоманом М., который систематически, каждодневно бил А. Кравченко, склоняя его к признанию вины²⁵. Признаваясь, А. Кравченко постоянно ошибался относительно числа нанесенных потерпевшей ран, последовательности своих действий, а даже места совершения преступления, внешнего вида и возраста Елены З. Однако, эти «мелкие» противоречия были успешно устранены следствием во время последующих допросов, очных ставок и проверки показаний на месте. Никто не обратил внимание на тот факт, что единственный непосредственный свидетель, видевшая предполагаемого убийцу, не распознала в нем преступника.

Свидетелями в деле А. Кравченко были его бывшая жена, ее подруга, «сосед» по камере в следственном изоляторе, который в материалах дела фигурировал как агент милиции под псевдонимом (практика использования показаний таких свидетелей распространена и в Польше), а также работники милиции, «работавшие» с А. Кравченко в начале расследования. Причем, жена А. Кравченко и ее подруга вначале полностью подтверждали алиби подозреваемого. Однако после задержания неожиданно изменили свои показания. Подруга жены утверждала впоследствии, что после убийства А. Кравченко однажды спросил ее, поверила бы она в то, что он способен убить и изнасиловать ребенка.

«Сосед» по камере утверждал, что А. Кравченко признался в совершении преступления. Причем он не бил А. Кравченко. Сделал то только раз, когда подозреваемый в красках описал ему совершенное убийство.

²⁵ И.М. Костоев, В.Е. Викторov, *Россия: преступный мир*, Изд. Олимп, Москва 1998, с. 133.

Сотрудники милиции сообщили, что не применяли в отношении подозреваемого А. Кравченко недопустимых методов ведения следствия. Признание А. Кравченко было сделано осознанно и полностью добровольно.

В деле А. Кравченко, также как и в деле А. Чикатило, заключение судебно-медицинской экспертизы о причинах и характере смерти Елены З. было косвенным доказательством его вины. Принимая во внимание тот факт, что к моменту задержания А. Кравченко работники милиции уже располагали предварительным заключением медиков, нет ничего удивительно в том, что описанный А. Кравченко механизм совершения преступления полностью соответствовал тем обстоятельствам, на которые указывали эксперты.

На одежде А. Кравченко и на одежде потерпевшей были найдены фрагменты растений того же самого вида. Следствие не обратило должного внимания на то, что согласно тому же заключению указанное растение (*elytorgia*) встречается во всех районах города Шахты.

А. Кравченко, как оказалось, имел ту же группу крови – вторую, что и А. Чикатило. Проигнорировано только тот факт, что эта группа крови относится до наиболее распространенных.

Ключевую роль в деле А. Кравченко сыграла похожесть *modus operandi* преступника. Ранее А. Кравченко уже был судим за аналогичное преступление в отношении 10-летней девочки. Более того, после совершения убийства А. Кравченко выколол потерпевшей глаза. В 1979 г. суд посчитал, что завязывая глаза Елене З. А. Кравченко повторил тот же способ действий.

На свитере А. Кравченко эксперты обнаружили мелкие следы крови, группа которой совпадала с группой крови потерпевшей. Утверждения А. Кравченко о том, что это кровь его бывшей жены, не проверялись. Интересно, что во время обыска в квартире, занимаемой А. Кравченко, следователи заметили следы крови, однако, их не зафиксировали²⁶.

В совокупности эти доказательства привели к осуждению невиновного, хотя каждое из них по отдельности могло быть поставлено под сомнение.

В литературе можно встретить утверждение, что осуждение А. Кравченко к смертной казни было обоснованным, несмотря на то, что показали последующие события. При этом ссылаются на «малоизвестный» факт, что в деле А. Кравченко убийство Елены З. не было единственным эпизодом его преступной деятельности. Следствием была доказана вина А. Кравченко в совершении других шести убийств²⁷. С этим сложно согласиться. Прежде всего, обвинительное заключение по делу А. Кравченко и приговор суда

²⁶ Фрагменты уголовного дела А. Чикатило позднее были опубликованы (Н.Н. Китаев, *Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок*, Изд. ИГЭА, Иркутск 2000, с. 213–254).

²⁷ М.А. Торкунов, *Проблемы уголовной ответственности за совершение особо тяжких преступлений по Уголовному кодексу Российской Федерации*, «Право в Вооруженных Силах» 2005, № 8, с. 17.

первой инстанции не содержат сведений об иных убийствах, якобы вмененных А. Кравченко. Даже, если принять за действительность то, что А. Кравченко мог совершить еще шесть убийств, за каждое с которых ему бы грозила смертная казнь, то вряд ли можно принять такое оправдание явной судебной ошибки.

Обобщая сказанное, следует обратить внимание на то, что расследование серийных убийств в большинстве случаев связано с решением трудных и специфических организационно-тактических задач. Успех органов следствия зависит во многом от всесторонности и объективности следователей и оперативных работников при установлении обстоятельств совершения преступлений. Нарушение этих принципов значительно увеличивает риск обвинения и последующего осуждения невиновного. Особое внимание следует обратить на проверку показаний лиц, признающих в совершении серийных убийств, а также подозреваемых и обвиняемых, последовательно и аргументированно доказывающих свою невиновность. Сообщаемые ими детали событий должны тщательно и объективно анализироваться, сопоставляться с иными имеющимися в деле доказательствами. Конкретизация и детализация признательных показаний должны определять содержание и тактическую линию каждого допроса. После завершения проверки следователь должен тщательно проанализировать собранные по делу доказательства, подтверждающие вину признающегося лица (исключив сами признательные показания), на предмет их достаточности для вынесения принятия последующих процессуальных решений по уголовному делу. Сложность расследования данной категории уголовных дел, неполнота следовой информации на местах происшествий, обуславливают необходимость выдвижения и параллельной проверки, как минимум, двух взаимоисключающих версий о личности преступника. Нельзя забывать также и том, что результаты оперативно-разыскной деятельности в условиях, когда уголовное дело вызывает повышенный общественный резонанс, должны оцениваться лицом, производящим расследование, критически. Следует требовать от оперативных работников предоставления объективных, потенциально проверяемых фактических сведений, указывающих на возможность совершения серии преступлений подозреваемым. Особое внимание должно уделяться оценке и проверке показаний лиц, содержащихся в одной камере с задержанным, поскольку, как свидетельствует отечественная и зарубежная судебная практика, эти лица могут в силу различных причин оговаривать подозреваемого.

Библиография

- Александренко Е.В., *Ошибки при назначении и проведении судебных экспертиз при расследовании серийных сексуальных убийств*, «Эксперт-криминалист» 2010, № 4.
- Włodarczyk R., *Charakterystyka osobowości seryjnych zabójców na przykładzie Andreja Cikatyły*, «Problemy Kryminalistyki» 2012, № 278 (4).
- Водько Н.П., *Почему так долго искали Чикатило?*, Юрист, Москва 1996.
- Giannangelo S.J., *Psychopatologia seryjnego morderstwa*, Jeżeli p to q, Poznań 2007.
- Gonczarow W., *Wampir z Rostowa*, Gutenberg Print, Warszawa 1997.
- Горбулинская И.Н., *Использование специальных познаний в процессе расследования серийных убийств (первоначальный этап расследования)*, автореферат диссертации кандидата юридических наук, Барнаул 2007.
- Drizin S.A., Leo R.A., *The problem of false confession in the post-DNA world*, «North Carolina Law Review» 2004, q 82, [online] <www.innocenceproject.org/causes-wrongful-conviction> (11.04.2015); <www.hfhrpol.waw.pl/niewinnosc> (11.04.2015).
- Ejchart M., *Klinika prawa Niewinność*, Helsińska Fundacja Praw Człowieka, Warszawa 2007, [online] <www.hfhrpol.waw.pl/precedens/images/stories/broszura.pdf> (14.04.2015).
- Исаенко В.Н., *Серийные убийства*, «Законность» 2002, № 6.
- Исаенко В.Н., *Проблемы теории и практики расследования серийных убийств*, автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук, Москва 2004.
- Исаенко В.Н., *Вопросы координации деятельности следователей и органов дознания при расследовании серийных убийств*, «Российский следователь» 2005, № 6.
- Казгериева Э.В., *Причины возникновения судебных ошибок*, «Мировой судья» 2006, № 7.
- Китаев Н.Н., *Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок*, Изд. ИГЭА, Иркутск 2000.
- Климанов А.М., *Особенности назначения и производства судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения при расследовании убийств*, [в:] *Материалы всероссийской молодежной конференции «Актуальные вопросы биомедицинской инженерии»*, 24–26 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону 2012.
- Костоев И.М., Викторов В.Е., *Россия: преступный мир*, Изд. Олимп, Москва 1998.
- Кривич М., Ольгин О., *Чикатило и его жертвы*, Изограф, Москва 1996.
- Лоррен П., *Ростовское чудовище*, Крон-Пресс, Москва 1999.
- Lourie R., *Drapieżca. Polowanie na diabła*, UNIV-COMP, Warszawa 1995.
- Malkin B., *Wrongly accused Swedish Hannibal Lecter' to claim damages*, «The Telegraph» 22 March 2014, [online] <www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/sweden/10716026/Wrongly-accused-Swedish-Hannibal-Lecter-to-claim-damages.html> (11.04.2015).
- Malkin B., *Henry Lee Lucas Biography. Murderer (1936–2001)*, [online] <www.biography.com/people/henry-lee-lucas-11735804> (11.04.2015).
- Newton M., *The Encyclopedia of Serial Killers (Facts on File Crime Library)*, Checkmark Book 2000.
- Otto H.-D., *W imieniu pomyłki!*, Warszawa 2007.
- Росинская Е. Р. (ред.), *Судебная экспертиза: типичные ошибки*, Проспект, Москва 2012.
- Rossmo D.K., *Geographic profiling as problem solving for serial crime*, [in:] Q.C. Thurman & J.D. Jamieson (eds.), *Police problem solving*, Anderson Publishing, Cincinnati 2004.
- Сычева О.А., *Судебная ошибка в уголовном судопроизводстве*, «Симбирский научный вестник», Ульяновск 2013, № 1 (11).
- The Causes of Wrongful Conviction*, [online] <www.innocenceproject.org/causes-wrongful-conviction> (14.04.2015).

- Торкунов М.А., *Проблемы уголовной ответственности за совершение особо тяжких преступлений по Уголовному кодексу Российской Федерации*, «Право в Вооруженных Силах» 2005, № 8.
- Turvey B.E., Cooley C.M., *Miscarriages of Justice, Actual Innocence, Forensic Evidence, and the Law*, Elsevier Inc. 2014.
- Усанов И.В., *Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве*, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Саратов 2003.
- Усанов И.В., *Проблемы раскрытия и расследования серийных убийств на сексуальной почве*, Юрлитинформ, Москва 2005.
- Hofmański P. (red.), *System prawa karnego procesowego, Zagadnienia ogólne*, t. I, cz. 1, Lexis Nexis, Warszawa 2013.
- Шамонова Т.Н., *Оценка заключения эксперта по исследованию биологических следов человека*, [в:] *Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: Сборник научных трудов*, ч. 2, Академия управления МВД России, Москва 2005.
- Шамонова Т.Н., *Сущность и значение специальных медицинских знаний в уголовном судопроизводстве*, «Эксперт-криминалист» 2010, № 4.
- Яндиев А.Х., *Прокуратура Ростовской области на рубеже веков*, Экспертное бюро, Ростов-на-Дону 2000, [online] <www.prokuror-rostov.ru/history/17239/17432> (20.04.2015).

Резюме

Ключевые слова: криминалистика, уголовный процесс, серийные преступления, доказывание, экспертиза, судебные ошибки.

Расследование серийных убийств осложняется рядом типичных организационных и тактических проблем. Дефицит времени, внешнее давление, сложность процесса доказывания и розыска могут провоцировать совершение процессуальных и криминалистических ошибок. Их последствием может быть обвинение и осуждение невиновного лица. Однако, не меньшую опасность представляет собой ошибочное исключение действительного преступника из круга подозреваемых. В данной статье анализируются ошибки, допущенные органами следствия при расследовании преступлений известного российского маньяка А. Чикатило.

Marcin Kazimierczuk

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

Restrictions on freedom of association on the example of trade unions in Poland

Introduction

Civil society is based, among others on the principle of pluralism in the creation and functioning of trade unions. The Article 12 of the Polish Constitution of 2 April 1997, stipulates that the Republic of Poland shall ensure freedom for the creation and functioning of trade unions, socio-professional organizations of farmers, associations, citizens' movements, other voluntary associations and foundations¹. The analysis of the characteristics of each organization listed in the Article 12 of the Constitution leads to the following conclusions: Firstly – The Constitution provides for the diversity of organizational forms of realization of the right of citizens' association, and the enumeration of organizations in Article 12 of the Constitution is not exhaustive; secondly – all the organizations mentioned in Article 12 of the Constitution have at least 5 common characteristics, which can be considered as a minimum set of features that characterize them together:

a) they are separate organizations, including a team of individuals, based on voluntary affiliation to them;

b) there is an appropriate set of rules defining the structure, scope of rights and duties, which constitute about organizational autonomy and independence of these organizations;

c) the activities and objectives of the organization are defined primarily in the statute and they must be consistent with the objectives of the state;

d) the authorities of these organizations come from the choice of those who make up these organizations;

e) organizations remain under the control or supervision of public authorities².

The Constitution of the Republic of Poland in the Article 58 Paragraph 1 stipulated that each individual shall have the freedom of association. There are two

¹ Freedom of association is both a guiding principle of the political system (Art. 12 of the Constitution), as well as the individual human authority (Art. 58).

conclusions resulting from this provision. Firstly, associating is not only a civil liberty, but it can also be attended by persons not having a nationality and foreigners (there are restrictions in this regard in other provisions of the Constitution, for example in Article 11 Paragraph 1 Section 1). Secondly, there were not created boundaries for forms of association, thereby allowing the society to have freedom to organize and diversity of its forms in different spheres of life³.

The legislator has divided associations into two main types: subjects to judicial court registration and non-judicial court registration. The types of the former should be established by act, which also should include regulations relating to the registration procedure and forms of supervision over already registered associations (Article 58 Paragraph 3). From this it follows the conclusion that on the basis of the direct application of the Constitution, you can create all kinds of associations that are not subjects to court registration, but also to any supervision by state authorities. Their creation and functioning of them is beyond the sphere of legal regulation⁴.

Freedom of association has not been outlined in a boundless way. Firstly, the Constitution of the Republic of Poland of 1997 provides a general indication of the limits of freedom of association (relating to all forms of realization of this freedom), expressing in the Article 58 Paragraph 2 a prohibition on Associations whose purposes or activities are contrary to the Constitution or statutes. Secondly, in regard to specific forms of associations, the Constitution of the Republic of Poland individualize the limits in using this freedom⁵. The legislator stipulates, however, that a court decides about refusing registration or prohibiting activities of such associations. Here arises the question whether the court may prohibit the association from action, established and acting solely on the basis of the provisions of the Constitution? Marek Chmaj answers this question negatively. He writes that: "since such associations are left outside the scope of legal regulation, it also excludes them from the jurisdiction of the courts. This does not preclude the possibility of proceeding against the persons forming such association or included in the board of directors. If the activities of those persons are contrary to the Constitution or statute, then nothing stands in the way to institute criminal or civil proceedings against them on application of an authorized entity"⁶.

² The resolution of 7 judges of the Supreme Administrative Court of 12 December 2005, II OPS 4/05, ONSAiWSA 2006, No. 2, item 37, p. 25.

³ See: A. Łopátka, *Jednostka. Jej prawa człowieka*, Warszawa 2002, p. 178.

⁴ See: P. Czarny, *Konstytucyjny status jednostki w państwie polskim*, [in:] P. Sarnecki (ed.), *Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa 2004, p. 94.

⁵ The Constitution of the Republic of Poland prohibits the existence of political parties and other organizations whose programmes are based upon totalitarian methods and the modes of activity of Nazism, fascism and communism, as well as those whose programmes or activities sanction racial or national hatred, the application of violence for the purpose of obtaining power or to influence the State policy, or provide for the secrecy of their own structure or membership (Art. 13).

⁶ M. Chmaj, *Wolność zrzeszania się*, [in:] M. Chmaj, W. Orłowski, W. Skrzydło, Z. Witkowski, A. Wróbel (eds.), *Konstytucyjne wolności i prawa w Polsce*, vol. 3, *Wolności i prawa polityczne*, Zakamycze 2002, p. 57.

A principle of freedom of association granted in Article 58 Paragraph 1 is described more precisely in other articles of the constitution. First and foremost, in following articles:

- Article 11 Paragraph 1: The Republic of Poland shall ensure freedom for the creation and functioning of political parties. Political parties shall be founded on the principle of voluntariness and upon the equality of Polish citizens, and their purpose shall be to influence the formulation of the policy of the State by democratic means;
- Article 12: The Republic of Poland shall ensure freedom for the creation and functioning of trade unions, socio-occupational organizations of farmers, societies, citizens' movements, other voluntary associations and foundations;
- Article 59 Paragraph 1: The freedom of association in trade unions, socio-occupational organizations of farmers, and in employers' organizations shall be ensured.

Resulting from the Article 59 of the Constitution the freedom to form trade unions and employers' organizations in practice guarantees unions the minimum of their rights necessary to secure the possibility of effectively achieving their goals (the failure to comply with this requirement constitutes a violation of the Constitution). However, the constitutional legislator left the legislature considerable discretion in this area, because he did not specify the scope of rights of trade unions in relations with employers except for the rights to bargain, concluding collective agreements and organizing strikes. On the other hand, Article 59 of the Constitution contains an order to provide with the balance of the interests of trade unions, employers and their organizations⁷.

The constitution emphasizes the right to bargain as a form of cooperation of trade unions with employers' organizations. The negotiated form of determining the relationship between employees and employers should take into account the principle of social market economy. The right to bargain, as it is clear from the decision of the Constitutional Tribunal, is not only a measure of achieving the interests of trade unions and employers' associations, but mainly it is the realization of workers and employers. It also helps to develop solidarity, dialogue and cooperation between social partners⁸.

Genesis of norms of freedom of association in trade unions

Trade unions in Polish lands were formed already during the partitions⁹. The division of the Polish lands between the invaders, fragmentation of the national

⁷ Judgement of the Constitutional Tribunal of 28 September 2006, K 45/04, OTK-A 2006, No. 8, item 111.

⁸ Judgement of the Constitutional Tribunal of 23 October 2001, K 22/01, OTK 2001, No. 7, item 215.

⁹ W. Sokół, *Związek zawodowy*, [in:] M. Chmaj, W. Sokół (eds.), *Mała encyklopedia wiedzy politycznej*, Toruń 2002, p. 438.

society and the legal and political relationships and the level of economic development in the individual partitions had a significant impact on the development of trade unions.

The first trade unions were formed since the mid-seventies of the nineteenth century in Upper Silesia in Gliwice, Bytom, Katowice and Tarnowskie Gory, on the initiative of the socialist and Catholic activists¹⁰.

After the end of the World War I, there was a huge growth of trade unionism by dint of the conditions created by the first regime of the reborn Polish. The decree of 8 February 1919 “concerning the provisional regulations on trade unions”¹¹ greatly simplified the registration procedure. The other decrees gave the unions the rights resulting from the introduction of employment service and arbitration system for regulating the conflicts arising from the employment relationship

Subsequent regulations placed in legal acts of rank of basic law contained not many issues connected with the freedom of association in trade unions (otherwise known as the freedom of the coalition). Therefore, it was assumed in Article 108 of the Constitution of the Republic of Poland of 17 March 1921¹², that citizens have the right of coalition meetings, and forming associations and unions. Within the framework of this regulation, the attention is called to the lack of a clear separation of freedom of association in trade unions (freedom of coalition) and the generally understood freedom of assembly.

The Constitution adopted on 23 April 1935¹³ generally did not use the concept of law of coalition – it included only the general nature clause formulated in Article 5 Paragraph 2, which “ensures that citizens are provided with the opportunity to develop their personal freedoms, and freedom of assembly, expression and association”. At the same time, there was introduced in the Paragraph 3 the provision that the rights, including freedom of association, are not entitled unconditionally, because their limit is the common good.

After World War II, in the new political reality, the trade union movement has entered an era of monism which was characterized by functioning in labour relations only one organizational structure that represents the interests of workers operating under the direct control of the state. The normative foundation of the trade union movement has become the trade unions act of 1 July 1949¹⁴ functioning for over thirty years. The basic assumption of this legal act has become the principle of organizational unity of the trade union movement. As a result, all the so-called trade unions were forcibly federated in one control panel, which was named the Association of Trade Unions (*Zrzeszenie Związków Zawodowych*). This institu-

¹⁰ W. Rusiński, *Zarys historii gospodarczej Polski na tle dziejów gospodarczych powszechnych*, Warszawa 1986, p. 181.

¹¹ Dz. P. P. P., No. 15, item 209.

¹² Dz.U. of 1921, No. 44, item 267.

¹³ Dz.U. of 1935, No. 30, item 227.

¹⁴ Dz.U. of 1949, No. 41, item 293.

tion, acting under the tutelage of the state ruling party apparatus¹⁵, has become *a prime representation of the trade union movement in Poland* (Article 5 of the Act of 1 July 1949).

In the constitution of the People's Republic of Poland, there were included normative solutions slightly different than in the Constitution of April 1935. Article 72 of the Constitution¹⁶ of 22 July 1952, in the Chapter VIII on fundamental rights and duties of citizens, assumed *that in order to promote political, social, economic and cultural activity the Republic provides citizens with the right of association* and trade unions and other organizations *gather the citizens for active participation in social, economic and cultural life* (Article 84 Paragraph 2)¹⁷. However, the Paragraph 3 of this provision was of primary importance in terms of restrictions on freedom of association. It forbade forming and participating in associations whose purposes or activities inflicted on the socialist system and legal system of the People's Republic of Poland. The Article 85 of the Constitution of 1952 was supposed to emphasize the role of trade unions in the socialist economy, providing for *active participation of these entities in the formulation and implementation of the tasks of socio-economic development of the country*. In the normative ground, this solution accomplished the Stalinist idea of trade unions fulfilling the functions of the *transmission line* of the party to the masses. In this context, it is not surprising that the right of association, decreed in the constitution, was not supported by any guarantees of independence and self-governance, which in practice until August 1980, made the noisy constitutional provisions entirely worthless.

The actual monopoly of Trade Unions Association in the People's Republic of Poland was broken as a result of events on the Coast in August 1980¹⁸. Striking personnel of enterprises demanded, among other things, to decree the rights of free association in trade unions. The essence of the problem was the necessity to introduce the new unions in the legal system, due to legitimate social belief that a totalitarian regime by administrative and police measures restricts workers' freedom of trade union.

As a result of the agreements made in August, the authorities allowed to form trade union pluralism, which has become a visible manifestation of the activities of the Independent Self-governing Trade Union „Solidarity” (*NSZZ Solidarność*), Independent Self-governing Trade Union of Individual Farmers „Solidarity” and a num-

¹⁵ Formally, the Association of Trade Unions was directed by the Central Council of Trade Unions. However, throughout its functioning, it remained under the strong ideological influence of political office of the Polish United Workers' Party.

¹⁶ Consolidated text: Dz.U. of 1976, No. 7, item 36 as amended.

¹⁷ According to the Leninist conception, the trade unions were supposed to be a school of democracy, shaping human personality. More on this topic, see K. Krzekotowska, *Problemy ruchu zawodowego we współczesnym świecie*, „Praca i Zabezpieczenie Społeczne” 1988, No. 2, p. 33.

¹⁸ Before to the strikes on the Coast in 1980, since 1978 there were already “Wolne Związki Zawodowe”.

ber of autonomous trade unions. However, after introducing a martial law on 13 December 1981 there was a return to monism in the Polish trade union movement¹⁹. In 1982, in a situation of deep political crisis and the collapse of a trade union movement, there was passed the Act of 8 October 1982 on trade unions²⁰, which in the Article 52, Paragraph 4 included a principle that only one trade union organization can operate in the workplace (*OPZZ*). The real breakthrough in this matter occurred after the end of the Polish Round Table Talks, where under the agreement of 5 April 1989 there was adopted a model of trade union pluralism, whose essence became the freedom of forming the union organizational structures on the sectoral, territorial, occupational basis and other. Amendment to the Trade Unions Act of 7 April 1989²¹ finally introduced in the normative sphere the freedom of association in trade unions in accordance with the principle of discretion. This solution was subsequently transferred to the current Act on trade unions of 23 May 1991²².

The above mentioned agreements of the Polish Round Table, among other establishments, provided for the restoration of full freedom of association. It was also considered, that the guarantee of this freedom should be introduced directly into the Constitution. Adopted on 17 October 1992 the Constitutional Act on mutual relations between the legislative and executive authorities in the Republic of Poland and the local government²³ called commonly as the „Small Constitution”, in accordance with Article 77 left in force the provisions of the eighth chapter (*Basic rights and obligations of citizens*) of the Constitution of 22 July 1952. Article 84 assured the Polish citizens of the right of association. However, the Article 85, concerning directly trade unions, stressed their important social role as a representative of the interests and rights of working people, and indicated the position of the union movement which was a *school of civil activity and involvement in building a civil society*.

As a result of changes in the normative sphere of freedom of association in trade unions made after 1989 a pluralistic model of trade union movement became fully operational. It resulted in a bloom of organizations founded on both sectoral, occupational and territorial basis. Therefore, it happened many times that a few or even several trade unions represented the workers belonging to the same professional group.

¹⁹ With the Prime Minister's decree of December 13 1981 (MP No. 30, item 273) the activities of all trade unions were suspended.

²⁰ Dz.U. No. 32, item 216 as amended.

²¹ Dz.U. of 1989 No. 20, item 105.

²² Dz.U. No. 55, item 234 as amended.

²³ Dz.U. of 1992 No. 84, item 426.

Fundamentals of freedom of association in trade unions in the Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997

Adopted on 2 April 1997 the Constitution of the Republic of Poland in Article 12 provides freedom of forming and functioning of trade unions and other voluntary associations²⁴. This general directive specifies the Article 59 of the Constitution. This regulation presents the fundamental trade union freedom in industrial relations and their guarantees. Concretely, the Paragraph 1 provides the freedom of association in trade unions, socio-occupational organizations of farmers and employers' organizations. In Paragraph 2 and 3 of the Articles 59 it was established the right to collective bargaining and the right to organize workers' strikes or other forms of protest subject.

Freedom of association in trade unions (also called freedom of coalition) and other trade union freedoms have been recorded in the Constitution among the rights and political freedoms²⁵, unlike all other rights and freedoms of workers, which were situated among the economic, social and cultural freedoms and rights. As a result, in the political approach constitutional *diplomacy*²⁶ of the freedom of association, particularly freedom of association, should be understood as the possibility of a collective impact of employees on the shape and functioning of broad socio-economic relations through empowerment in relations with authorities and public administration. It should be emphasized that in no case, however, this diplomacy of freedom of association cannot be in a democratic state the pretext to take over the role and tasks of political parties by trade unions²⁷.

Against the background of functioning in the past regulations in the Polish legal system relating to freedom of association in trade unions, the solutions adopted in the Constitution of 2 April 1997 appear to be comprehensive and widely complying with international standards in this area. The importance of the constitutional regulation is manifested mainly in the fact that freedom of creation and functioning of trade unions has been recognized in the Article 12 as one of the basic features of the system of the Republic of Poland²⁸.

By analyzing the provisions of Article 12 of the Constitution of 1997, it can be stated, that not only it enacts freedom of forming trade unions, but also freedom of action. Thus, in the constitutional area, there had been decreed two other trade union freedoms, and these are self-government and independence. Without respect for both

²⁴ See in this matter: W. Sanetra, *Prawa (wolności) pracownicze w Konstytucji*, „Praca i Zabezpieczenie Społeczne” 1997, No. 11, p. 2 and next; L. Florek, *Konstytucyjne gwarancje uprawnień pracowniczych*, „Państwo i Prawo” 1997, No. 11–12, p. 195.

²⁵ See: W. Zakrzewski, [in:] W. Skrzydło, *Polskie prawo konstytucyjne*, Lublin 2000, pp. 182–183.

²⁶ See: Z. Witkowski (ed.), *Prawo konstytucyjne*, Toruń 1998, p. 96.

²⁷ See esp. W. Sanetra, *Prawa (wolności) pracownicze...*, p. 7.

²⁸ See: M. Seweryński, *Konstytucyjne podstawy zbiorowego prawa pracy*, [in:] M. Wyrzykowski (ed.), *Konstytucyjne podstawy systemu prawa*, Warszawa 2001, p. 89.

of these freedoms it is difficult to imagine the free operation of workers' organizations²⁹.

Continuing discourse on the constitutional dimension of freedom of association in trade unions and other trade union freedoms, it is worth noticing, that Article 59 of the Constitution guarantees freedom of association in trade unions, socio-occupational organizations of farmers and employers' organizations. This means that the authorities and public administration cannot introduce arbitrary restriction of this freedom or deprive the trade union of the powers provided for in Paragraph 2³⁰ and 3³¹ of the Article 2 of the Constitution³². The adoption of such solutions makes the normative level of security of associations of employees satisfactory. We should take into consideration the fact that the importance of such protection in employment relation decreases as the withdrawal of the state from economic management.

There is no way to separate the reflections on freedom of association in trade unions from the general assumptions and principles that were formulated in the Constitution of the Republic of Poland. In particular, the Article 20 of the Constitution should be taken into consideration, in virtue of which the social market economy, based on the freedom of economic activity, private ownership, solidarity, dialogue and cooperation between social partners, it constitutes the basis of the economic system of the Republic of Poland. There is no doubt that the market nature of the economic system largely determined the adopted shape of the freedom of association³³. A wide emphasis in the Article 59 of the Constitution of the Republic of Poland the on freedom of association in trade unions and strengthening the freedom with the right to collective bargaining, strike and other forms of protest is undoubtedly an expression of departure from the characteristic of a past era of state intervention in favour of dialogue and partnership.

In the Constitution of 1997, there were introduced the regulatory mechanisms to serve the reality and applicability of the rights and freedoms decreed in it. It seems that the central importance has the Article 8 of the Constitution, which in Paragraph 2 states that the provisions of the Constitution shall apply directly, unless the Consti-

²⁹ P. Czarny, B. Naleziński, *Wolność zrzeszania się*, [in:] B. Banaszak, A. Preisner (eds.), *Prawa i wolności obywatelskie w Konstytucji RP*, Warszawa 2002, p. 596.

³⁰ According to Article 59 Paragraph 2 of the Constitution of the Republic of Poland, trade unions and their organizations shall have the right to bargain, particularly for the purpose of resolving collective disputes, and to conclude collective labour agreements and other arrangements. See: W. Sanetra, *Konstytucyjne prawo do rokowań*, „Praca i Zabezpieczenie Społeczne” 1998, No. 12, p. 3; See: L. Kaczyński, *Układ zbiorowy pracy – problem konstytucyjny*, „Państwo i Prawo” 1999, No. 8, pp. 11–24.

³¹ According to the Article 59 Paragraph 3 of the Constitution, trade unions shall have the right to organize workers' strikes or other forms of protest subject to limitations specified by statute.

³² Restrictions on the exercise of constitutional freedoms and rights may be imposed only by statute and only when necessary in a democratic state for the protection of its security or public order, or to protect the environment, health or public morals, or the freedoms and rights of others. Such limitations shall not violate the essence of freedoms and rights (Article 31 Paragraph 3 of the Constitution).

³³ See: B. Leśniewicz, *Wolność zrzeszania się – refleksje na tle Konstytucji RP z 1997 r.*, [in:] T. Jasudowicz (ed.), *Polska wobec europejskich standardów praw człowieka*, Toruń 2001, p. 171.

tution provides otherwise³⁴. In light of the provisions already quoted above in Articles 12 and 59 of the Constitution, which determine very precisely the scope of freedom of association, there is no doubt that they are suitable for direct use. Obviously, these freedoms are not absolute.

Examples of restrictions on freedom of association in trade unions in the light of international agreements binding on Poland

International agreements permit above all the objective restrictions on freedom of association in trade unions. In particular, Article 9 Paragraph 1 of the Convention No. 87 of the International Labour Organisation of 1948 concerning freedom of association and protection of the trade union rights³⁵ provides for the exclusion of its provisions in relation to the armed forces and police. A similar provision we can find in the Article 5 Paragraph 1 of the ILO Convention No. 98 of 1949 on the application of the right to organise and collective bargaining³⁶.

However, the Article 1 Paragraph 2 of ILO Convention No. 151 of 1978 concerning the protection of right to organize and procedure for determining conditions of employment in the public service³⁷ permits restriction of freedom of association in relation to public service employees in high positions, whose activities are generally considered to be related to the creation of policies or managerial functions, or in relation to employees whose duties are highly confidential.

What is more, the Article 8 Paragraph 2 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 1966³⁸ permits lawful restrictions on the exercising of trade union rights by members of the armed forces, police or government. Similar provisions are included in the Article 11 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950³⁹. However, the Article 4 of the ILO Convention No 135 of 1971 concerning the protection of workers' representatives in enterprises and granting them simplifications provides that national legislation, collective agreements, arbitration awards or court decisions may determine the category or categories of workers' representatives, who will be entitled to the protection and simplifications provided in this Convention. It allows us to limit their range of subjective. Applying these restrictions to particular groups of workers, however, poses difficulties, as exemplified by the employees of the Supreme Chamber of Control⁴⁰.

³⁴ See: W. Skrzydło, *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz*, Kraków 2000, p. 20.

³⁵ Dz.U. of 1958, No. 29, item 125.

³⁶ Dz.U. of 1958, No. 29, item 126.

³⁷ Dz.U. of 1994, No. 22, item 78.

³⁸ Dz.U. of 1997, No. 38, item 169.

³⁹ Dz.U. of 1993, No. 61, item 60 as amended.

⁴⁰ A. Świątkowski, *Glosa do orzeczenia Trybunału Konstytucyjnego z 21 XI 1995, K12/1995*, „Państwo i Prawo” 1996, No. 7, p. 101.

Constitutional scope of restrictions on freedom of association in trade unions

According to the Article 59 Paragraph 4 of the Polish Constitution of 1997, the scope of freedom of association in trade unions or employers' organizations may be subject only to such statutory limitations as are permitted by the international agreements concerning the Republic of Poland. The reference to international agreements is not accidental. International agreements after 1980 paved the way for the right of association in independent trade unions. They were also support for the demand to respect these freedoms by the Solidarity movement in the years 1982–1989. International agreements also affected the shape of the freedom of association in trade unions after 1989⁴¹. They were also the basis for assessing the scope of freedom of association in the jurisprudence of the Supreme Court and Constitutional Court before the entry into force of the Constitution of the Republic of Poland of 2 April 1997⁴².

By virtue of Article 59 Paragraph 4 of the Polish Constitution of 1997, the freedom of association in trade unions and other trade union freedoms may be restricted only to the extent permitted by international agreements. Thus, you cannot completely exclude the given freedom of association. A restriction which is authorized in an international agreement will be no violation of freedom of association. If the restriction on freedom of association would be greater than permitted by international agreements binding on Poland, then it would be violated not only Article 59 Paragraph 4 but also one of the first three paragraphs of Article 59 of the Constitution of 1997. They guarantee freedoms, which would be unduly restricted. It would also be a violation of international agreement.

The provision of the Article 59 Paragraph 4 of the Constitution of 1997 is a self-contained basis for the international agreements in the Polish legal system. If such agreements would limit the freedom of association, then application (incorporation) of these restrictions in the Polish legislation of labour is permitted under the

⁴¹ See: L. Florek, *Wpływ konwencji i zaleceń Międzynarodowej Organizacji Pracy na prawo polskie*, [in:] M. Seweryński (ed.), *Polskie prawo pracy i zbiorowe stosunki pracy w okresie transformacji*, Warszawa 1995, p. 54.

⁴² In particular, under the Convention 87 of the International Labour Organisation (Dz.U. of 1958, No. 29, item 125). The Supreme Court concluded that there is permitted the registration of other than those listed in Article 11 of the Act of May 23 1991 on Trade Unions (Dz.U. No. 55, item 234) associations set up by the trade unions (A resolution of 7 judges of October 15, 1992, I PZP 35/92, OSNCP 1993, No. 1–2, item 3). The Constitutional Court has adopted, however, that Article 86 of the Act of 23 December 1994 on the Supreme Chamber of Control (Dz.U. of 1995, No. 13, item 59) in part to refuse the right of association in trade unions of employees performing supervisory activities or control violates standards of acceptable restrictions on freedom of association in trade unions of public employees, under Convention No. 151 of the International Labour Organisation (Dz.U. of 1994, No. 22, item 78) – Sentence of 21 November 1995, K 12/95, OTK 1995, No. 3, item 15. See: J. Oniszczyk, *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego*, Zakamycze 2000, p. 410.

provisions of the Constitution. In this respect, the international agreements are applicable regardless of the fact that they become part of the internal legal order in the meaning of the Article 91 Paragraph 1 of the Constitution of 1997. Even if such provision would not exist, an international agreement still would be applied under Article 59 Paragraph 4 of the Constitution. The act restricting freedoms of trade union to a degree greater than the international agreement because has no legal force primarily as an unconstitutional act, and only secondarily as an act contrary to international agreement⁴³ (having priority of application over the Act)

On the other hand, even in the absence of standards included in Article 59 Paragraph 4, the restriction of freedom of association would be consistent with the boundaries for this freedom in international agreements. Commitment to respect international agreements (Article 9) and considering them as a source of generally applicable law (Article 87 Paragraph 1), or a part of the domestic legal order (Article 91) means that agreements cannot be affected by the wider restriction of freedom of association than they allow⁴⁴.

The provision of Article 59 Paragraph 4 of the Constitution of 1997 is a special provision in relation to other provisions of the Constitution concerning international agreements. It does not exclude the application of those agreements to the freedom of association regulated by Article 59 Paragraph 1–3. It is related, however, to a different scope than the restriction of these freedoms and it concerns in particular constituting positive guarantees of organizing in trade unions⁴⁵.

The difference between the above mentioned provisions of the Constitution and Article 59 Paragraph 4 lies in the fact that they contain slightly different rules of application of international agreement in the internal legal order. The provisions of the Constitution of 1997, requiring compliance with international agreements and regarding ratified international agreements as the source of internal law also include guarantees not compromising the freedom of association, because they define the boundaries of these freedoms. National legislation may limit the freedoms of trade unions, if the international agreement does not prohibit restrictions (they do not go

⁴³ See the Judgement of the Supreme Court of 7 December 1999, I PKN 438/99, under which provisions of the collective working agreement changing for the benefit of employees the principles of special protection against dismissal are important, because the Article 240 Paragraph 1 item 3 of the Labour Code which limits them (Dz.U. of 1974, No. 24, item 141 as amended) is contrary to the Article 59 of the Constitution and the provisions of the Convention No. 87 of the International Labour Organisation (Dz.U. of 1958, No. 29, item 125).

⁴⁴ It is also indicated in earlier jurisprudence of the Supreme Court and the Constitutional Court, which questioned the restriction of freedom of association before the entry into force of the Constitution of 1997, despite the fact that the existing constitutional provisions previously contained no similar standards for Article 59 Paragraph 4. See: J. Oniszczyk, *op. cit.*, p. 413 and next.

⁴⁵ An example of such guarantees can be the Article 2 Paragraph 1 of the Convention No 135 ILO concerning the protection of employees' representatives in enterprises and affording them simplifications (Dz.U. of 1997, No. 39, item 178), according to which in the company there will be awarded to workers' representatives with such simplifications to enable them quick and effective performing their functions.

beyond the boundaries determined in the agreement). However, the Article 59 Paragraph 4 permits on such a restriction, if it is authorized by international agreement.

Giving a separate content to the Article 59 Paragraph 4 in comparison with the general provisions of the Constitution of 1997 concerning the application of international agreements in the domestic legal order is confirmed by the general rule of interpretation of law, that no provision may be interpreted in such a way as to deprive it the importance⁴⁶.

The provision of Article 59 Paragraph 4 determines the permissible scope of restrictions on freedom of association in trade unions, which does not mean that every limitation permitted by international agreement must be introduced into the Polish law or that already introduced restrictions will go to the limit permitted by international agreement. General rules of restrictions on freedoms and rights of citizens decide about the use of a given restriction. As stated in the jurisprudence of the Constitutional Court the statutory limitation of liberty may be imposed only when it is necessary to harmonize this freedom with other norms, rules or constitutional values⁴⁷. Restrictions of liberty can only be made as necessary. It concerns keeping proportions between the degree of restriction of freedom of individual and the rank of the protected public interest. An excessive interference of the state in the freedom of the individual is forbidden. Restrictions of liberty must be treated in the category of exception. Their existence must always be the result of clearly formulated statutory provisions and it cannot be based on the presumption.

The provision of Article 59 Paragraph 4 Constitution of 1997 applies to all international agreements to which Poland is bound in case of freedom of association rights. This is indicated by the used phrase of *international agreements*. Above all, both the Article 9 and Article 87 Paragraph 1 and Article 91 of the Constitution point to the obligation to comply with all agreements (Articles 87 and 91 – ratified). Compliance with one agreement, and skipping to another would mean a breach of this second agreement, for which any provision of domestic law cannot authorize⁴⁸.

Formally speaking, the Article 59 Paragraph 4 apply to all agreements, regardless of whether they are ratified agreements with the consent granted by statute (Article 89 Paragraph 1 of the Constitution) or considered to be of such character under Article 241 Paragraph 1 of the Constitution of 1997, or agreements whose ratification does not require or would not require such consent. The discussed provision does not make any distinction in this area. In practice, however, the ratification of international agreements regulating trade union freedom, including freedom of

⁴⁶ It would be inevitable, assuming that Article 59 Paragraph 4 repeats only the general principles of the Constitution concerning the application of international agreements.

⁴⁷ See the Judgement of the Constitutional Tribunal of 19 June 1992, V 6/92, OTK 1992, No. 1, item 13; Judgement of 26 June 1995, K 11/94, OTK 1995, No. 1, item 12.

⁴⁸ By virtue of Article 26 of the Vienna Convention of May 23 1969 on the Law of Treaties (Dz.U. of 1990, No. 74, item 439) a party may not invoke the provisions of its internal law as justification for its failure to perform a treaty.

association in trade unions, always requires the consent granted by statute, as they relate to the freedoms and rights specified in the Constitution⁴⁹.

The scope of restrictions on freedom of association in trade unions in the light of the Act of 23 May 1991 on trade unions and other acts

Trade Unions Act of 1991⁵⁰ defines a trade union as an organization of working people, thus in the subjective scope generally outlines the personal freedom of association in trade unions. The Act does not define the concept of *working people*. It is more comprehensive than the term *employees*. Its subjective scope includes also other groups of people than employed in the employment relation. They have been exhaustively defined in the Articles 2 of the Act.

According to the provisions of Article 2 Paragraph 1 of the Act, all employees are entitled to full freedom of coalition, regardless of the nature of the act which creates employment relation⁵¹. According to the provisions of Article 2 Paragraph 1 of the Act, all employees are entitled to full freedom of coalition, regardless of the nature of the act which creates employment relation.

A similar scope of the freedom of coalition in trade unions have also some unemployed groups. It refers primarily to members of cooperative productive society. At this point we should emphasize, that this does not apply neither the candidates nor members of the household and their family members, even though many times they perform work for the cooperative societies under similar conditions to its members.

Under Article 2 Paragraph 1 of the Act, the right to form and join trade unions also have people who perform work under an agency agreement, provided that they do not have the attribute of the employer at the same time⁵².

The right to create and join trade unions in the workplaces also have the people sent to these workplaces in order to serve alternative military service (Article 2 Paragraph 5 of the Act).

In addition to people who enjoy complete freedom of coalition, there are certain categories of workers whose freedom of association in trade unions has been limited to acceding to the existing trade union organization. On the basis of existing legislation of this type the status have pensioners, retirees, the unemployed and contractors (home workers). The last ones may join a union only in the workplace, which have entered into a contract of outwork⁵³.

⁴⁹ See Article 89 Paragraph 1 Point 2 in connection with the Article 59 Paragraph 1–3 of the Constitution of the Republic of Poland of 1997.

⁵⁰ Dz.U. No. 55, item 234 as amended.

⁵¹ See: W. Masewicz, *Ustawa o związkach zawodowych, ustawa o rozwiązywaniu sporów zbiorowych*, Warszawa 1998, pp. 17–18.

⁵² In practice it means that the agents who employ at least one person within employment relation, for example, on a basis of employment for a trial period, do not have the right to organize in trade unions.

⁵³ K. Kolasiński, *Prawo pracy i zabezpieczenia społecznego*, Toruń 1999, p. 284.

The unemployed do not have rights to form trade unions. However, they retain membership in the trade union organization, whose member they were before losing their job. If at the moment of job loss an unemployed person was not a member of any union organization, he may join it, on the condition that the statute provides such possibility⁵⁴.

Similar solutions in terms of freedom of association as in the case of the unemployed, are applied in relation to pensioners. In light of the provisions of Article 2 Paragraph 3 of the Act they cannot form trade unions⁵⁵, but they do not lose the right to be a member and to join trade unions

Continuing the discussion on the scope of restrictions on freedom of association in trade unions, we should also focus on people employed in public services. Local government staff⁵⁶ and officials employed under the Act of 16 September 1982 on employees of state offices⁵⁷ may form and join trade unions without any limits. Deviation from this rule was indicated in the Article 86 of the Act of 23 December 1994 on the Supreme Chamber of Control⁵⁸, which provided that its vice-presidents, director general, directors and deputy directors of organizational units, and advisors to the president are unable to organize in trade unions. This regulation, regarded as unconstitutional, was repealed by the Constitutional Court of 21 November 1995⁵⁹. As for the members of the civil service, the Article 69 Paragraph 4 of the Civil Service Act provides that an official cannot perform any functions in trade unions. This regulation does not relate so directly to the freedom of association⁶⁰.

In the system of Polish law prohibitions on trade union membership was introduced by constitutional rules in relation to persons holding high positions in public service, who are expected to be independent and impartial. More specifically, these are the following persons:

- members of the National Broadcasting Council (Article 214 Paragraph 2 of the Constitution of the Republic of Poland);
- President of the Supreme Chamber of Control (Article 205 Paragraph 2 of the Constitution of the Republic of Poland);
- The Ombudsman (Article 209 Paragraph 3 of the Constitution of the Republic of Poland);

⁵⁴ L. Florek, T. Zieliński, *Prawo pracy*, Warszawa 2003, p. 308.

⁵⁵ Organizations focusing exclusively pensioners and retirees are not the subjects of trade unions; See. K. Kolasinski, op. cit., p. 284.

⁵⁶ Dz.U. of 1990, No. 21, item 124 as amended.

⁵⁷ Dz.U. of 1982, No. 31, item 214 as amended.

⁵⁸ Dz.U. No. 13, item 59.

⁵⁹ OTKZU 1996, No. 3, item 15.

⁶⁰ See: G. Goździewicz, *Wpływ instytucji zbiorowego prawa pracy na status prawny pracowników służby cywilnej i samorządu terytorialnego*, [in:] W. Sanetra (ed.), *Stosunki pracy w służbie cywilnej i samorządzie terytorialnym*, Białystok 2001, p. 43. See the Act of Civil Service of 18 December 1998 (Dz.U. No. 49, item 483).

- President of the Polish National Bank (Article 227 Paragraph 4 of the Constitution of the Republic of Poland).

Under Article 15 Paragraph 3 of the Act on the Polish National Bank of 29 August 1997⁶¹, the status of union members of the Monetary Policy Council shall be suspended for the duration of performing functions.

The issue of freedom of coalition of officers militarized is an important topic. The full right of coalition have guards employed in commune or municipal guards. In accordance with the provisions of Article 30 Paragraph 1 of the Act of 29 August 1997 on commune guards⁶², they can form and join unions without any restrictions.

As for the officers militarized, whose freedom of association is restricted, there should be indicated the persons working in the Police, Border Guards, Prison Service and the State Fire Service. The Article 2 Paragraph 6 of the Act on Trade Unions provides that union rights of officers may be exercised only within the constraints arising from the labour regulations.

According to the provisions of Article 67 Paragraph 1 of the Act on the Police of 6 April 1990⁶³, police officers may associate only in one trade union. So we have to deal with the case of statutorily decreed organizational monism, because the officers can only freely decide whether they want to join an existing organization⁶⁴. Analogous legal status have officers of the Prison Service⁶⁵ and the Border Guard⁶⁶. Under the Article 14 Paragraph 1 of the Act on the Prison Service of 26 April 1996 and the Article 72 Paragraph 1 of the Act on the Border Guard, in these service there can be only in one sectoral trade union.

Continuing arguments about the scope of restrictions on freedom of association in trade unions of militarized officers, it is worth noting that, in accordance with the provisions of Article 81 Paragraph 2 of the Act of 24 May 2002 on the Internal Security Agency and Intelligence Agency and the Article 58 of the Act of 16 March 2001 on the State Protection Office⁶⁷, the officers employed within those services cannot associate in trade unions. Professional soldiers have similar legal status in this matter. They are also not entitled to form and join trade unions under Article 48a of the Act of 30 June 1970⁶⁸.

On the basis of existing legislation, artisans, taxi drivers, lawyers⁶⁹, students and pupils do not have the right to form and join trade unions. It should be emphasized that the persons performing work under civil contracts (eg part-time

⁶¹ Dz.U. No. 140, item 938.

⁶² Dz.U. of 1997, No. 123, item 332.

⁶³ Dz.U. of 1990, No. 30, item 179.

⁶⁴ A. Świątkowski, *Zasady prawa pracy*, Warszawa 1997, pp. 216–217.

⁶⁵ Dz.U. of 1996, No. 61, item 283.

⁶⁶ Dz.U. of 1990, No. 78, item 462 as amended.

⁶⁷ Dz.U. of 2001, No. 27, item 298.

⁶⁸ *Ustawa o służbie żołnierzy zawodowych* (Dz.U. of 1970, No. 16, item 164 as amended).

⁶⁹ M. Seweryński, *Problemy statusu prawnego związków zawodowych*, [in:] G. Goździewicz (ed.), *Zbiorowe prawo pracy w społecznej gospodarce rynkowej*, Toruń 2001, p. 112.

work or contract work) also do not have this right. The legislature decided not to extend the freedom of association on the unemployed employment relationships of civil nature.

Conclusions

Freedom of association is an extremely important element amongst the rights and political freedoms. It is the embodiment of human desire to achieve certain common goals, and action in favour of the particular matter or the idea.

Belonging to various voluntary organizations and their activity is a manifestation of human individuality, it contributes to self-realization, stresses its freedom and independence from the state. Functioning of various types of associations, based on the voluntary work of their members and aimed not at achieving income, serving not only the satisfaction of private purposes, is not only important from the standpoint of the legal status of the individual. It may also be included as a part of the so-called civil society, and thus the sphere of social life with a certain autonomy from the government⁷⁰.

Freedom of association has been recognized as a civil liberty. Therefore, the legislator has made a significant distinction between the right and freedom of association. Granting citizens the right of association means that the legislature is empowered to regulate precisely all forms of the use of this right. Citizens cannot exceed granted them opportunities to act.

Freedom of association has a much wider dimension. In determining the civil liberties legislature is not empowered to regulate all the forms of citizens' activity in the area of action (freedom), but only to outline a framework, which the citizen cannot exceed. In certain limits the citizens have an unlimited choice of forms and methods for use of *freedom*⁷¹ granted to them. Freedom occurs when the action of the subject of right is indifferent, that is neither mandatory nor prohibited, and is both optional and allowed⁷². The scope of freedom of association in trade unions may be subject only to such statutory limitations as are permitted by the international agreements concerning the Republic of Poland. The reference to international agreements is not accidental. International agreements after 1980 paved the way for the right of association in independent trade unions. They were also support for the demand to respect these freedoms by the opposition in the years 1982–1989. International agreements also affected the shape of the freedom of association in trade unions after 1989.

⁷⁰ P. Czarny, B. Naleziński, op. cit., p. 591.

⁷¹ See: P. Sarnecki, *Wolność zrzeszania się*, Warszawa 1998, p. 25.

⁷² See: M. Piechowiak, *Prawo a wolność*, [in:] R. Hliwa, A. N. Schulz (ed.), *Prawa człowieka. Prawa rodziny. 30 lat Poznańskiego Zakładu Instytutu Nauk Prawnych PAN*, Poznań 2003, pp. 37–54.

Bibliography

- Chmaj M., *Wolność zrzeszania się*, [in:] M. Chmaj, W. Orłowski, W. Skrzydło, Z. Witkowski, A. Wróbel (eds.), *Konstytucyjne wolności i prawa w Polsce*, vol. 3, *Wolności i prawa polityczne*, Zakamycze 2002.
- Czarny P., *Konstytucyjny status jednostki w państwie polskim*, [in:] P. Sarnecki (ed.), *Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa 2004.
- Czarny P., Naleziński B., *Wolność zrzeszania się*, [in:] B. Banaszak, A. Preisner (eds.), *Prawa i wolności obywatelskie w Konstytucji RP*, Warszawa 2002.
- Florek L., *Wpływ konwencji i zaleceń Międzynarodowej Organizacji Pracy na prawo polskie*, [in:] M. Seweryński (ed.), *Polskie prawo pracy i zbiorowe stosunki pracy w okresie transformacji*, Warszawa 1995.
- Florek L., *Konstytucyjne gwarancje uprawnień pracowników*, „Państwo i Prawo” 1997, No. 11–12.
- Florek L., Zieliński T., *Prawo pracy*, Warszawa 2003.
- Goździewicz G., *Wpływ instytucji zbiorowego prawa pracy na status prawny pracowników służby cywilnej i samorządu terytorialnego*, [in:] W. Sanetra (ed.), *Stosunki pracy w służbie cywilnej i samorządzie terytorialnym*, Białystok 2001.
- Kaczyński L., *Układ zbiorowy pracy – problem konstytucyjny*, „Państwo i Prawo” 1999, No. 8.
- Kolasiński K., *Prawo pracy i zabezpieczenia społecznego*, Toruń 1999.
- Krzekotowska K., *Problemy ruchu zawodowego we współczesnym świecie*, „Praca i Zabezpieczenie Społeczne” 1988, No. 2.
- Leśniewicz B., *Wolność zrzeszania się – refleksje na tle Konstytucji RP z 1997 r.*, [in:] T. Jasudowicz (ed.), *Polska wobec europejskich standardów praw człowieka*, Toruń 2001.
- Łopatka A., *Jednostka. Jej prawa człowieka*, Warszawa 2002.
- Masewicz W., *Ustawa o związkach zawodowych, ustawa o rozwiązywaniu sporów zbiorowych*, Warszawa 1998.
- Oniszcuk J., *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej w orzecznictwie Trybunału Konstytucyjnego*, Zakamycze 2000.
- Piechowiak M., *Prawo a wolność*, [in:] R. Hliwa, A. N. Schulz (ed.), *Prawa człowieka. Prawa rodziny. 30 lat Poznańskiego Zakładu Instytutu Nauk Prawnych PAN*, Poznań 2003.
- Rusiński W., *Zarys historii gospodarczej Polski na tle dziejów gospodarczych powszechnych*, Warszawa 1986.
- Sanetra W., *Prawa (wolności) pracownicze w Konstytucji*, „Praca i Zabezpieczenie Społeczne” 1997, No. 11.
- Sanetra W., *Konstytucyjne prawo do rokowań*, „Praca i Zabezpieczenie Społeczne” 1998, No. 12.
- Sarnecki P., *Wolność zrzeszania się*, Warszawa 1998.
- Seweryński M., *Konstytucyjne podstawy zbiorowego prawa pracy*, [in:] M. Wyrzykowski (ed.), *Konstytucyjne podstawy systemu prawa*, Warszawa 2001.
- Seweryński M., *Problemy statusu prawnego związków zawodowych*, [in:] G. Goździewicz (ed.), *Zbiorowe prawo pracy w społecznej gospodarce rynkowej*, Toruń 2001.
- Skrzydło W., *Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej. Komentarz*, Kraków 2000.
- Skrzydło W., *Polskie prawo konstytucyjne*, Lublin 2000.
- Sokół W., *Związek zawodowy*, [in:] M. Chmaj, W. Sokół (eds.), *Mała encyklopedia wiedzy politycznej*, Toruń 2002.
- Świątkowski A., *Glosa do orzeczenia Trybunału Konstytucyjnego z 21 XI 1995, K12/1995*, „Państwo i Prawo” 1996, No. 7.
- Świątkowski A., *Zasady prawa pracy*, Warszawa 1997.
- Witkowski Z. (ed.), *Prawo konstytucyjne*, Toruń 1998.

Summary

Key words: freedom of association, trade unions, civil society, restrictions.

Freedom of association has its origins in an idea of civil society. The civil society with long and complex history becomes a fundamental element in a nowadays discourse on a well governed state. In such context an act of accession of Poland to European Union means integration with societies associating in various chains of associations, organisations, foundations, trade unions etc. – in the frame of what we used to call a civil society.

Freedom of association is an essential element among other political rights and liberties. Trade unions, for example, are a form of association. Basically, they are associations of workers organised to protect the interests of their members in front of the employer. A trade union can represent the rights of employees more efficiently than an employee itself. The scope of freedom of association in trade unions may be subject only to such statutory limitations as are permitted by the international agreements concerning the Republic of Poland. The reference to international agreements is not accidental. International agreements after 1980 paved the way for the right of association in independent trade unions.

Reports

***Doctor honoris causa* for Professor
Dariusz Szpoper**

On October 30, 2015 Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, the oldest and the biggest university of Caucasus and Transcaucasia was the host to a gala awarding *doctor honoris causa* title to Professor Dariusz Szpoper, PhD, the Head to the Department of Polish State and Law History and Political and Legal Doctrines at the Faculty of Law and Administration at UWM in Olsztyn. Professor has been awarded the noblest academic degree by the 16 March 2015 resolution of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University Senate for promoting the university beyond Georgia borders as well as for his academic work related to history of state and law as well as political and legal thought of lands on eastern border of Russian Empire.

A solemn gala was held in one of lecture halls situated in the main building of university campus. The event was attended by the highest authorities of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University: Rector – Professor Vladimir Papava, members of Senate and Faculties’ Boards, as well as the representatives of the University of Varmia and Mazury in Olsztyn: Vice-Rector for Science, Professor Jerzy Jaroszewski, PhD; Vice-Rector for Education, UMW Professor, Jerzy Przyborowski, PhD; Dean of the Faculty of Law and Administration – Professor Stanisław Pikulski, PhD; and employees of the Faculty of Law and Administration. The hall was also filled with guests invited from Poland and abroad as well as students of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

In the opening comment, Rector Vladimir Papav emphasized that *doctor honoris causa* is presented to the most outstanding academics who contributed greatly to a given academic community. Professor Dariusz Szpoper’s attitude and devotion to Ivane Javakhishvili Tbilisi State University fulfilled the above criterion. Next, Professor Dariusz Szpoper was given credit for developing cooperation between Faculties of Law in Olsztyn and Tbilisi by the Dean of State Law Faculty of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University – Professor Irakli Burduli, who pointed to organization of annual Polish-Georgian colloquiums which aim at making legislation and political and legal thought of both Poland and Georgia more familiar. It was also mentioned that Professor is a member of the Academic Board of annals entitled “Polish-Georgian Law Review”, a joint initiative of the Faculty of State Law of Ivane Javakhishvili Tbilisi State University and the Faculty of Law and Administration of UWM University in Olsztyn. In eulogy, Professor Nuzgar Surgadze reminded Professor Szpoper’s academic work and his most significant academic and

organizational achievements. Moreover, it has been emphasized that academic work of Professor Dariusz Szpoper perfectly inscribes into state and law history of Georgia, which together with Polish-Lithuanian Commonwealth remained within borders of Russian state in the 19th and at the beginning of the 20th century.

In his lecture, Professor Dariusz Szpoper presented the development of Polish-Georgian relations throughout the ages. He mainly focused on the events happening in pre-partitions period as told by the Poles residing in Caucasus at the time. Next, Vice-Rector for Science, Professor Jerzy Jaroszewski, PhD, read out a congratulatory letter from His Magnificence Rector of University of Varmia and Mazury in Olsztyn, Professor Ryszard Górecki, PhD, to Rector Professor Vladimir Papava. On behalf of *Alma Mater* in Olsztyn its Vice-rector for Education, UWM Professor Jerzy Przyborowski, PhD, thanked Ivane Javakhishvili Tbilisi State University for awarding Professor Szpoper with the highest academic title. He also voiced his hopes for further development of international academic cooperation between the universities.

The Dean of the Faculty of Law and Administration, Professor Stanisław Pikulski, PhD congratulated Professor Szpoper on the title of *doctor honoris causa* and passion for academic research which has been a key factor for Professor's international success. Professor Nikolai Javakhishvili, PhD, also made a speech wherein he reminded the beginnings of Professor Szpoper's cooperation with Ivane Javakhishvili Tbilisi State University

The gala was crested with a banquet and dinner hosted by University authorities.

(ed. Przemysław Dąbrowski)

The 6th Polish-Georgian Colloquium: *History of the sources of law in Poland and Georgia, Olsztyn, 30th September 2015*

The 6th Polish-Georgian Colloquium: *History of the sources of law in Poland and Georgia* was held on 30th September 2015 in Olsztyn. The cycles of meetings take place alternately in Poland and in Georgia. This year's meeting was held by the Department of the History of Polish State and Law and Political and Legal Doctrines of the Faculty of Law and Administration of the University of Warmia and Mazury in collaboration with Ivane Javakhishvili Tbilisi State University and the Cooperative Research Institute.

At the beginning, the guests were greeted by Professor Dariusz Szpoper. Then Professor Nikolai Javakhishvili (Ivane Javakhishvili Tbilisi State University) presented his newly published book: *Oczerki istorii gruzino-baltijskich wzaimootnoszenij*. The inauguration of the conference was honoured by the presence of Professor Grzegorz Białuński, the Vice-Rector for Human Resources and Professor Irakli Burduli, the Dean of the Faculty of Law at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.

During the first plenary session, chaired by Przemysław Dąbrowski, Professor of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Professor Igor Andriejewicz Isajew (Kutafin Moscow State Law University) presented his lecture on the subject of: *Istoriczeskaja tradicija prawotołkowanija* and Arsen Wazgienowicz Akopian, PhD, (Yelets State University of Bunin) presented a speech on: *Wriemia i legitimnost' zakona*. Afterward, Professor Marina Garishvili (Ivane Javakhishvili Tbilisi State University) held a lecture on the following subject: *Institut prawa sobstwenosti po „Obozrieniju Gruzii po czasti praw po zakonowiedieniju” Davida Bagrationa (Batonishvili)*. This session of the meeting ended with the following lectures given by Mariam Khoperia, PhD, (Ivane Javakhishvili Tbilisi State University) – *The political situation in Georgia in the first half of 14th century and Royal Charter, created at the initiative of George V* and by David Bostoganashvili, PhD, (Ivane Javakhishvili Tbilisi State University) – *Ruissko-Urbnisskoje ułożenije kak istocznik cerkownogo prawa*.

After the break, the chairman of the next session of the conference, Przemysław Dąbrowski, Professor of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn, introduced Rafał Kania, PhD (Pawel Włodkowic University College in Plock), who held a lecture on the following subject: *The Criminal Code in the Kingdom of Poland of 1818. The circumstances of the implementation and the fundamental assumptions of*

the first Polish criminal codification. This presentation was followed by the lecture titled: *Statutes of Casimir the Great – the monument of medieval law culture in Poland* delivered by Mikołaj Tarkowski, PhD, (University of Warmia and Mazury in Olsztyn). The next speaker, Marcin Kazimierczuk, PhD, (University of Warmia and Mazury in Olsztyn) held a lecture on the following subject: *The regulation with the power of the Act as an element of martial law*, and then Oskar Kanecki, the Master of Law (University of Warmia and Mazury in Olsztyn) discussed the subject: *The deeds of the regional councils of the Grand Duchy of Lithuania*. The lecture was followed by two final presentations given by Paweł Błażejczyk, the Master of Law (University of Warmia and Mazury in Olsztyn) – *Polish Commercial Code of 27th of June 1934 in the opinion of representatives of interwar and present doctrine of law* and by Professor Nikolai Javakhishvili – *U istokow gruzino-polskich wzaimootnoszenij*.

The individual presentations of the meeting participants were interposed by the discussion on the presented subjects. This conference is to be concluded by the scheduled publication.

Oskar Kanecki
University of Warmia and Mazury in Olsztyn